

55 380

55380
80FI A19

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE ATTILA JÓZSEF NOMINATAE

DISSERTATIONES
SLAVICAE

SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ

SECTIO LINGUISTICA

XXII

SZEGED

1991

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE ATTILA JÓZSEF NOMINATAE

DISSERTATIONES
SLAVICAE

SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ

SECTIO LINGUISTICA

XXII



SZEGED

1991

Publicationes Instituti Philologiae Slavicae in Universitate
de Attila József Nominata

Redigit:
Imre H. Tóth

Seriem publicationum edendam curat:
Károly Bibok

HU ISSN 0324-6523 Acta Univ. Szeged. A. József Nom.
HU ISSN 0237-9554 Diss. Slav.

ОСОБЕННОСТИ ПОЗИЦИОННОГО ВАРИИРОВАНИЯ РУССКИХ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ НА СТЫКАХ СЛОВОФОРМ

Е.Л. Бархударова

К настоящему времени вопросы русского консонантизма освещены во многих серьезных лингвистических исследованиях. Тем не менее в этой области остается ряд мало изученных проблем. К числу их относится поведение русских согласных фонем на стыках словоформ. Этому вопросу и посвящена данная статья. Анализ в ней выполнен с теоретических позиций Московской фонологической школы (МФШ): основной единицей фонетической системы языка признается фонема, которая понимается как функциональное тождество звуковых единиц, связанных отношением позиционной мены в пределах морфемы.¹

В границах морфемы фонема определяется как структурная единица. Иначе обстоит дело с ее функционированием. При изучении функционирования фонемы, то есть реализации фонемы в звуках речи, рассматривается ее поведение в слове.² Для решения задач проводимого в статье анализа важно ввести понятие фонетического слова.

"Фонетическое слово, — указывает М.С. Суханова в «Русской грамматике», — это либо одна словоформа, несущая на себе ударение, либо сочетание в потоке речи ударной словоформы с соседней безударной словоформой (реже — с двумя безударными словоформами). Входящая в состав фонетического слова безударная словоформа может находиться либо перед ударной словоформой (такая безударная словоформа называется проклитикой): *у́бра́га*, либо после ударной словоформы (такая безударная словоформа называется энклитикой): *отец бы́* (*оте[дз̌]бы́*). Ударная словоформа обычно является словоформой знаменательного слова".³ Как

¹ См. об этом: Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. Ч. I: Фонетика и морфология. М., 1945, с. 39–64.

² См. об этом: К.В. Горшкова. О фонеме в языке и речи. — *Slavia orientalis*, XXIX. Warszawa, 1980, No 1–2, с. 80.

³ Русская грамматика. Т. I. М., 1980, с. 90.

правило, не имеющие ударения служебные словоформы составляют вместе с этой словоформой одно фонетическое слово.

Исследование особенностей позиционного варьирования русских согласных фонем на стыках словоформ невозможно также без определения понятия синтагмы. Под синтагмой понимается часть предложения, характеризующаяся интонационной целостностью, нечленимостью.

В русском языке поведение фонемы может быть различно, в зависимости от ее положения внутри морфемы, на разных морфемных стыках внутри словоформы, на стыках словоформ в пределах фонетического слова и на таких стыках внутри синтагмы. В этом состоит одно из проявлений типологического своеобразия позиционного варьирования русских согласных фонем.

Так, например, сочетание фонем <т> и <с> реализуется как [ц] в пределах одной морфемы и на стыке корневой и суффиксальной морфем: *детский* [д'ѐцк'и]. На стыке приставки и корня в интервокальном положении то же сочетание реализуется как [цс]: *отсадить* [ацсад'ит']. В связи с этим А.А. Реформатский различал морфемные фузионные стыки и стыки агглютинирующей тенденции.⁴ На стыке предложной и знаменательной словоформ сочетание реализуется так же, как на стыке приставки и корня, то есть этот стык является стыком агглютинирующей тенденции: *от Саши* [ацсáшы]. И, наконец, на стыке знаменательных форм в пределах синтагмы ассимиляция может происходить, а может не происходить: *кот Саши* [кóц сáшы] и [кóт сáшы].

Необходимо отметить, что вопрос о фонетических чередованиях русских согласных на стыках различных словоформ в пределах фонетического слова и в пределах синтагмы имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Если эти позиционные чередования являются обязательными, то они подлежат активному усвоению. В том случае, когда они носят факультативный характер, необходимо пассивное знакомство с ними в ходе учебного процесса, поскольку учащиеся могут наблюдать их в русской речи. Как бы то ни было должно даваться системное представление о чередованиях на стыках словоформ в русском консонантизме. В настоящее время такая работа практически не предусмотрена в фонетических программах.

⁴ См.: А.А. Реформатский. Фонологические заметки. — В кн.: А.А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. Очерк; Хрестоматия. М., 1970, с. 483—484.

Анализ вопроса о чередованиях русских согласных на стыках словоформ целесообразно провести с точки зрения варьирования по четырем дифференциальным признакам, характеризующим фонетическую систему русского консонантизма: глухости—звонкости, твердости—мягкости, месту и способу образования. Нужно особо оговорить, что не все стыки актуальны для варьирования по каждому из четырех названных дифференциальных признаков. Поэтому в ходе описания варьирования по тому или иному признаку должны выделяться именно те стыки, которые важны.

По признаку "глухость—звонкость" ассимиляция происходит всегда и на всех стыках словоформ, то есть как внутри фонетического слова, так и внутри синтагмы: о[д] башни, по[т] креслом, гла[с]-то, но[з]-де, лист березы [л'изд б'ир'óзы], стог сена [стóк с'ёнъ].

В то же время сильная по глухости—звонкости позиция перед гласными, сонорными и [в]—[в'] является таковой только на стыке проклитики и последующего знаменательного слова: о[т] Литвы — по[д] Литвой, о[т] Воронежа — по[д] Воронежем, о[т] Астрахани — по[д] Астраханью.

На стыке знаменательного слова с последующей энклитикой и на стыке знаменательных слов внутри синтагмы русские согласные фонемы в данном случае ведут себя, как в позиции конца слова: рот ли [рóтл'и] — род ли [рóтл'и], нос ли [нóсл'и] — воз ли [вóсл'и] (ср. возле [вóзл'ь]), топот лошадей [тóпът л'шад'éì] — сад лимонов [сáт л'имóньф], ропот волн [рóпът волн] — сад вишен [сáт в'иш'нь].

Варьирование русских согласных фонем по твердости—мягкости имеет специфическую ограниченность. В "Лекциях по общему языковедению" В.А. Богородицкий подчеркивал, что именно слово в собственно лексическом смысле, а не фонетическое слово, является единицей реализации мягкости. Ученый приводил при этом такие примеры, как *весь ли* и *нес ли*. Такое же явление отмечал В.Н. Зиновьев. Этот вопрос рассматривается в диссертационном исследовании Н.К. Пироговой.⁵

Действительно, в отличие от признака "глухость—звонкость", дифференциальный признак "твердость—мягкость" в позиции конца слова сохраняет свою значимость, независимо от наличия примыкающей энклитики, что предопределяет сохранение оппози-

⁵ См.: Н.К. Пирогова. Вокализм и консонантизм русского языка (синтагматика, парадигматика). Дис. ... доктора филол. наук, М., 1985, с. 200—201.

ции по твердости—мягкости: ср. *нос-то* [нóсть] и *ось-то* [óс'ть]. Хотелось бы, однако, отметить, что отказываться от понятия фонетического слова, когда речь идет о дифференциальном признаке "твердость—мягкость" все-таки нет оснований.

Дело в том, что как показывает опрос информантов, на стыке проклитики и последующего знаменательного слова ассимиляция по твердости—мягкости, хотя в последнее время необязательна, но возможна: твердые согласные чередуются с мягкими перед последующими мягкими: и[с'] *села*, и[с'] *телеги*, по[д'] *деревом*. Проклитик, которые кончались бы мягкими согласными, в русском языке нет. Соответственно нет и примеров мены мягких согласных на твердые перед последующими твердыми в пределах фонетического слова. Однако так как в русском языке вообще допустима ассимиляция по твердости—мягкости на стыке проклитики и последующего слова, то есть основания считать, что здесь имеет место лексическая непредставленность, а не фонетическая невозможность явления.⁶

На стыках слов в пределах синтагмы в любом темпе речи признак "твердость—мягкость" варьированию не подвергается. Достаточно сравнить произношение таких словосочетаний, как *нос Шуры* ([нóс шúры] и [нóш шúры]) — *ось Шуры* ([óс' шúры] и [óш' шúры]), *лес шелестел* ([л'эс шь'л'ист'эл] и [л'эш шь'л'ист'т'эл]) — *брось шалости* ([брóс' шáльс'т'и] и [брóш' шáльс'т'и]). В связи с тем, что мягкость сохраняется, можно отметить сходство, а иногда и идентичность в произношении таких словосочетаний, как *весь шатается* и *вещь шатается*.

Варьирование русских согласных по месту и способу образования на стыках проклитики и последующего знаменательного слова совпадает с их варьированием на стыках приставки и корня и достаточно полно описано в лингвистической литературе.⁷ Следует особо остановиться лишь на некоторых фонетических позициях, анализу которых до сих пор уделялось мало внимания. Прежде всего, в позицию перед [ш':] зубные фрикативные <с>, <з>, под-

⁶ О понятиях "фонетически невозможно" и "лексически не представлено" см.: М.В. Панов. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979, с. 141–142.

⁷ См., например: Современный русский язык. Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1981, с. 72–84; Е.А. Брызгунова. Звуки и интонация русской речи. М., 1977, с. 89.

вергаясь ассимиляции по месту образования, глухости—звонкости и твердости—мягкости, реализуются как [ш']. При этом можно утверждать, что в таких случаях, как *с щеткой* и *без щетки*, несмотря на то, что звук [ш':] сам по себе является долгим, происходит удлинение согласного: [ш'ш':отк'ɨ], [б'иш'ш':отк'и].⁸

Необходимо указать и на разницу в реализации на стыках предложной и знаменательной словоформ сочетаний взрывных <т>, <д> с фрикативными <с>, <з>, <с'>, <з'> в интервокальном положении, с одной стороны, и не в интервокальном — с другой. В интервокальном положении проявляется агглютинирующая тенденция стыка: *от самолета* [ац'с'мал'отъ], *под самолетом* [п'ц'с'мал'отъм], *от забора* [ад'ззаборъ], *под забором* [п'д'ззаборъм]. Напротив, не в интервокальном положении сочетание реализуется так же, как и внутри морфемы и на фузионных стыках: *от стула* [ац'туль], *под стулом* [пац'тульм], *от звонка* [ад'званк'а], *под звонок* [п'д'званок].

Особый интерес представляют ассимиляции по месту и способу образования в пределах синтагмы и на стыках знаменательного слова с энклитикой. Ассимиляции по указанным признакам в пределах синтагмы в русском языке в целом довольно часты. Однако к особенностям русского языка относится их факультативность в большинстве случаев. Как правило, такие ассимиляции связаны с быстрым темпом речи. К этому необходимо добавить, что если слово кончается на мягкий согласный, то ассимиляция в пределах синтагмы по месту и способу образования бывает реже: мягкость согласного затрудняет ее. Следует рассмотреть ряд позиционных чередований русских согласных фонем по месту и способу образования на стыках знаменательных слов.

Наблюдения над звучащей речью и опрос информантов показывают, что точно так же, как и в пределах словоформ, на стыках знаменательных слов в пределах синтагмы зубные взрывные <т>, <д>, <т'>, <д'> перед последующими переднеязычными [ш], [ж], [ч'] в быстром темпе речи, во-первых, подвергаются ассимиляции по месту образования, во-вторых, приобретают дополнительный фрикативный элемент. Иными словами, происходит варьирование по месту и способу образования: *кот Шуры* [коч'ш'уры], *мать*

⁸ В лингвистической литературе обычно высказывается иная точка зрения: см., например: М.В. Панов. Русская фонетика. М., 1967, с. 87.

Шуры [мáч' шúры], *шепот человека* [шóпгч ч'ьлавéкъ], *путь человека* [пúч' ч'ьлавéкъ].

В процессе этой ассимиляции признак "твердость—мягкость", как и всегда, сохраняет свою значимость. Твердая фонема <т> реализуется твердым [ч], а мягкая фонема <т'> — мягким [ч']. Это особенно наглядно можно показать, сопоставив такие словосочетания, как *мат чемпиона* (претенденту) ([мáч ч'ьм'п'ио́нь]) и *мать чемпиона* ([мáч' ч'ьм'п'ио́нь]). Интересно, что абсолютно идентично последнему словосочетанию звучит словосочетание *матч чемпиона* (и претендента): [мáч' ч'ьм'п'ио́нь]. Таким образом, на стыке слов мягкость фонемы <ч> играет дифференциальную роль: <ч> противопоставлена фонеме <т> в этой позиции, но не противопоставлена <т'>.

Так же, как и зубные взрывные, зубная аффриката <ц> в позиции перед переднеязычными подвергается ассимиляции по месту образования: *коне[ч ш]еста*, *коне[дж ж]ары*, *коне[ч ч']асти*. Однако с зубными фрикативными фонемами <с>, <з>, <с'>, <з'> дело обстоит несколько сложнее. Их ассимиляция происходит только перед переднеязычными [ш], [ж]: *нос Шуры* [нóш шúры], *глаз Шуры* [гláш шúры]. Перед аффрикатой [ч'] ассимиляция зубных фрикативных не происходит: *но[с ч']еловека*, *гла[с ч']еловека*. Такие словосочетания, как *нос Шуры* и *нож Шуры*, могут звучать абсолютно одинаково ([нóш шúры]), в то время как словосочетания *нос человека* и *нож человека* всегда будут различаться в произношении ([нóс ч'ьлавéкъ] и [нóш ч'ьлавéкъ]).

Трудно разобраться в причинах указанного явления. Дело в том, что это единственный в русском языке случай, когда ассимиляция по месту образования, существующая внутри морфемы (*песчинка* [п'иш'и́нкъ]), на морфемных стыках корня и суффикса (*заказчик* [закáш'ик]), на морфемных стыках приставки и корня (*расчистить* [раш'ч'ис'т'ит']) и на стыках предложной и знаменательной словоформ (*с часами* [ш'ч'исáм'и]), исключена в пределах синтагмы. Возможно, определенную роль в данной ситуации играет то, что зубные фрикативные и переднеязычная аффриката различаются сразу и по месту, и по способу образования. Кроме того, надо сказать, что в последнее время на стыках морфем в ряде случаев, особенно у молодежи, можно услышать и произношение [с'ч'] без

ассимиляции по месту образования: *ра[с'ч']истить, зака[с'ч']ик*.⁹ Поэтому можно допустить мысль, что позиция перед [ч'] имеет некоторую тенденцию к тому, чтобы стать сильной для зубных фрикативных по месту образования.

Наконец, в синтагме, как и в пределах фонетического слова на стыках предложной и знаменательной словоформ, в позиции перед фрикативными зубными и зубной аффрикатой [ц] взрывные зубные шумные согласные фонемы <т>, <д>, <т'>, <д'> могут приобретать фрикативный элемент, превращаясь в аффрикату. Очевидно, что здесь происходит варьирование по способу образования. В позиции перед аффрикатой можно также говорить об ассимиляции по данному признаку. Приведем примеры: *рокот самолета* [р'ок'ц' с'ьмал'от'ь], *пять самолетов* [п'ац' с'ьмал'от'ьф], *сад царя* [сац цар'а].

Что касается варьирования по месту и способу образования в позиции перед энклитикой, то, к сожалению, лексически в русском языке можно выделить единственную энклитику, перед которой с точки зрения ее фонемного состава может происходить варьирование по месту образования: частицу *же*. Все отмеченные позиционные чередования по данному признаку в пределах синтагмы абсолютно аналогично происходят на стыке знаменательных слов с последующей указанной энклитикой: *нос же* [н'ож'ж'ь], *глаз же* [гл'а'ж'ж'ь], *лось же* [л'ож'ж'ь], *конец же* [кан'ед'ж'ж'ь].

Проведенный анализ позволяет сделать один частный вывод. Из описанного варьирования русских согласных по четырем дифференциальным признакам на стыках знаменательных слов с энклитиками видно, что их поведение на этих стыках и на стыках знаменательных слов в пределах синтагмы идентично. Энклитики в гораздо меньшей степени спаяны со знаменательным словом, чем проклитики. Изложенный материал достаточно убедительно показывает, что понятие фонетического слова в ходе описания русского консонантизма целесообразно применять только в ситуации, когда служебное слово стоит перед знаменательным, то есть при наличии проклитик. Выделение энклитик не существенно для русского консонантизма.

В статье рассмотрены основные особенности позиционного

⁹ См. об этом: Н.К. Пирогова. Вокализм и консонантизм русского языка (синтагматика, парадигматика). Дис. ... доктора филол. наук. М., 1985, с. 315–316.

варьирования русских согласных фонем на стыках словоформ в пределах фонетического слова и синтагмы. Дальнейшим шагом могла бы стать конкретная разработка фонетических программ, включающих изучение этого вопроса.

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ВРЕМЕНЕМ СКАЗУЕМОГО И ВРЕМЕНЕМ АТРИБУТА-ПРИЧАСТИЯ С СУФФИКСАМИ -УЩ-, -ЮЩ-, -АЩ-, -ЯЩ- НА МОРФОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Е.М. Демьянова

Вопрос о времени причастия еще не решен и даже в некоторой степени запутан, поскольку до сих пор бытуют противоречивые мнения о том, каким является время причастия — относительным или абсолютным. Кроме того, в современном русском языке существуют слова-омонимы, совпадающие по морфологической структуре с истинными причастиями. Это тоже осложняет выяснение вопроса о времени причастия. Поэтому в данной статье выделяются для анализа причастия только одной морфологической группы.

Наше мышление отражает объективное время опосредованно, и не может быть в языке слепка с действительности без определенно допустимой степени трансформации. Однако при этом все же нужно учитывать, что объективное время, существующее независимо от нас, но преломленное через наше мышление и отраженное в языке, может быть представлено только в виде прямой односторонней линии.

План настоящего — самая неуловимая, постоянно движущаяся и уходящая от нас точка этой линии. "Как в прошедшем грядущее зреет, // Так в грядущем прошлое тлеет" (А.А. Ахматова, Поэма без героя).

Несмотря на объективную неуловимость настоящего времени во внеязыковой действительности, в грамматических категориях частей речи, связанных с выражением времени, оно всегда оформлено эксплицитно. "Время есть способ обозначения реальности, и конкретная реальность проявляется в определенной временной соотнесенности. Предшествование, сопутствие и последование сообщаемого факта относительно факта сообщения представляют собой конкретные частные формы проявления реальности."¹ Время сказуемого представляет собой организующую временную основу целого предложения. Остальные его члены располагаются на временной оси, выраженной временем сказуемого, и соотносятся с ним. Прежде всего это касается причастия, поскольку оно обладает

¹ В.С. Храковский, А.П. Володин. Семантика и типология императива. Л., "Наука", 1986, с. 64.

формальными морфологическими показателями времени. Поэтому, когда речь идет о причастиях с суффиксами *-ущ-*, *-ющ-*, *-аш-*, *-ящ-*, то, как нам кажется, должно подразумеваться следующее: если время причастия координирует/не координирует с моментом речи, то только опосредованно — через время сказуемого. Этот вопрос не оставался не замеченным исследователями. Так, Л.П. Калакуцкая утверждает, что "причастия настоящего времени означают одновременность по отношению к основному для них действию".² Это было бы совершенно бесспорным утверждением, если бы не приведенные в подтверждение авторской мысли примеры такого характера: "Я видел читающего мальчика".³ Здесь, безусловно, есть момент одновременности, но эта одновременность требует большего уточнения, поскольку вид глагола-сказуемого и вид атрибута-причастия не одинаковы, не говоря уже о времени сказуемого, не совпадающего со временем причастия. Л.П. Калакуцкая пишет об одновременности, не учитывая в собственных примерах заметной разницы между временем сказуемого и временем причастия. А в подобных примерах такой структуры современного русского языка временную одновременность членов предложения правомерно рассматривать не на морфологическом, а на смысловом уровне.

Об этом существенном временном несоответствии между сказуемым и атрибутом-причастием писал J. Forsyth: многие лингвисты ошибочно утверждают, что действительные причастия настоящего времени описывают действия, одновременные с действием основного глагола. Forsyth замечает, что так называемые причастия настоящего времени довольно часто встречаются в сочетании с предикатом прошедшего и будущего времени. И на этом основании делает правильный, на наш взгляд, вывод о том, что время этих причастий есть нечто формальное и нереальное.⁴ J. Gunnaг, исследуя причастия с суффиксами *-ущ-*, *-ющ-*, *-аш-*, *-ящ-* на газетном материале русского языка, пришел к такому же выводу: указанные причастия встречаются в предложении, где сказуемое может быть выражено глаголом настоящего, прошедшего и будущего времени как совершенного, так и несовершенного вида. В результате анализа 30000 предложений, в которых Gunnaг рассмотрел временные

² Л.П. Калакуцкая. Адъективация причастий в современном русском литературном языке. М., "Наука", 1971, с. 25.

³ Л.П. Калакуцкая. Указ. раб., с. 23.

⁴ J. Forsyth. A grammar of aspect. Usage and meaning in the Russian verb. Cambridge, Cambridge University Press, 1970, p. 307.

отношения между сказуемым и атрибутом-причастием на морфологическом уровне, он приходит к выводу, что причастие на *-ший* встречается в предложениях чаще всего, где сказуемое выражено глаголом в прошедшем времени.⁵ Естественно, что такие данные, добытые путем подсчета, заставляют более пристально рассмотреть эти соотношения.

Оформленную по-другому, но сходную по существу мысль находим в Грамматике-80: "в предложении *Он увидел смеющихся детей* характеризующий признак обозначен причастием как относящийся к наст. вр., но временное значение глагола — сказуемого относит этот признак в план прошлого".⁶ По всей вероятности, продолжая мысль, изложенную в Гр.-80, такое причастие при изменении времени сказуемого можно отнести во временной план настоящего и во временной план будущего. Но в таком случае напрашивается следующий вывод: причастие с суффиксами *-ущ-*, *-ющ-*, *-аш-*, *-яш-* не имеют собственного значения времени, несмотря на традиционно принятое стремление считать, что причастные суффиксы манифестируют временное значение.

К тому, что было сказано, следует добавить: во взглядах лингвистов на само причастное время нет не только единого мнения, мнения эти резко расходятся. Так, В.В. Виноградов считал, что причастия могут выражать "как абсолютное, так и относительное время".⁷ Лингвисты наших дней, исследующие причастие, также допускают, что оно обладает как относительным, так и абсолютным временем.⁸ М. Виньярски и Ю. Ванников придерживаются другого мнения, считая, что причастие может обладать только относительным временем.⁹

Для более углубленного рассмотрения координации времен

⁵ J. Gunnar. The use of gerunds and active participles in modern Russian newspapers. Göteborg, 1969, p. 131.

⁶ Русская грамматика. Т. I. М., "Наука", 1980, с. 665.

⁷ В.В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.—Л., Учпедгиз., 1847, с. 274—277.

⁸ А.А. Боровлев. Процесс адъективации в современном русском литературном языке. АКД. К., 1984, с. 12.

⁹ М. Виньярски, Ю. Ванников. Перевод причастий на испанский язык. — В кн.: Вопросы теории и техники перевода. М., Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, кафедра иностранных языков гуманитарных факультетов, 1970, с. 62.

обратимся к таблице, фиксирующей временные и видовые соотношения между сказуемым и атрибутом-причастием.¹⁰

	Сказуемое		Атрибут-причастие	
	время	вид	время	вид
М О М е н т р е ч и	1. видит	НВ	читающего	НВ
	2. видел	НВ	читающего	НВ
	3. будет видеть	НВ	читающего	НВ
	4. увидел	СВ	читающего	НВ
	5. увидит	СВ	читающего	НВ
	6. поэтизирует	двувидовой глагол	читающего	НВ

Данные таблицы и ее анализ позволяют сделать по крайней мере два вывода. Во-первых, термины "совпадение", "одновременность" и тому подобные при определении соотношения между временем сказуемого и временем причастия в атрибутивном значении, а следовательно, и в депредикативированном, недостаточно корректны и не могут быть универсальными. Во-вторых, момент речи (или точка отсчета) существенно отличается от морфологического времени сказуемого и причастия, хотя бы тем, что время причастия и сказуемого морфологично, а момент речи — синтаксическая категория.¹¹

На наш взгляд, целесообразно четко разграничивать морфологическое и неморфологическое время, тогда появится возможность соблюдать необходимую иерархию во временном соотношении, что в свою очередь значительно облегчит решение вопроса о времени причастия, если оно действительно обладает таковым. (Речь — только об одной морфологической группе причастий.)

Теперь обратимся к литературным примерам, иллюстрирующим положения таблицы.

¹⁰ Е.М. Демьянова. К вопросу о временном и видовом соотношении между предикатом и атрибутом-причастием. — В кн.: XII научно-методическая конференция северо-западного зонального объединения кафедр русского языка. Л., 1970, с. 79.

¹¹ А.Н. Луценко. Вид и предикативность. — ФН, 1987, №2, с. 44.

1. В стороне от дороги, под дубом
Под лучами *палящего* солнца *спит*
В зипунишке, заштопанном грубо,
Старый нищий, седой инвалид (И. Бунин).

И все-таки, *кочующие* птицы,
Не *пробуждают* зависти во мне (И. Бунин).
2. [...] Глеб *сидел красный* в ожидании *решающей* минуты и
только повторял [...] (В. Шукшин). (*Сидел красный в ожи-*
дании = смысловому наполнению: *сидел красный и ожи-*
дал.)

Древние только *форсили* своими *сверкающими* щитами.
(В. Шукшин).
3. А в промежутках *будет смотреть* перед собой на *бегущий*
мимо город и обдумывать планы (В. Токарева).
4. [...] И Чудик *запел дрожащим* голосом (В. Шукшин).
Старик помолчал и *запел звенящим* голосом (К. Паустов-
ский).

И только у двери Веня *увидел* его *трезвые хохочущие* гла-
за (С. Есин).

Сверкающий ливень *запрыгал* —
И сад зашумел от дождя (И. Бунин).

Там, в *ночной завывающей* стуже,
В поле звезд *отыскал* я кольцо (А. Блок).
5. Но ни на что не *променяем* пышный
Гранитный город славы и беды,
Широких рек *сияющие* льды,
Бессолнечные, мрачные сады
И голос музы еле слышный (А. Ахматова).

И по волнам *ласкающего* слова
Я образ твой прелестный *понесу* (А. Фет).

По *журчащей* Годавери
Я *пойду* верна печали (В. Брюсов).
6. Человек часто *поэтизирует* *окружающую* действительность.

Анализ грамматической семантики выделенных в данных предложениях слов позволяет подойти к некоторым предварительным выводам. О несомненной и полной одновременности можно было бы говорить только в том случае, когда и сказуемое, и причастие мотивированы глаголами несовершенного вида (1). И то не во всех случаях, ибо большое значение имеет и семантика исходного глагола как для сказуемого, так и для причастия.¹² В этом смысле важно иметь в виду, что в лексическом значении каждого мотивирующего слова скрыто и грамматическое значение мотивированного.¹³ Возвращаясь к первому примеру из первой группы, можем отметить, что со смысловой точки зрения нет никаких подтверждений того, что солнце было палящим ровно столько времени, сколько спал инвалид. И наоборот. Поэтому даже в этом случае одновременность действия аспектуальных актантов предложения носит весьма относительный характер. По крайней мере в том смысле, что приравнять временные точки начала и конца действия двух аспектуальных актантов нет оснований.

Во второй группе примеров обращает на себя внимание второе предложение, где говорится о *сверкающих* шитах. В данном случае атрибут-причастие *сверкающие* дает постоянную характеристику имени существительного *шит*, и эта характеристика оказывается существенной и постоянной до и после действия сказуемого. Следовательно, и в этом случае — лишь относительная одновременность.¹⁴

В четвертой группе примеров, естественно, время действия характеризующего признака атрибута-причастия гораздо длительнее, чем время действия сказуемого, произведенного от глагола совершенного вида.

Подводя итоги анализа приведенных предложений, можно сделать следующий вывод. При характеристике временного соотношения между сказуемым и атрибутом-причастием с суффиксами *-ущ-*, *-ющ-*, *-ащ-*, *-ящ-* правомерно определять эту координацию на морфологическом уровне как *неполную одновременность*,

¹² Е.М. Демьянова. Соотношение причастий и отглагольных прилагательных с омонимичными суффиксами и их сочетаемость с наречиями. Диссертация. Л., ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1973, с. 36.

¹³ А.Н. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., Изд-во литературы на иностранных языках, 1955, 21–25; С.Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., "Наука", 1972, с. 78–93.

¹⁴ Е.М. Демьянова. Указ. в сноске 12 раб., с. 25.

неполное временное совпадение. Кроме того, на наш взгляд, нет оснований приравнивать или соотносить время атрибута-причастия с моментом речи, ибо момент речи не морфологичен; момент речи — категория более высокого уровня — синтаксического.

Дальнейшая работа состоит в том, чтобы определить на основе данных видо-временных сопоставлений, обладают ли причастия с суффиксами *-ущ-*, *-ющ-*, *-аш-*, *-ящ-* собственной категорией времени.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ (на материале экологических произведений В. Пескова)

И.А. Гончар

Описание как коммуникативный тип речи является неотъемлемой частью всякого художественного повествования. В художественной публицистике, очевидно, описательные фрагменты также имеют место, но при этом не являются самоцелью, а служат выполнению поставленной автором задачи: например, созданию соответствующего настроения у читателя, которое поможет оформить нужное отношение к описываемым фактам, привести к тем или иным выводам. В экологических зарисовках В. Пескова описаниям отводится очень большое место. Это естественно. Тематика, выбранная публицистом, — мир живой природы, познание законов этого мира и его защита — диктуют постоянное обращение к описанию пейзажей, поведения животных и растений в той или иной ситуации. Предлагая вниманию читателей выразительные зарисовки, автор активно употребляет модели предложений со значением зрительного восприятия, поскольку "в конечном счете всякая констатация наличия предмета и его видимых зрению свойств, всякое описание возникает как результат зрительного восприятия".¹

Используя методику, предложенную Г.А. Золотовой², в соответствии с которой организация любого текста не может рассматриваться иначе, чем в определенных синтаксических моделях, соответствующих тому или иному содержанию; в которых первостепенную роль играют конкретные языковые формы и значения субъектов и предикатов — проанализируем некоторые модели предложений со значением зрительного восприятия, являющиеся наиболее характерными для данного автора. (Список опубликованных в газете "Комсомольская правда" произведений В. Пескова, из которых взяты примеры, см. в конце статьи.)

Анализ будем проводить таким образом, чтобы активность перцептивного субъекта постепенно возрастала. В структурных схемах моделей предложений будем использовать общепринятую в

¹ Г.А. Золотова. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., "Наука", 1982, с. 220.

² Г.А. Золотова. Указ. соч.

лингвистике символику³, дополнив ее некоторыми обозначениями формализованной экспериментальной записи синтаксических структур, предложенной Г.А. Золотовой:

S — перцептивный субъект, Pers — лицо;

P — предикат, V — процесс восприятия (V_{tr} — переходный глагол, V_{intr} — непереходный глагол, V_{impers} — глагол в безличной форме);

Ов — воспринимаемый предмет, объект восприятия;

Q — квалификация объекта (при зрительном восприятии, как правило, Ов=Q, в отличие от слухового или обонятельного, где "Ов" часто служит источником звука или запаха);

L — локатив, среда, место нахождения воспринимаемого предмета или воспринимающего субъекта;

$N_{1,2,3,4,5,6}$ — имя существительное в именительном, родительном, дательном, винительном, творительном, предложном падежах;

≠ — знак согласования имени и глагола.

Первый тип составляют предложения со структурной схемой:

$$\text{Ов}(=Q)/N_1$$

Это назывные предложения, которые были подробно рассмотрены нами в отдельной статье⁴, поэтому нет необходимости повторять уже сказанное. Приведем лишь один пример:

[...] *Заборы. Наличники. Двери с коваными запорами. В окнах — герань. У заборов — скамейки с обязательными старушками. Девятнадцатый век!*

Ритмизированное номинативное синтаксическое построение с подчеркнуто предметным лексическим наполнением "оказывается сигналом целого комплекса ассоциаций"⁵, в данном случае словесно выраженным: "Девятнадцатый век!"

В эту же группу войдут предложения, организованные по схеме:

$$V_{intr} \neq \text{Ов}(=Q)/N_1 + (L)$$

Их формирует бытийный глагол, обозначающий наличие предмета в

³ Грамматика русского языка. Т. II. М., "Наука", 1982, с. 93.

⁴ И.А. Гончар. О некоторых функциях номинативных предложений в художественной публицистике. — *Dissertationes Slavicae. Sectio Linguistica*, XX. Szeged, 1988, pp. 69–76.

⁵ Е.Н. Купреянова. Эстетика Л.Н. Толстого. М.—Л., "Наука", 1966, с. 147.

окружающем пространстве, его существование в какой-либо форме функционирования:

[...] *Мелькают* в плясках цветные платки, *звенят* мониста. *Мальчишки*, завладев лошадьми, *носятся* в нарядных санях по деревне. И *гогочут* возбужденно во дворах гуси.

Действительно, в глагольных формах *мелькают*, *звенят*, *носятся*, *гогочут* на первый план выступает сема фуктивности, т.е. существования, бытия — в процессе какого-либо вида функционирования: движения в танце, в езде на санях, в звучании.

Как частный случай такого типа предложений представляют интерес модели, в которых предмет заявляет о своем существовании через цвет.

Цвет в процессе зрительного восприятия картины окружающего мира неотделим от восприятия самих предметов и явлений: человеку дано видеть мир во всем богатстве и разнообразии красок. Язык, в свою очередь, открывает перед писателем широкие возможности обозначения цветовой гаммы жизни. Каковы они? Прежде всего, это, конечно, имена прилагательные — они и составляют ядро лексико-семантического поля со значением цвета. Однако известно, что наряду с именами прилагательными в русском языке существуют и другие способы обозначения цвета, например, имена существительные (*желтизна*) и глаголы (*желтеет*, *желтеется*), образованные от имен прилагательных со значением цвета. Именно такие глаголы и будут нас интересовать в первую очередь в данном случае постольку, поскольку именно они активно участвуют в формировании предложений со значением восприятия.

В произведениях В. Пескова встречаем семантически осложненные модели предложений со значением зрительного восприятия через цвет: глагольную позицию в таких предложениях занимают глаголы типа *желтеет(-ся)*, *белеет(-ся)*.

Как мачты, *белеют* церквушки [...].

[...] внизу *синет* страшная пропасть ущелья.

Сюда же надо включить и довольно часто встречающийся у данного автора глагол *темнеет*, который сам по себе определенного цвета не обозначает, но может быть отнесен к предмету любого цвета при недостаточной освещенности или при наступлении темно-

ты. Словарное толкование: "виднеться (о темном предмете)"⁶ — приближает его к этой группе глаголов.

На бугре стояла бревенчатая церковка, кругом *темнел* отражавшийся в Волге лес.

Иногда идешь по лыжне — что там *темнеет*?

Структурная схема модели демонстрирует формальное отсутствие воспринимающегося субъекта S, т.е. он имплицирован и выявляется в контексте. Часто этому способствует локатив L, указывающий на пространственное расположение, а, следовательно, и на присутствие S, ибо если "синеет внизу", то, очевидно, S находится над пропастью; в последнем из приведенных примеров воспринимающий субъект движется по лыжне, наречие *там* предполагает оппозицию *здесь* и определяет направление взгляда.

Повторим, что семантический компонент "восприятие" в лексической системе русского языка сочетается с различными категориальными частеречными значениями: "прилагательностью", "глагольность", "существительностью". В приведенных выше примерах можно отметить одну стилистическую особенность, рожденную в синтезе, во взаимодействии двух категориальных сем: "глагольности" и "прилагательности". Описываемая картина дается в динамике, в процессе. Ссылаясь на А.М. Пешковского, Р.М. Гайсина⁷ справедливо утверждает мысль о влиянии категориального смысла на содержание слова: именно глаголы оживляют любую описываемую картину и, в отличие от имен прилагательных, вызывают представление о действии, изменчивости, подвижности. Действительно, во всех приведенных выше примерах из контекста явствует, что воспринимающий субъект — автор-рассказчик — перемещается: либо плывет на пароходе по Волге и описывает то, что видит на берегах, либо идет по лыжне и наблюдает какие-то ситуации и т.д. Воспринимаемые объекты возникают, приближаются и исчезают из поля зрения, что дает нам право отметить динамическую перспективу картины.

Кроме того, выбирая глагол вместо прилагательного, автор приобретает дополнительные стилистические возможности эф-

⁶ С.И. Ожегов. Словарь русского языка. М., "Русский язык", 1981, изд. 13-е, с. 705.

⁷ Р.М. Гайсина. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. Изд-во Саратовского ун-та, 1981, с. 31.

фектного использования глагольных определителей в виде образных сравнений:

В поредевших садах *фонарями желтеют* поздние яблоки [...].

Лежащее на взгорке село [...] *серебрится* пушком диких трав [...].

В тех случаях, когда отдается предпочтение основной функции имен прилагательных — быть определениями, автор дополнительными лексическими средствами придает динамичность описываемой картине. Это может быть глагол с ярко выраженным образным началом:

[...] село *кудрявится* всеми оттенками желто-бурого цвета [...].

В семантической структуре глагола *кудрявиться* кроме сем бытийности и восприятия, обусловленных данной синтаксической позицией, можно также выделить и значение динамического образа действия.

[...] *синей подковой притихла* вода [...].

В этом примере *притихла* воспринимается по контрасту с движением.

Тропа от села *желтой змейкой скрывается* в пойменных крепях [...].

Как видно, эффект движения создается в последнем случае за счет сочетания имени существительного, в семантической структуре которого заложено значение динамической формы — *змейкой*, и глагола.

И все же, несмотря на двойную нагрузку глагола в тех случаях, когда процесс восприятия происходит благодаря цветовой характеристике предмета, позицию ремы при актуальном членении занимает воспринимаемый предмет, ибо факт его наличия в поле зрения воспринимающего субъекта оказывается более важным, чем его цветовая характеристика. Проиллюстрируем сказанное.

Белело возле дороги / *поскучневшее здание сельсовета*. Торчал / *кирпичный амбар*. И желтели на месте сосен / *четыре громадных пня*.

Очевидно, внимание читателя должно сосредоточиться именно на

пнях, оставшихся после бессмысленной вырубki сосен. Отметим попутно языковые средства, драматизирующие процесс восприятия: синтаксическое построение с четким ритмом (*белело здание, торчал амбар, желтели пни*), использование глагола *торчать*, имеющего просторечную и неодобрительную стилистическую окраску; усиленная частица *и* дополнительно акцентирует негативность восприятия всей картины; позиция абсолютного конца фрагмента (абзаца), которую занимает рематическое словосочетание *четыре пня*, фокусирует внимание читателей на главном.

Переходим к рассмотрению следующего типа предложений со значением зрительного восприятия.

По мере возрастания активности процесса меняется и структурная схема моделей предложений, и ее лексическое наполнение. Если первая группа формировалась, в основном, бытийными глаголами, а восприятие мыслилось лишь как описание всего, что находится вокруг субъекта, формально не выраженного, вторая группа включает, прежде всего, предикат, выраженный переходным (реже — непереходным) глаголом, кратким прилагательным, предикативным наречием, обозначающими акт ментальной деятельности субъекта. Позицию "Ов" занимают, как правило, имена существительные со значением предмета визуального восприятия. Появляется эксплицитованный перцептивный субъект. Перечисленные обязательные компоненты модели могут дополняться в различных комбинациях факультативными. Итак, приводимые ниже примеры строятся по схеме:

$$\text{Pers}/N_1 \neq V_{tr} + Q/N_4,$$

где Q=Ов и может быть выражен не только словоформой, но и словосочетанием и предложением.

1. Филин сделал попытку взлететь, вцепился когтями в сетку, и *мы увидели лапы*, способные схватить столько же, сколько может схватить человеческая рука.
2. И был случай, снимаю и *вижу: стою буквально у вольчегo логова, волчица за мной из кустов наблюдает [...]*.
3. Проплывая, *видишь деревеньки и села*, на крутых ее [Волги] берегах, *видишь мосты, паромы, высоковольтные линии* через реку, глядятся в воду палатки и шалаши рыбаков, пристани, тихие домики бакеншиков.
4. Я разглядывал журавлей с таким же интересом, как, помню, в

первый раз *разглядывал самолет*, прилетевший в наше село.

5. Два часа мы *наблюдали за ловлей* и даже сами рискнули попробовать счастье.

6. Мы долго *наблюдали* в чаще мелькание белых лосиных штанов.

В примерах 1, 4, 5, 6 воспринимающий субъект имплицирован и выражен формой личных местоимений, в случае 2, 3 агенс не именован, однако на него указывает личная форма глагола, забронировавшая позицию либо для определенно-личного субъекта (2), в данном случае это автор-рассказчик, либо обобщенно-личного (3) с целью: включить в процесс восприятия и адресата — читателя. Таким образом реализуются важнейшие качества публицистики — авторизация повествования: читатель "видит глазами автора" и активизация читательского восприятия.

Укажем попутно на одну особенность примера 3: в одном сложном предложении соседствуют модели I и II групп, выделяемых нами в данной статье. Ибо глагол *глядятся* приобретает здесь значение бытийности, перевернутое отраженное восприятие заключено в основном содержании значения глагола: "рассматривать себя в какой-нибудь отражающей поверхности"⁸; использование глагола — метафорично: объекты визуального восприятия кроме всего прочего еще и олицетворяются.

Для этого типа характерно большое разнообразие лексики в позиции предиката. Приведенные выше примеры располагаются по мере возрастания активности воспринимающего субъекта: *увидели, вижу, видишь, разглядывал, наблюдали*. Глагол *видеть* в этом ряду стоит на первом месте как менее "активный". Этот глагол, естественно, используется очень часто, однако здесь уместно будет указать и на такое построение бессоюзных предложений, в которых названный глагол — имплицирован, но значение зрительного восприятия не нарушается: оно предсказывается на основе следственных отношений между глаголами, обозначающими такие действия, в результате которых становится возможным видеть что-то:

Сколько тут кошек? Вряд ли это кому-то известно. Снимать их было легко. В любую сторону *повернулся — кошки*.

Очень любимы трюфели и кротами. К грибному жилищу часто

⁸ С.И. Ожегов. Указ. словарь, с. 120.

подходят тоннели, *копнешь* — *трюфель* наполовину источен острыми зубками.

В лингвистической литературе в таких случаях отмечается особая активность глаголов движения, наши примеры этот факт подтверждают: повернулся — и увидел; копнул — и увидел. Бессоюзие, наряду с другими синтаксическими параметрами: преимущественным употреблением простых предложений в сравнении со сложными, относительно небольшим удельным весом причастных оборотов и т.д. — придает повествованию несомненную разговорность. Это отмечает, например, Е.Н. Ширяев⁹: "Разговорные компоненты, несомненно, играют большую роль в оживлении публицистических текстов. Бессоюзные сложные предложения в публицистических текстах как разговорный компонент широко распространены".

Глагол *наблюдать*, самый частотный в зарисовках В. Пескова, имеет значение: "внимательно следить глазами за чем-либо"¹⁰, т.е., кроме семы "зрительное восприятие", включает в свое содержание и сему "длительность, глубина процесса" и (на наш взгляд) — в некоторой степени "анализ воспринимаемого". Определители, указывающие на характер действия (*пристально*) и на протяженность во времени (*два часа, четыре часа, целую зиму, несколько лет*) подтверждают и усиливают значение целенаправленности акта зрительного восприятия.

В немалой степени отмеченное лексическое разнообразие наблюдается за счет расширения лексико-семантического поля данной ЛСГ. Наряду с указанными глаголами, представляющими ядро этого поля, автор активно употребляет и другие глаголы, в которых значение зрительного восприятия заложено потенциально, а реализуется благодаря их синтаксической позиции и контексту: *заметить/замечать, обнаружить/обнаруживать, встретить/встречать, различить/различать, проследить/следить, наткнуться/наткаться, натолкнуться/наталкиваться*. Приведем примеры.

Я проследил эти злосчастные электролинии. Они вовсе не держатся строгой прямой [...].

В прошлом году, разглядывая прозрачный лед на мелкой торфяной

⁹ Е.Н. Ширяев. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М., "Наука", 1986, с. 164.

¹⁰ С.И. Ожегов. Указ. словарь, с. 326.

выемке, я заметил в нем живность [...].

Однажды в лесу я встретил ежика-альбиноса.

[Старик] с удовольствием стал вспоминать, как с другом в молодые годы *натолкнулись* в джунглях они *на змею* [...].

Непонятно также, где этот кот живет. Я *встречал* его в полкилометре от дома перебегающим улицу, сидящим возле мусорных ящиков, а однажды вечером *заметил* его наблюдавшим из-за решетки "Динамо" игру по хоккею с мячом.

При этом можно отметить следующую закономерность: если в позиции перцептивного субъекта оказывается персонаж повествования (охотник, лесник, туристы и т.д., а часто — и животные), то нередко используется глагол с ярко выраженной эмоционально-оценочной стилистической окраской. Это, на наш взгляд, позволяет автору открыто выразить свое отношение к описываемой ситуации: поиронизировать:

Два-три счастливца успели поймать форелек, уцелевших в пруду после утреннего сеанса. Это заставило остальных *гипнотизировать* поплавки.

выразить негодование:

Этот "*шедевр*" каждый год *лицезреют* десятки тысяч поклонников есенинской тонкой поэзии. (Речь идет об убожестве мемориала С. Есенина.)

отнестись с юмором к "персонажу":

Ну и у всех на глазах домашняя кошка [...] С каким олимпийским спокойствием *взирает* сверху она *на собаку*.

Заканчивая рассмотрение моделей предложений II группы, остановимся еще раз на лексике. Бесконечное, виртуозное манипулирование автора с лексемой *глаз* (ибо он является здесь основным и единственным орудием восприятия!) во всевозможных словосочетаниях, часто фразеологизированных, стилистически окрашенных, очень оживляет повествование:

на глазах; случиться *на глазах*; бросаться *в глаза*; обшарить *глазом*; пялить *глаза*; режет *глаз(-а)*; мозолить *глаз(-а)*; не верить своим

глазам ; глаз ищет, отмечает и т.д.

К III типу относятся такие предложения со значением зрительного восприятия, в которых активность процесса — предельна. Многое, конечно, можно увидеть невооруженным глазом, но автор пытлив: там, где не хватает природной, естественной человеческой способности видеть, на помощь приходят технические средства, а в структурной схеме появляется компонент — обозначим его Instr, схема, таким образом, приобретает вид:

$$\text{Pers}/N_1 \neq V_{tr} + \text{Об}/N_4 (+\text{Instr}/N_x),$$

где x обозначает различные предложно-падежные формы.

В основе каждого публицистического произведения, как известно, лежит факт: будь то любой газетный жанр, выступление по телевидению или непосредственная встреча с читателями в аудитории. Все, о чем рассказывает журналист, имело место в жизни, автор же дает непременно свою интерпретацию, оценку сообщаемому. Документальным подтверждением объективности рассказа могут служить фотографии, фильмы, магнитофонные записи. Все газетные произведения В. Пескова проиллюстрированы великолепными фотографиями, выступления по телевидению — интереснейшими киносюжетами. Технические средства, таким образом, повторим, придают большую объективность и дают еще новые возможности наблюдения жизни природы, расширяют их: с помощью фотоаппарата удастся запечатлеть картины тайной жизни животных, с помощью бинокля или микроскопа заглянуть в святая святых природы. Способность человека видеть, различать и усваивать явления внешнего мира — резко возрастает.

В предложениях со значением зрительного восприятия при помощи технических средств субъектом восприятия всегда является активно действующее лицо — либо автор-рассказчик, либо персонажи его рассказов. Круг лексических средств в таких предложениях ограничен: это следующие глаголы (и причастия, образованные от них) в позиции предиката — *запечатлеть/запечатлеться, снять/снимать, проследить/следить, наблюдать, обнаружить*; а также имена существительные, обозначающие эти средства — *микроскоп, бинокль, фотоаппарат, кинокамера, пленка*.

Рассмотрим примеры.

Был у меня с собою *бинокль*. Опустив оконную раму, я *приблизил к глазам объект* всеобщего интереса и был поражен [...].

Курский фотограф *наблюдал* аистов [...].

Снимок я сделал в Африке.

Оператор все это снимал [...].

На днях ученые дали мне заглянуть в микроскоп, и я видел клеща [...].

[...] в бинокль хорошо видно, как самка прячет голову [...].

Техническое средство, как видно из примеров, либо названо специальной лексемой в ближайшем контексте, либо имплицировано: в лексическом значении глагола соединяются обозначение действия и технического средства, с помощью которого это действие производится. *Снимать* значит — либо фотоаппаратом, либо кинокамерой.

Этот тип предложений при достаточной частотности большим разнообразием не отличается в силу объективных причин.

Подведем итог всему сказанному выше.

Предложения со значением зрительного восприятия в экологических произведениях В. Пескова играют очень важную роль: способствуют процессу опосредованного конкретно-чувственного восприятия действительности у читателей. Тематикой обусловлено количество и качество этих конструкций. В результате анализа удалось выделить три типа моделей со структурными схемами соответственно:

I. $Ов(=Q)/N_1$

II. $Pers/N_1 \neq V_{tr} + Q/N_4$

III. $Pers/N_1 \neq V_{tr} + Ов/N_4 (+Instr/N_x)$

Последовательность расположения типов определяется степенью активности перцептивного субъекта.

Список произведений В. Пескова, цитируемых в статье

1. "Верхолазы", 31. 03. 84.
2. "Желание полететь", 22. 04. 84.
3. "В горах найденное счастье", 25. 05. 84.
4. "Пчелиный враг", 05. 07. 84.
5. "Клочок земли, припавший к трем березам ...", 21. 11. 84.
6. "Волга твоя и моя", 02. 08. 85.
7. "Плес", 28. 09. 85.
8. "На празднике в Бурангулове", 07. 12. 85.
9. "Альбиносы", 21. 12. 85.
10. "Ночной визитер", 22. 03. 86.

11. "Поймать анаконду", 20. 04. 86.
12. "Осени середина", 17. 10. 87.
13. "В Риме, у Колизея", 19. 12. 87.
14. "За трюфелями", 1987.
15. "Перезимуем", 1987.
16. "Коты-путешественники", 1987.
17. "Ворон", 1987.
18. "Рыбалка по-итальянски", 10. 01. 88.

ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ ОТРАЖЕНИЯ ТАБУИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В БОДУЭНОВСКИХ ИЗДАНИЯХ "ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА" В.И. ДАЛЯ

Б.И. Осипов

Бодуэновские издания Словаря В.И. Даля: 3-е и 4-е¹ — до сих пор единственный лексикографический труд, в котором отражена табуированная (социально запрещенная, непристойная) лексика как неотъемлемая часть словарного состава русского языка. Этимологический словарь под ред. О.Н. Трубачева² еще не завершен, а диалектный словарь под ред. Ф.П. Филина³ и вовсе обходит стороной эту группу слов, хотя где, как не в народных говорах, она и проявляет себя наиболее активно!

В предисловии к 3-му изданию далевского Словаря И.А. Бодуэн де Куртенэ достаточно веско аргументировал необходимость лексикографического описания табуированных слов и достаточно едко высмеял ханжеские ужимки вокруг этой темы, и это освобождает от необходимости возвращаться к обоснованию того, что давно обосновано, и опровергать то, что давно опровергнуто.⁴

Дело однако в том, что отражение указанного пласта лексики в бодуэновских изданиях далевского Словаря далеко не полно, а в отдельных случаях содержит и неточности. Отсутствуют субъективно-оценочные образования от "непристойных" слов, отсутствуют семантические дериваты, да и морфемные приведены очень ограниченно. Очень скупо представлена фразеология, содержащая такого рода лексику. Наконец, имеются и такие табуированные слова, которые в современном русском языке перестали употребляться, и, наоборот, появились социально запрещенные слова, которых не было в эпоху Даля и Бодуэна: данная группа лексики,

¹ В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 3-е. СПб.—М., 1907; Изд. 4-е. СПб.—М., 1912.

² Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1—13. М., 1974—1987.

³ Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф.П. Филина. Вып. 1—22. Л., 1965—1987.

⁴ И.А. Бодуэн де Куртенэ. Предисловие редактора к 3-му изданию Словаря В.И. Даля. — Указ. изд., с. X.

как и любая другая группа в словарном составе языка, исторически изменчива. Все это дает уверенность в необходимости нового обращения к данной теме, но, к сожалению, не дает уверенности в том, что такое обращение будет встречено с пониманием.

Начнем с рассмотрения слов, обозначающих "неприличные" части человеческого тела.

Удивительно, что при слове *жопа* не дается производного *жопка* 'та часть плода или корнеплода, где он прикрепляется к стеблю или ботве'. Само производящее слово в народном языке почти не имеет экспрессии, производное же *жопка* не только лишено какой бы то ни было непристойной окраски, но к тому же не имеет синонимов, является единственным названием указанной части овоща. (Ср. еще такое словоупотребление: учительница математики, желая выяснить, знает ли ученик о шаровом сегменте, спрашивает, что получится, если частицу шара отсечь плоскостью, и получает ответ: "*Жопка*" — факт, записанный мной ок. 1980 г. в одной из школ г. Ижевска.) В Словаре слово *жопка* дано лишь как деминутив от *жопа*, дано также увеличительное образование *жопища*, другие же субъективно-оценочные дериваты от этого корня не отмечены. Между тем их несколько: *жопёнка*, *жопёшка*, *жопёха*, *жопонька*. (Непристойная частушка, записанная мной в конце 50-х гг. в г. Кургане: "Я девчоночкой была — не знала, что за коконьки, а теперь они всю ночь у моей у жопоньки".) Производные этого корня в других частях речи, не отмеченные в бодуэновских изданиях Словаря Даля: *жопистый*, *толстожопый* 'полный, толстый', *хитрожопый* — грубо-иронический синоним к *хитрый*, *голожопый* 'бесштаный' и далее 'нищий'; в Удмуртии в 80-х гг. записано прилагательное *безжопый*: "Раньше шили безжопые штаны, чтобы ребятишки сами по нужде ходили" (т.е. без помощи взрослых, не снимая штанов); зафиксирован также глагол *жопиться* 'капризничать'.

Из фразеологизмов со словом *жопа* в Словаре приведен *Пристал, как банный лист к жоле* и еще четыре наиболее употребительных, но многие довольно распространенные не отмечены: *под жопу коленом* 'выгнать вон'; *через жопу* 'не по-людски, не по заведенному порядку'; *здравствуй, жопа, новый год!* — о какой-либо неожиданной нелепости, глупой неожиданности; *ни в голове, ни в жоле* — о бесплодных усилиях; *нечем жопу прикрыть* — о плохой одежде и вообще о нищете; *жопой сверкает* — то же; *какую ему жопу надо!* — о чрезмерно требовательном человеке (ответ матери на просьбу детей сделать подарки друзьям на новый год: "Такому говну да ишшо каку-то жопу!"); *будто его в жопу тычут* — о непоседе; *нагреть жопу* — 'выпороть'; *как из жопы вытащена* — об

измятой одежде; как в жо́пе у негра — о непроглядной темноте; с ку́рю жо́пу — о чем-либо маленьком, то же, что с гу́льки́н нос; жо́пой сде́лано — о работе, выполненной благодаря усидчивости, а не уму; о́па, засра́на жо́па! — присказулька при подбрасывании ребенка на руках.

Из эвфемизмов слова *попа*, *попка*, *попочка* употребляются применительно к ребенку, *задница* в народном понимании не эвфемизм (сказать о лентяйке "задница боится прясницы" — ничуть не вежливей, чем об одежде "как из жо́пы выташена"), *зад* и *ягодицы* — литературно-книжные слова.

В табуированном названии мужского мочеполового органа Словарь для род. падежа дает только ударение *хуя́*. Однако в современном русском языке это ударение представлено лишь в устойчивых выражениях: *до хуя́* 'много, вдосталь'; *ни хуя́* 'ничего'; а также *на хуя́* 'зачем', где падеж винительный, но от слова *хуй* в значении грубого наименования мужчины (ср.: "Откуда этот хуй пришел?"), в грубо ироническом употреблении — *хуй моржовый*. Ср. менее грубый вариант выражения смысла 'зачем, к чему' словом *на че́ртá*. Значение 'мужчина' у слова *хуй* Словарем также не фиксируется. Впрочем, и в устойчивых сочетаниях конечное ударение в род. падеже не исключительно: ср. *ху-ли́* 'почему, отчего' из *ху́я ли́* с редукцией безударного окончания. В свободных же сочетаниях ударение везде на основе. (Ср. непристойную частушку, записанную мной в п. Юргамыш Курганской обл. в 40-х гг.: "На горе стоит стату́я, раздаётся ветра́ свист. У статуи́ вместо хуя́ прикреплен дубовый лист".) В других падежах ударение на основе и при фразеологизации: дат. *пошел к ху́ю* (в привычной формуле требования отвязаться, наряду с *пошел на́ хуй*), твор. *ху́ем* *трясти́* 'ходить без штанов или в плохой одежде', ср. *нечем жо́пу при́крыть*. Впрочем, в предложном падеже встречается форма *на ху́ю*.

В производном наречии Словарь фиксирует ударение *ху́ево*. Но в современном языке наличествует исключительно ударение на суффиксе — *хуё́во*; то же и в соответствующем прилагательном и инстативе (категории состояния). Не отмечено в Словаре прилагательное *хуя́стый* 'с большим хуем'. Не зафиксированы дериваты субъективной оценки: *хуё́чек* (встречается у Баркова), *хуё́к*, *хуи́шка*, *хуи́на*, *хуи́ще*. Из производных существительных устарели, перестали употребляться зафиксированные Бодуэном *хуеверкер* 'фейерверкер, солдат, производящий фейерверк' и *хуерик* 'триппер'. Но появились *хуи́дло́жник* 'скверный художник' и *хуи́вэ́нбин* — переделка китайского заимствования *хунвэйбин*. (Частушка, записанная в г. Ижевске в 70-х гг.: "Полюби́ла хуи́вэ́нбина́ и повеси́ла портре́т.

Рано утром просыпаюсь: бин на месте, хуя нет"; эвфемистический вариант: "... рамки нет".) Не отмечено в Словаре, но едва ли ново слово *хуёвина* 'штуковина' с деминутивом *хуёвинка*. (Анекдот об иностранце, вернувшемся из России: его спрашивают, труден ли русский язык, и он отвечает: "Нет, язык простой. Все инструменты одинаково называются. Молоток тебе надо, стамеску, шипцы — скажи только: «Вань, подай вон ту хуёвину» — и тебя поймут".) Вряд ли ново и слово *хуйня* 'чепуха', но в Словаре оно также не зафиксировано. В русских говорах Удмуртии в 80-х гг. экспедициями Удмуртского университета записаны слова *встанькохуйко* и *хуестой* — два названия какой-то травы, применяемой от импотенции: "Трава большая, цветочки мелконькие желтые, на пашнях растёт". (О российские пашни!) Трудно сказать, когда появились эти слова, но в бодуэновских изданиях Даля они тоже отсутствуют. Из производных глаголов от слова *хуй* не отмечены Словарем, но широко употребительны в современном языке *захуячить* и *захуярить* 'ударить' ("Как захуярил в морду!"), а также 'удодить не туда' ("Машину потащило по грязи, я и захуячил в кювет").

Из фразеологизмов, кроме рассмотренных выше в связи с ударением, употребительны еще такие, как *хуй с ним* — формула безразличия; *хуй в рот* (эвфемистический вариант — *в рот*) и *хуй на* — формулы грубого отказа и вообще пустого ответа. Как грубый отказ одно из этих выражений встречаем в песне В. Высоцкого: "В этом польском Будапеште шас такие времена: может, скажут «пейте-ешьте», ну, а может, и «хуй на»"; как формулу фатического общения — в расхожей шутке: "Иван!" — "А?" — "Хуй на: проверка слуха".

Если слово *жопа* по крестьянским понятиям находится где-то на грани пристойных и непристойных, то слово *хуй* среди субстантивной лексики считается наиболее непристойным. Скажем, для женщины ругаться "мужским матюком" — крайняя степень грубости. Поэтому у слова *хуй* множество эвфемизмов. Один из самых старых — *хер*. Его долгое бытование превратило этот, повторяю, эвфемизм почти что в матерное слово. (Вспомним замечание Бодуэна о том, что "слова, некогда «приличные», переходят малопомалу в разряд «неприличных»".⁵) С этим связана одна забавная ошибка исследователя древних славянских азбук В. Ткадлчика: он предполагает, что букву *Х* первоначально мыслилось назвать греческим словом *χι* 'будь здоров', но ввиду его непристойного звуча-

⁵ И.А. Бодуэн де Куртенэ. Указ. раб., с. X

ния у славян оно было заменено эвфемизмом *хѣрь*.⁶ В действительности слово *хѣрь*, *хер* — эвфемизм не к греческому, а к русскому слову, и эвфемизмом-то оно стало именно потому, что с буквы "хер" начинается непристойное слово; кстати, и более поздние эвфемизмы тоже связаны с "буквенными намеками": *послать на хэ*, *слово из трех букв*, *материться на все буквы*. Думается, права Т.А. Иванова, считающая, что первоначальным названием буквы для /х/ было слово *хльмь*, фигурирующее в одном из древних славянских алфавитариев, а *хѣрь* — название, перенесенное с буквы, предназначавшейся для обозначения /х'/ в заимствованных словах.⁷ Правда, эта гипотеза не проясняет происхождения слова *хѣрь*, но ясно, что значение 'мужской половой член' в нем вторично и возникло относительно поздно — во всяком случае, уже после того, как слово это стало применяться к букве для /х/, с которой начиналось русское непристойное слово. Дериваты: *херово*, *херовый*, *херня*, *херовина*, *херовинка*.

Если слово *хер* — метонимический буквенный намек, то *хрен* — эвфемизм, возникший метафорически, на базе значения 'нечто длинное и прямое, острое'. Замечу, что слово *хрен* 'мужской половой орган' отмежевало от *хрен* 'овощ' не только семантически, но и акцентно: ср. конечное ударение в выражениях *до хренá*, *ни хренá*, *на хренá*. (Семантическое отмежевание может быть иллюстрировано следующим школьным анекдотом: девочка в классе поднимает руку: "Марья Ивановна, а Ваня ругается!" — "Да?" — "Да! Он говорит «хрен»." — "Ну что ты, разве хрен — ругательство? Хрен — это овощ, в огороде растет!" — "Да он не этим, он другим хреном ругается!") Ср. также производные: *хреново*, *хреновый* 'плохо, плохой', *хреновато* 'плоховато', *хреновина*, *хреновинка* — эвфемизмы к *хуёвина*, *хуёвинка*.

Другие, менее употребительные эвфемизмы: *член*, *срам*, *срамота*, *стручок*, *гвоздь*, *сучок*, *конец*, *инструмент*, *хозяйство*, *женилка*, *тыкалка*, *оглобля*, *колбаса*, *затычка* (фразеологизм *искать затычку* — о женщине, ищущей половой близости с мужчиной), *палка* (фразеологизмы: *кинуть палку* 'совершить половой акт с женщиной', *свозить на палку* 'съездить с женщиной в какое-либо уединенное место для совершения полового акта'), *сикель* и *деминутив сикелёк* (от последнего в 30-х—40-х годах бытовал семанти-

⁶ V. Tkadlčík. System kyrilské abecedy. — Slavia, 1972, No 4.

⁷ Т.А. Иванова. О названиях славянских букв и о порядке их в алфавите. — ВЯ, 1969, No 6.

ческий дериват в солдатском жаргоне — 'знак различия сержантского состава в виде треугольника на петлице'; отменен в 1943 г.), *пырка* (в русских говорах Удмуртии отмечен дериват *пыркостой* как эвфемизм к *хуестой*), *шишка* (фразеологизм *отвали на полшишки* — буквально просьба уменьшить глубину введения члена при половом акте, фигурально — 'ослабь нажим', синоним к *сбавь на полтона*, но с вульгарной окраской; я был свидетелем неосознанного употребления этого выражения девушками, воспринимавшими его как добродушную шутку). В последние годы широко распространился в самых разных местах и во всех слоях общества эвфемизм *фиг* со всеми параллельными фразеологизмами и дериватами: *на́ фиг*, *на фигá*, *ни фигá*, *фигня*, *фиговина*, *фигóвый* (противопоставлено слову *фйго́вый*, хотя именно это последнее как составная часть фразеологизма *фиговый лист* и послужило исходной точкой порождения рассматриваемого эвфемизма). Замечу, что многие пользующиеся этим эвфемизмом, особенно девочки, и не подозревают, какое слово им замещается, и тем самым ставят себя в положение куда более вульгарных особ, чем являются на самом деле, — еще одно доказательство того, что "нехорошие слова" знать надо всем.

Об эвфемизмах *соболек* и *карась* см. ниже.

Особым родом эвфемизации является пропуск слова, и этот прием из всей непристойной лексики наиболее часто применяется к слову *хуй*. Ср.: *у него не стоит* — об импотенте; *я ей засунул* — о половом акте; *в рот* — вместо *хуй в рот*. Кстати, это последнее выражение в его эвфемистическом варианте тоже не всегда осознается как непристойное и нечаянно употребляются девочками и вполне "приличными" женщинами, которые принимают его за ругательство "средней силы" — может быть, в смысле 'болячка тебе в рот', как *типун тебе на язык*.

Детские названия полового члена *писька*, *петушок* едва ли можно назвать эвфемизмами к слову *хуй*, т.к. последнее применяется лишь к члену человека, достигшего половой зрелости. Ср. пошлую шутку цыганят: "Тетя, дай рубль — скажу, что будет через двадцать лет." — "Ну, возьми, маленький, скажи, что будет." — "Вот видишь писку? А через двадцать лет здесь будет хуй". В равной мере к половому члену ребенка и взрослого употребляется из приведенных выше слов разве что *пырка* (ср. и шутливое название носа — *носопырка*), а из других — *табак* (слышано мной от бабушки в 40-е гг. в Курганской области). С этим последним словом связаны еще эвфемизмы *сигара* (и его производные *сигарить* 'ебать' и *сигариться* 'ебаться', записанные в Удмуртии в 80-х гг.), а также *папирос* (шутливый отказ в просьбе закурить: "Есть один папирос, и

тот к яйцам прирос"; записано в Ленинграде в 70-х гг.).

О названиях частей мужского члена. Непристойное название мошонки и яичек *муди*, *муде* приведено и прокомментировано Бодуэном. Не приводятся субъективно-оценочные образования *мудёшки*, *мудиши* (Лука Мудишев у Баркова), *мудушки*, а также распространенное производное *мудак* — грубое название мужчины. Ср. также записанное в Удмуртии в 70-х гг. существительное *страхомудье* 'плохая одежда' (от *встряхивать мудями* с упрощением /*vʲst-fst-st*/ — намек на необходимость постоянно поддерживать худые штаны, чтобы не сползали). Кроме отмеченного в Словаре *мудистый* есть прилагательное *мудастый* 'с большими мудями', но оно мало употребительно. Ср. еще *безмудый* у Пушкина (о кастрате).

Эвфемизмы *ятра*, *ядра*, приводимые в Словаре Даля, вышли из употребления: обычные в наши дни названия этого органа — *яйца*, *яички*.

Фразеологизмы со словом *муди* и производными: *бараньи мудишки* — уральское название растения Венерин башмачок; *ничего коту делать, так он муди (яйца) лижет* — о пустом занятии со скуки; скабрезная шутка — предложение парня девице: *махнём (т.е. поменяем) груди на муди!*

Из эвфемистических названий мошонки и яичек *ятра*, *ядра* утрачиваются или утрачены, употребительны слово *яйца* и "детский" синоним *коки*, *коконьки* (ср. приведенную выше частушку "Я девчонкой была..."). Приводимых Далем названий *шуля*, *шульно*, *шулёнки* мне не приходилось слышать: думаю, они тоже относятся к исчезающим.

Грубое название головки мужского члена *залупа* есть результат сужения значения 'нечто оголенное или оголяемое'. В этом широком значении слово *залупа* бытует как вполне пристойное в некоторых говорах, и отдельные реализации этого значения фиксирует "Словарь русских народных говоров" под ред. Ф.П. Филина. В далевском Словаре отмечено и значение 'graeputium'.

Вульгарное название женского полового органа *пизда* дано в рассматриваемых изданиях Словаря Даля без каких-либо дериватов. Между тем производных у него достаточно много. Семантический дериват — грубое название женщины: "куда эта пизда упоролла?" значит 'куда эта баба ушла?'. Морфемные образования — субъективно-оценочные *пиздёнка*, *пиздёночка*, *пиздёшка*, *пиздища*; кроме того, сложное существительное *пиздорванка* 'распутница', суффиксальное *пиздюк* 'распутник' (а также ругательство "общеотрицательного" значения), *пиздец* 'конец, каюк, баста', конфиксальное *распиздяй* 'растяпа'; прилагательное *пиздячий* 'относящийся к

пизде'; глаголы *пиздить* 'то же, что ебать' ("Он пиздил их не раз" у Лермонтова) и 'унижать' ("Они меня два года пиздили, а я терпел"), *пиздить* 'врать', *спиздить* 'украсть', *упиздячить* 'уничтожить', а также 'подевать' и 'подеваться' ("Кило мяса упиздячили", т.е. съели, умяли, уничтожили; "А те уже куда-то упиздячили", т.е. смылись, исчезли, убрались, подевались).

Фразеологизмы со словом *пизда* немногочисленны. Это расхожее *пошел в пизду* — требование отвязаться; *подставить пизду*, *дать пизды* — 'согласиться на половую близость с женщиной', второе выражение — иногда также и 'ударить, поразить'; *накрыться пиздой* 'нарушиться, погибнуть' (часто употребляют в этом смысле и одно слово *накрыться*, не подозревая, из какого оно извлечено выражения — и хорошо опять-таки, если слушатель столь же невинен, как и говорящий, а если нет?).

В другом грубом названии полового органа женщины — *манда* (отмечено в Словаре) обращает на себя внимание та особенность, что употребляется это слово чаще женщинами. Мне не приходилось слышать производных от него, даже субъективно-оценочных, кроме сложного существительного *мандавошка* 'лобковая вошь', а также 'малаявка'. *Поймать мандавошек* значит 'заразиться лобковыми вшами'. Поразительно, что в ряду множества "градуальных оппозиций" в народном сознании существует и иерархия позорности вшей. Наименее позорными считаются бельевые вши, гораздо более позорными — головные и крайне позорными — лобковые. Из последнего момента видно, что дело не в вероятности обнаружения вшивости посторонними: для головных вшей такая вероятность больше, чем для лобковых (хотя и существует опасливое поверье, будто лобковые вши могут заводиться в бровях). Дело именно в том, что лобковые вши, как правило, сопутствуют не только телесной неопрятности, но и половой распушенности.

О названии *кунка*. Бодуэн считает его словом студенческого жаргона и возводит к латинскому *сиплос* — синониму обычного медицинского *vulva*. Я убежден, что это ошибка. Слово *кунка* широко бытует в народных говорах, что маловероятно для студенческого жаргонизма, а главное — к нему есть "мужская" пара *соболек* (Бодуэном не зафиксированная). Вот жалоба, высказанная моему отцу его соседом по больничной палате, страдавшим задержкой мочи: "Порча у меня, Иван Яковлевич. Не помогут мне врачи. Мне к баушке надо (т.е. к знахарке). Она бы мне соболёк умыла, и все бы у меня прошло". (Записано в Курганской области в 70-х годах.) Ясно, что *кунка* и *соболек* как названия женского и мужского половых органов — метафорическое переосмысление наименова-

ний популярных на Руси пушных зверей.

И еще об одном названии женского органа — *менька*. У Даля фиксируется слово *менька* со значением 'рыба *Gadus Lota* и другие гладкие и слизистые рыбы'. Метафорически *менькой*, вероятно, первоначально назывался клитор, а затем название было метонимически перенесено на весь женский половой орган. Слово это не из самых известных. Я его узнал лишь в 80-х гг., работая в Удмуртии. (Записанная там частушка: "Пейте, девушки, вино, пейте помаленьку. Тёмна ноченька придет — берегите меньшеку!") Из опрошенных мной жителей других мест никто его не знает. Можно было бы подумать, что это узколокальный диалектизм, но вот на какое место наткнулся в книге Л.М. Гурченко "Мое взрослое детство". Отец маленькой Люси Гурченко, приехавший погостить в деревню, говорит: "Ну, дочурочка уже спать, пойду-ка я Андреевне карасы загоню..." Дочурочка же, которая не спит, так размышляет над его словами: "Странные они все-таки, эти деревенские, и папа тоже. Сами же говорили, что рыба в Ипути перевелась, а тут карасы... И кто такая Андреевна?"⁸ Ясно, что *менька* и *карась* — такая же пара, как *кунка* и *соболек*. А поскольку жизнь Марка Гурченко связана с юго-западными краями, то и мнение об узколокальном, скажем, уральском характере "рыбного" названия вульвы оказывается сомнительным. Другое дело, что перед нами, как видно, слова, уходящие из употребления.

Эвфемистические названия: *передница* (в противоположность заднице), *передок* (фразеологизм *слаба на передок* означает 'склонна к распутству'), *срамное место*, *мохнатка*, *дырка*. В качестве названия полового органа девочки я слышал слово *белянка* (его употребляла бабушка), но чаще применительно к девочке, как и к мальчику, говорится *пися*, *писька*.

Из частей женского полового органа самостоятельное название имеют в народной речи волосы на лобке, называемые *хохол*. (Частушка: "Девка баню затопляли, залезали на пол. Через камешку скакали — опалили хохол".) Ср. еще у в Сборнике Кирши Данилова. В Словаре ни то, ни другое слово с таким значением не дается.

Перейдем к наименованиям физиологических выделений.

Слово *говно*, подобно слову *жопа*, не считается в народной среде каким-то особо непристойным. Я не раз бывал свидетелем, как, например, в больнице на вопрос: "Какой анализ вы сдавали?" — деревенская старушка преспокойно отвечала: "Говно". В Словаре к

⁸ Л. М. Гурченко. Мое взрослое детство. М., 1983, с. 188.

этому существительному даются производные *говённый*, *говёнка* 'тележка для навоза' и *говназия* 'гимназия'. Последнее вышло из употребления, а слово *говёнка* слышано мной только в значении 'загрязненный нечистотами поток (речка или ручей)'; с таким значением я встречал это слово в Ивановской области в 70-х гг. и в Удмуртии в 80-х. Другие слова этого корня, в Словаре не отмеченные: *говнецо* — иронически-ласкательное образование; *говёшка* 'кусочек говна'; *говнюха*, *говнюшка* 'бумажка для подтирки' (ср. у Пушкина: "И на говнюшки изорвала, конечно, «Невский альманах»") и далее 'малявка' ("Ты еще говнюха старых учить"); *говновоз* 'ассенизатор'; *говноед* — "общеотрицательное" ругательство.

Известные мне фразеологизмы с этим словом (кроме тех двух, что отмечены в Словаре): *не учи ученого* — *поешь говна толченого*; *делать из говна козулю* (т.е. из ничего что-то хорошее); *смешать с говном* 'грубо и незаслуженно оскорбить'; *говно собачье* 'ничтожество'; *говно не сало: помнешь — отстало*; *не шевели говна — меньше пахнет*; присказка о плохом доме: *стоит дом под говном, ехал пан — растоптал*.

Грубое название мочи дается Словарем в двух вариантах: *сцака*, *ссяка*. Существует и третий — *ссяка*. Древнейший из них, конечно, первый, связанный чередованием по 3-й палатализации с глаголом *сикать*. По говорам (в частности по русским говорам Удмуртии) бытует и вариант *ссяк* (*ссяк*): так, конский шавель и другие крупные виды шавеля называются *конский* (*коневый*, *кобылий*) *ссяк*. В том же значении 'моча' употребляется и слово *ссец*, фиксируемое у Даля лишь в значении 'сосец, сосок'. В Удмуртии встречается слово *ссячки* как название каких-то грибов. Приводимые в Словаре существительные *сцакуша* и *сцакушина* как названия вида муравьев я не встречал, но о выделении муравьями кислой жидкости всегда говорится, что они *ссят* (впрочем, это не мешает деревенским детям лакомиться их жидкостью; слизывая ее с "обоссаной" палочки). Не встречал я также слова *сцавинье*, приведенного в Словаре: в этом смысле теперь употребляется, по-видимому, исключительно слово *ссанье*, даваемое Далем лишь со значением 'сосанье'. Слово *сцуль* чаще приходилось слышать в огласовке *ссуля* (*ссюля*), еще чаще употребляются в этом смысле не отмечаемые Словарем *зассанец* (*зассанка*), *зассуха*, *зассиха*. Так называют, в частности, и страдающих недержанием мочи. Ср. еще *кривоссячка* 'курва, потаскуха'.

Фразеологизм: *ссяка в голову ударила* — о внезапном беспричинном гневе, грубом капризе.

Не относясь к особо непристойным, слова *ссяка*, *ссяк*, *ссец*

почти не имеют эвфемизмов, кроме общеизвестного *моча*.

Названия женских менструальных выделений у Даля приведены в большом количестве. Мне из этого ряда слов приходилось слышать *крови, на рубашке и месячные*. В пособии О.И. Гордеевой, С.И. Ольгович, Н.М. Охолиной и В.В. Палагиной, посвященном вторичным заимствованиям в современных говорах, отмечено в этом значении слово *демонстрация* — конечно, отголосок медицинского *менструация*.⁹ Болезненные слизистые выделения называются словом *бели*, отмеченным у Даля. Нет в его словаре народного названия спермы — *молофья* (записано мной в Курганской области в 50-х гг.).

Среди грубых названий лиц непроизводным является лишь слово *блядь*. Известно, что оно встречается во многих древнерусских письменных памятниках как слово, обозначающее женщину предосудительного поведения, но само по себе предосудительным не является. Оно и теперь ощущается как "не очень матерное" и крестьянским сознанием допускаются в качестве "женского матюка". В речи рабочих, колхозников и вообще "простого" народа оно превратилось в некую ритмическую частицу, нередко и произносимую частично — *бля*, что находит отражение и в литературе (см., напр., "Плаху" Айтматова).

Из производных слова *блядь* бодуэновские издания Словаря Даля фиксируют *блѣжник, блядун, блядунья, блядовать, блядский, блядовской, блядовство*. Из этого ряда слово *блѣжник*, видимо, ушло в прошлое, а вместо *блядовство* чаще употребляется не отмеченное Словарем образование *блядство*. Забавно образование *блядоход* 'похождение, поход к блядям' (записано мной в 50-х гг. в Курганской области). Ср. также злобно-презрительное *блядюга* и иронически-ласковые *блядѣха* и *блядѣшка*. Кроме *выблядок* и *выблядыш* 'внебрачный ребенок' (Бодуэн отмечает эти слова как казанские, но они широко известны по разным говорам) я слышал в Курганской области с тем же значением слово *выблядан*. У глагола *блядовать* есть многочисленные приставочные и конфиксальные дериваты: *заблядовать, поблядовать, проблядовать, переблядовать, доблядовать, выблядовать, наблядовать, наблядоваться, изблядоваться, ублядоваться, заблядоваться, проблядоваться*.

Странно, что со словами этого корня почти нет фразеологизмов. Кроме приводимых Будуэном терминологических, в сущ-

⁹ О.И. Гордеева, С.И. Ольгович, Н.М. Охолина, В.В. Палагина. Вторичные заимствования в говорах Среднего Приобья. Томск, 1981, с. 109.

ности, выражений я ничего не могу привести. Есть, правда, несколько иронических афоризмов, но явно не народного происхождения: *Украсть, так миллион, сблядовать, так с красавицей; Не блядуй, где живешь, не живи, где блядуешь; Всех блядей не перебебешь, но стремиться к этому надо.* В Курганской области мной было записано ироническое наименование должности сотрудника, ведущего дела матерей-одиночек в районном отделе социального обеспечения — *зав блядьми*.

Как эвфемизмы к слову *блядь* употребляются слова *потаскуха, шалава, потаскушка, шалавка, шлюха, шлюшка, шлында, шлёрда, подстилка, наконец, бэ* ("Она такая бэ, простите"). Впрочем, все это эвфемизмы лишь в смысле социальной дозволенности, по грубости же они не уступают слову *блядь*. Более того: назвать женщину подстилкой — гораздо оскорбительнее, чем блядехой, но — литературнее!

Есть у слова *блядь* еще и, так сказать, фонетические эвфемизмы, построенные на том, что по первым звукам слушатель ожидает непристойного слова — и вдруг слышит вполне пристойное. Таковы выражения *бляха-муха* и слово *блин*. (Последнее одно время постоянно употребляла моя дочь, в то время подросток — опять-таки по излишней невинности.)

Слова *курва, курвяга*, приводимые в Словаре — синонимы к *блядь*, и притом с более презрительным оттенком; в свою очередь и *курвёнок* (тоже есть в Словаре) обиднее, чем *выблядок*.

Перейдем к непроезженным глаголам табуированного характера.

В Словаре приводится только глагол I-го класса *ети* и отсутствует глагол 3-го класса *ебать*. Различие значений этих глаголов в современном русском языке стерлось, но в устойчивых выражениях употребление их различается четко. Если можно сказать *я ее ебу* и *я ее ебаю*, то не говорится *ебать (ебай, ебал) твою мать* — говорится только *ети (еби, ёб) твою мать*; только *ебёна мать, к ебене матери* (и рифмованное *к ебене Фене*), но *ёбанный в рот*, а не *ебённый*. В инфинитиве в свободных сочетаниях чаще употребляется *ебать*, чем *ети*, в личных формах — наоборот.

С глаголом *ети* связаны еще некоторые "казусы от невинности". Сопутствующая иканью утрата предвокального [j] и эмфатическое удлинение [t'] делают этот глагол омонимичным глаголу *идти*. И я был свидетелем того, как опять-таки невинная девушка, не избегавшая, правда, двумысленностей, но избегавшая прямой матерщины, произнесла: [áx ty, iť'í tvaǰú máť']. Она, конечно же, думала, что употребила выражение с эвфемистическим пропуском запретно-

го слова, что в полном виде это выражение выглядело бы примерно как *идти твою мать поебать* или что-то в этом роде. С невокализованной огласовкой суффикса в этом же глаголе связана еще одна опасность конфуза. Девочки часто не понимают, отчего так ехидно смеются мальчишки, когда слышат от них неверную, но широко распространенную повелительную форму от *ехать* — *едь*.

С лингвистической точки зрения глагол *ети* интересен, конечно же, тем, что сохранил древнее упрощение группы [bt], в то время как другие глаголы с основой на [b] получили [s'] по аналогии с основами на [d], [t]: *грести*, *скрести*. Мне до сих пор досадно, что я не сумел никакими ухищрениями вывести информантов на инфинитив глагола *зябу* — *зябёт* — *зябут*, обнаруженного в говоре с. Андреевцы Удмуртской АССР во время одной из диалектологических экспедиций Удмуртского университета 80-х гг.: а вдруг и в нем сохранилась форма *зяти*? Впрочем, глагол *ети* получил и контаминированную форму инфинитива — *ебсти*. Из других его особенностей стоит отметить отсутствие аналогического перехода [e] в [o]: *ебёна*, но *к ебене*, а не *к ебёне*. Ср. в связи с этим и форму производного от глагола существительного *ёбля* в рассматриваемом Словаре при более распространенной *ебля*, где отсутствие перехода [e] в [o] — рефлекс вставного [ь] после [b], как и в форме *гребля* (ср. *гребель* в род. множ.).

Из производных от глагола *ети* в Словаре приводятся *ебец*, *ёбля*, *ебня*, *выети*, *заети*, *поети*, *распроети*. Не приведены существительные *ёбарь*, *ёбаль* 'тот, кто ебёт, любовник'; *выебунок* 'внебрачный ребенок' (диалектизм, записанный в Удмуртии в 80-х гг.); *объёбок* 'та, которую кто-то поёб' ("Мы чужих объёбков не собираем!" — о нежелании вступать в связь с особой, потерявшей девственность); прилагательное *ебучий* 'способный много ебаться'; глаголы: семантическое образование *ети* 'наказывать, ругать' ("Нас за это дело комиссия две недели ебла"), приставочные *переети* (всех, многих), *объети* 'грубо обмануть', *изъети* 'довести до изнеможения еблей'; *уети* 'суметь, ухитриться, изловчиться поети' ("Тогда она мне не дала, но потом я ее все равно уёб"), *проети* 'провести время за еблей' и 'израсходовать на еблю' (ср. у Баркова: "Девяносто три рубли мы проели, проебли"), суффиксальное *етись* и его приставочные *наетись*, *проетись*, *изъетись* ("Он такой тогда худой был: изъебся"), *переетись* (со всеми, многими); суффиксальные *ёбнуть(ся)* и *ебануть(ся)* 'ударить(ся)'; только *ёбнуть* 'украсть' ("У меня часы ёбнули").

Суффиксальным образованием от *ети* является и глагол *ебать*. От него в свою очередь образуются производные с теми же

приставками и суффиксами, что и от глагола *ети*. От глагола *ебаться* образуются два глагола с приставкой *вы-*: с ударением на приставке — 'то же, что выетись, совершить половой акт' и с ударением на суффиксе — *выебаться* 'куражиться, выламываться'.

Наконец, суффиксальное образование *ёбывать* (мало употребительное в современном языке) дает в свою очередь префиксальные *уёбывать* 'убираться прочь', *поёбывать* 'находиться в нерегулярных, непрочных половых отношениях с женщиной'; ср. также *выёбываться* 'то же, что выебаться'.

Об эвфемизмах к глаголам этого корня и к фразеологическим выражениям с их участием. Все такие глаголы считаются сугубо непристойными, "мужскими" матюками и эвфемизмов имеют множество. Вместо *поёб*, *выеб*, *поебал* говорят *зажал*, *покрыл*, *потыкал*, *прострочил*, *сделал* (ее), *воткнул*, *заделал*, *кинул палку* (ей), *слазил* (на нее); вместо *поёбся* — *переспал*, *перетрепался*, *поработал* (с ней), *попользовался* (ей); вместо *ёбся*, *ебался* — *обжимался*, *шипался*, *сношался* (это уже от медицинского *половое сношение*), некоторые дамы в том же смысле говорят *целовался*. Такое словоупотребление не только отдает ханжеством, но и не безвредно: врачи знают случаи, когда девочки-подростки под влиянием такой манеры выражаться испытывали панические страхи, всерьез считая, что от поцелуя можно забеременеть, даже находили у себя мнимые симптомы беременности, если им довелось поцеловаться с мальчиком!

К выражению *ёб твою мать* немало фонетических эвфемизмов: *ёлки зелёные*, *ёлки-палки*, *ёлки-моталки*, просто *ёлки*, *ёжкина мать*, *ёжкина доля*, *ё-моё*, *ё-кэ-лэ-мэ-нэ*. То же самое — к выражению *ети* (*еби*) *твою мать*: японский бог, *Еким Кондратьич*, *ядри твою мать*. К выражению *ебёна мать* имеются эвфемизмы *ядрёна мать*, *ядрёна вошь*, *ядрёна-зелёна*. К выражению *мать твою ети* — *мать честная*, *мать твою так*, *мать моя женщина*, *мать-перемать* и даже *мать твою бог любит*. Выражения *мать твою*, *бога мать*, *в бога душу мать* — эвфемистический пропуск глагола *еби*, *разьеби*, *распроёб*. Ср. еще *растак твою мать*. К глаголу *выёбываться* есть фонетический эвфемизм *выёживаться*.

Как непристойный осознается глагол, называющий ответные, встречные движения женщины во время полового акта — *подмахивать*.

Глагол *сцать* (*ссать*, *ссять*) лингвистически интересен варьированием основы и типов спряжения. Варьирование основы в Словаре Даля отмечено, но не прокомментировано. Наиболее древняя форма, как уже сказано выше, — это форма с [с] из [к]: ср. у Авваку-

ма *сцать* и *срать* было негде. Ассимиляция [sc]→[ss] вызвала совпадение 1-го лица глаголов *сцать* 2-го спряжения и *ссать* 'сосать' 1-го спряжения. Эта омонимия была перенесена и в 3-е лицо множ. числа: наряду со *сцат*, *ссат* возникло *ссут*. В Словаре этой формы не приведено: она дана лишь при *ссать* 'сосать'. (Ср. подобное пересечение глаголов *бежать* и *бечь*: в 1-м лице тот и другой имели форму *бегу*, и в 3-м лице множ. числа обобщилась форма *бегут*, хотя в диалектах сохранилась *бежат*.) Та же ассимиляция [sc]→[ss] была и причиной варьирования основы: окончания [-yš], [-yt], [-ym], [-yt'e], нормальные после [ž], [š], [c], ненормальны после парного по мягкости твердого [s]. Отсюда замена [s] на [s'] и вследствие этого — [y] на [i]. Затем [s'] переносится в 3-е лицо множ. числа (*ссат* — *ссят*) и даже в 1-е лицо ед. числа (*ссу* — *ссю*). По общей закономерности 4-го класса должна бы возникнуть форма *сшу* ([šú]), как *прошу*, *голошу*, но ассимиляция начального [s] создала бы слишком необычный вид основы, и возникла форма, соответствующая тенденции к выравниванию основ: ср. новейшее *пылесосу*.

Варианты основы с [c], [s] и [s'] представлены и во всех дериватах глагола *сцать*. Одним из них является и рассмотренное выше существительное *сцака*. Кроме него и его дериватов, глагол *ссать* и его возвратная пара *ссаться* 'страдать недержанием мочи' дают множество приставочных производных: *нассать*, *поссать*, *выссать(ся)*, *обоссать(ся)*, *поссать(ся)*, *зассать(ся)*, *уссаться*.

Фразеологизмы с глаголами этого корня: поговорка *поссать да не пёрнуть* — что свадьбу без музыки сыграть; прибаутка *Максим-Максим, пойдём поссим*; употребляется и как дразнилка.

Эвфемизмы: *сйкать*, *пйсать*, *пйсеть*, *чйсеть* (последнее — северный и уральский диалектизм; записан мной в Курганской обл. в 50-х гг.), *мочиться*, *фурить*, *чурить*, *прудить*, *пруденить*, *рыбачить*, *сходить по малой нужде*, *справить малую нужду* — применяются в основном при разговоре с детьми, по крайней мере первые три.

Слово *срать* интересно наличием в презенсе форм как с [e], так и без [e] в корне, а также с твердостью и с мягкостью конечного согласного основы. Словарь фиксирует все эти формы, но происхождение их требует комментария. Формы *серу* и *сру* в ряду с *сорю* (исторически родственным слову *срать*) — рефлексy из известных древних чередований [o/e] и [e/i]→[e/ь]→[e/Ø]. Интереснее наличие как [r], так и [r'] на конце основы. При этом формы с [r'] имеются лишь при основе с гласным, что неслучайно. Дело в том, что при наличии [e] в основе глагол имеет во всех формах, кроме 1-го лица ед. числа, безударное окончание. Безударность привела к тому, что с развитием иканья глагол *серу* — *серешь* — *серет* перешел из 1-го

класса в 4-й, т.е. во 2-е спряжение, для которого мягкость конечного согласного основы в 1-м лице ед. числа является нормой: ср. такие формы, как *верю* — *верют*. Однако в этих последних формах мы имеем дело с совпадением 3-го и 4-го классов, где согласный в 1-м лице ед. числа был "исконно" мягким. Формы типа *серю* — *серют* представляют, таким образом, еще одно (притом уникальное) доказательство того, что иканье начало развиваться с заударного слога: именно иканье привело к совпадению двух парадигм спряжения в одной при безударности окончания, ср.:

	1-е спряж.	2-е спряж.	Единая парадигма
Ед.ч. 1 л.	-ú	-ú	-u
2 л.	-óš	-íš(ýš)	-íš(yš)
3 л.	-ót	-ít(ýt)	-it(yt)
Мн.ч. 1 л.	-óm	-ím(ým)	-im(ym)
2 л.	-ót'i	-ít'i(ýt'i)	-it'i(yt'i)
3 л.	-út	-át	-ut

Дериваты глагола *срать*, кроме указанных в Словаре *засранец*, *засранка*, *обосранец*, *обосранка*, *засеря*, *усёр*, *басран*, *серька*, *засеривать*, *сирывать*, *сирать* (последние четыре слова ныне малоупотребительны) укажу еще *срань* 'нечистота, беспорядок', а также 'неряха' (семантический дериват), *сраньё* 'действие по глаголу *срать*', *срака* 'задница', *срачка* 'частое сраньё' (скабрзный стишок: "На море поднялась такая качка — матросов прохватила срачка"), *усрачка* 'то же, что *усёр*, *сраньё* от переедания' (*наелся до усрачки* — т.е. чрезмерно), диалектные *толстосеря* и *сухосеря* 'растение тысячелистник, применяемое от поноса'; *басрак* 'то же, что *басран*, *засеря*' и производные глаголы *басрачить*, *набасрачить*; *иносранец* — иронич. 'иностранец' (реакция на заискивание перед иностранцами, свойственное большинству нашей бюрократии вопреки ее же словам о борьбе с "низкопоклонством"); приставочные глаголы и их возвратные пары с суффиксом *-ся*: *засрать(ся)* 'загадить(ся)', *высрать(ся)* 'выделить экскременты', *досрать(ся)* 'довести до конца, до крайности сраньё'; *просрать* 'потратить время на сраньё' ("Понос прихватил — всю ночь просрали") и семантическое образование 'проиграть, продуть' (резолуция Сталина на наградном листе интербригадовцев после падения Испанской республики: "Они войну просрали, а вы им ордена?"), *просраться* 'опорожниться' (в присловье, слышанном мной много раз в годы голодного послево-

енного детства в Курганской области: "Дай ись!" — "Просерись!"), *обосрать* 'обгадить' и семантическое 'унизить, оклеветать', *обосраться* 'опорожниться под себя' и семантическое 'грубо просчитаться', *усраться* 'опорожниться под себя', *высирать* 'выделять экскременты', *навысирать* — соверш. вид к *высирать* и грубо — о рождении детей ("Навысирала, а воспитывать не хочет"), *насрать* — также и формула грубого отказа (в еще более грубом виде — *насрать на рыло* и уж вовсе изощренное — *насрать на губы*).

Фразеологизмы: *ни спасибо, ни насрать* — о безразличии к чему-либо труду, услугам, заслугам; *сраку нагреть* — 'выпороть'; присловье: *хитрый Митрий: насрал в штаны, да говорит "заржаве-ло"*. (Первая часть этого присловья часто употребляется опять-таки без подозрения на "нехорошее" окончание.) Об упрямстве: *Хоть говори, хоть насери*.

Слово *дристать* 'испражняться жидко' в Словаре не отмечено — есть лишь производное от него существительное с нулевым суффиксом *дрист*; отмечены также существительные *дристун*, *дристунья*. Жидкий кал, а также действие по глаголу *дристать* называется еще *дрисня*. Естественно, имеются и приставочные глаголы, и их возвратные пары: *подристать*, *передристать*, *додристать(ся)*, *выдристать(ся)*, *задристать(ся)*, *надристать(ся)*, *обдристать(ся)*, *продристать(ся)*, *удристать(ся)*; ср. также суффиксальные *дриснуть* и *дристануть*.

Фразеологизмы: формула лихого пожелания (вроде 'черт бы вас побрал'): *да вот дрисня-то вас не знат!* (записано в п. Юргамыш Курганской области в 50-х гг.); глумливая переделка пожелания: *доброй ночи — дристать до полночи, а с полночи кирпичи ворочать!*

Эвфемистические замены глаголов, обозначающих дефекацию: *накласть*, *навалить*, *наделать*, *нагадить*, *нахёзать* (записано в Курганской области в 60-х гг.) и производное от него *обхёзаться*, *сходить по-большому* или *по большой нужде*, детские — *какать*, *какукать* (это последнее с пометой "детск., казанск." зафиксировано Бодуэном), а также и *пукать*, хотя чаще это слово выступает как эвфемизм к *пердеть* (но различается совершенный вид: в значении 'покакать' — *попукать*, в значении 'пёрнуть' — *пукнуть*).

К глаголу *пердеть* в Словаре даются производные *пердун*, *пердунья*, *пердунец* 'болезнь', *перденье*, *пердунина* 'невежа', *пердуха* 'воняние', *пердь* — междометие (записано Далем с пометой "пск., твер."). Широко распространены еще глагол совершенного вида *пёрнуть*, существительное *пердёж*, меньше — прилагательные *пердячий*, *пердучий*, приставочные глаголы: *выпердеться* ("Иди в сортир, там и выпердись"), *запердеть(ся)*, *испердеть(ся)*, *напердеть(ся)*,

пропердеть(ся), упердеться, попердеть, перепердеть ("А ну, кто кого перепердит!"), *попёрдывать*.

Фразеология: *кашель да пердёж — ничо не разберешь* — о шумном обществе; *сперва оглянись, тожно пёрни* — грубый синоним к *семь раз отмерь...*; *пердячий пар* 'гужевого транспорт' (записано в Удмуртии в 80-х гг.); как в воду (в лужу) *пёрнул* 'сказал глупость, нелепость'.

К глаголам *бздеть, бзднуть* в Словаре даны производные *бздун, бздунья, бздёх* 'газ, выпущенный без звука из тела', а также *бздануть* 'плеснуть воды на каменку' (чтобы ударил пар) и 'ударить' (с пометой "перм.", но известно и в Сибири), *бздюха* и *бздушка* 'гриб дожdevик', *бздюх* 'хорь', *бздника* 'паслен' и 'баклажан'. В Курганской области паслен называют *бздика* или *бздюшка*. Кроме того, *бздеть* значит 'трусить' (в совершенном виде — *собздеть*). Приставочные образования от *бздеть* 'вонять': *набздеть, побздеть*.

Фразеологизм *тихо бздит, да вонько пахнет* — о том, кто исподтишка делает большие гадости.

Эвфемизмы: *фунить, нафунить, подфунить, подвезти* ("Фу, кто это подвез?").

Как неприличные часто осознаются и названия венерических болезней: *триппер* (и деминутив *трипперок*), *сифилис*; *сифилитик* — довольно грубое ругательство. Из двух названий противозачаточного колпачка: *презерватив* и *кондом* — второе, в огласовке *кондон* и *гондон*, тоже осознается как непристойное.

Половые извращения, несомненно, издавна известны в крестьянской среде, но, видимо, не имели большого распространения в ней. В памятниках русской письменности и в фольклоре упоминания о них сопутствуют в основном сюжетам о поповщине (см. некоторые кирилло-белозерские сборники, касающиеся грехов духовного сословия, или сборник Кирши Данилова, где упоминание о гомосексуализме связано с попом). Известно лишь народное название онанизма — *детский грех* (есть и фразеологизм *ебать Дуньку Кулакову*), названия же более низменных извращений: *мужеложество, скотоложество* — явно книжного происхождения. Лишь в последние годы распространилось просторечное сокращение слова *гомосексуалист* — *гомосек*, а также *гомик*. В тюремном жаргоне *гребень* — пассивный участник мужеложества. Упоминаний о лесбийской любви ни в памятниках письменности, ни в фольклоре мне встречать не приходилось. В тюремном жаргоне известно слово *шоколадница*, обозначающее активную участницу этого извращения. Как злое ругательство употребляется в последнее время просторечная огласовка слова *педераст* — *пидарас* и ее сокращение

підар.

Подведем итоги.

1. Хотя бодуэновские издания Словаря Даля далеко не полно отразили табуированную лексику русского языка, они все же дают минимум тех сведений о ней, который должен иметь каждый человек — хотя бы для того, чтобы не попадать в двусмысленное положение. Указанные издания довольно полно отражают корневые слова, но в подаче производных наблюдается большая непоследовательность и неполнота.

2. Указанные издания ни единым словом не искажают и не сокращают последнего прижизненного издания далевского словаря, а все дополнения и поправки оговорены. В предисловии к 4-му изданию Бодуэн писал, что, несмотря на брань со стороны всякого рода ханжей, 3-е издание было рекомендовано Министерством народного просвещения "особому вниманию педагогических советов гимназий, реальных училищ, учительских институтов и семинарий на предмет приобретения в фундаментальные и ученические библиотеки".¹⁰ Спрашивается, почему же у нас переиздается 2-е, а не 3-е или 4-е издание Словаря Даля? Или в нас больше ханжества, чем в царском министерстве начала века? Знание "нехороших" слов и их употребление — две вещи очень разные (не менее разные, чем знание способов убийства и их применение). К тому же и вопрос об употреблении табуированной лексики вовсе не так прост, его нельзя свести к "борьбе с нецензурной бранью". И если Словарь Даля будет переиздаваться (а в этом едва ли могут быть сомнения), то следует поставить вопрос о его переиздании с бодуэновскими дополнениями.

3. Как показывает материал этой статьи, в сфере табуированной лексики, как и в других пластах словаря, четко выделяются слова устаревшие и новые, общенародные и областные. Вместе с тем в табуированных словах есть некоторые специфические особенности бытования и развития, дающие уникальный материал лингвисту.

4. Как и все прочие, табуированные слова отражают историю народа, ее трагедии и фарсы, ее моральные и аморальные стороны, и без изучения этого лексического пласта нельзя получить объективного представления о народной жизни. Бодуэн понял это одним из первых, и из серьезных наших ученых никто с ним как будто не спорил, но и никто его не поддержал, конфузливо обходя проблему молчанием. Хорошо бы такую конфузливость проявлять по отношению к коллегам и ближним вообще, а не к "плохим словам".

¹⁰ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Указ. раб., с. VII.

ПЕРФОРМАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ ПРОСЬБЫ

И. Крекич

1. Нам предстоит рассмотреть перформативные высказывания, выражающие просьбу. Нет сомнения, что в их значении преобладают прагматические компоненты, но без рассмотрения индикаторов-глаголов, индикаторов-существительных, без изучения видовых и темпоральных значений перформативных глаголов невозможно раскрыть иллокутивное воздействие, иллокутивную силу как эксплицитных, так и имплицитных перформативных высказываний.

2. Ю.Д. Апресян считает необходимым подчеркнуть, что имплицитные перформативные формулы (ср. *Прости!* как эквивалент *Прошу у тебя прощения*; или *С праздником!* как эквивалент *Поздравляю вас с праздником!*) имеют приоритет перед эксплицитными перформативными высказываниями с перформативным глаголом.¹

3. Действия прямых эксплицитных глагольных перформативов просьбы осуществляются в частном темпоральном значении коинциденции.² Перформативный глагол в своем идеальном положении используется в форме первого лица единственного числа глаголов НСВ и СВ, когда осуществляется коинциденция слова и действия ("der Koinzidenz von Wort und Tat"; коинциденция = совпадение). Э. Кошмидер на примерах трех славянских языков (словенского, польского и русского) доказал, что перформативы в частной темпоральной позиции коинциденции передают наступление ("Eintritt") действия, которое предполагает начало, продолжение и конец акта (или действия), т.е. целостное его проявление. В словенском языке при ситуации коинциденции требуется употребление глагола СВ, а в польском и русском языках возможны обе видовые формы. В настоящее время преобладает употребление формы НСВ.³

Необходимо подчеркнуть, что действие перформативов рассматривается не как актуальный процесс, а как наступление акта,

¹ Ю.Д. Апресян. Перформативы в грамматике и в словаре. — Известия АН СССР. СЛЯ, 1986, № 3, с. 211.

² E. Koschmieder. Durchkreuzungen von Aspekt- und Temporalsystem im Präsens. — Zeitschrift für slavische Philologie. Leipzig, Markert — Petters Verlag, 1930, S. 341—358.

³ E. Koschmieder. Указ. паб., с. 354.

либо точечного, либо неточечного (т.е. дуративного). Поскольку глаголы НСВ способны передавать не только нецелостные, но и целостные действия (в значении исторического настоящего или в аспектуальной позиции обобщенного факта), можно с уверенностью утверждать, что ситуация коинциденции — это та редкая частнотемпоральная позиция, при которой перформативы НСВ передают целостные события в конкретно-фактическом значении.

Рассмотрим несколько высказываний просьбы, в которых перформативный глагол может быть представлен обеими видовыми формами НСВ (см. примеры а) и СВ (см. примеры б):

(а) Раиса Павловна. Допустим, я старая! Но очень *прошу* тебя сегодня не портить настроение ни нам, ни гостям (Г. Мдивани. Большая мама, 187). Жуковский. *Умоляю* вас не лишать его вашей благосклонности. Я убежден — он раскаивается глубоко (Л. Зорин. Медная бабушка, 232). Марья Сергеевна. Ах, какая твоя боль, голова с усами... Ты боль испытываешь, только когда тебе зубы рвут! (Шопотом.) Пропади же куда-нибудь из нашей жизни... богом тебя *заклинаю*: исчезни! (Л. Леонов. Золотая карета, 640). — Я *ходатайствую* об утверждении этого соглашения (Д. Фурманов. Мятаж).

(б) Александр Петрович. *Попрошу* дать уроки. Агния Николаевна. Возьми, из своих платить буду... Неплохо получилось, верно? (В. Розов. Традиционный сбор, 221). Кузьмин. Я *попрошу* вас заполнить эту маленькую анкету (Братья Тур. Губернатор провинции, 104).

4. Речь идет об эксплицитных перформативных высказываниях просьбы, если в перформативном высказывании обнаруживается перформативный глагол (1), выражающий просьбу (например: *просить/попросить, умолять, заклинять, молить и ходатайствовать*) или синонимичная глаголу конструкция с существительным, производным от перформативного глагола (2). Эксплицитные перформативные высказывания передаются либо формами настоящего несовершенного или совершенного (в первом лице единственного или множественного числа, в третьем лице множественного числа в неопределенно-личных предложениях), либо формами сослагательного наклонения, а также разными инфинитивными конструкциями глаголов *просить* и *попросить*, выражающими намерение говорящего оказать воздействие на адресата.

5. По мнению Дж. Серля, понятие иллокутивной силы производно от нескольких элементов. Одним таким важным элементом он признает, например, *иллокутивную цель высказывания*, которая является лишь частью иллокутивной силы. "Так например, иллоку-

тивная цель просьб", — утверждает он, — "та же, что и у приказаний: и те, и другие представляют собой попытку побудить слушающего нечто сделать".⁴

6. С точки зрения силы намерения говорящего мы различаем **внешнюю и внутреннюю силу** воздействия, в зависимости от того, как, каким способом осуществляет говорящий свою иллокутивную цель.

6.1. Когда воздействие говорящего проявляется в различной степени энергичности, власти, речь идет о **внешней иллокутивной силе**. В соответствии с вышесказанным нам представляется, что различия в статусе или положении говорящего и адресата могут послужить элементом проявления внешней иллокутивной силы (иллокутивного воздействия). Наше внимание направлено на социальное положение интерактантов. (В этом плане заслуживает внимания исследование В.С. Храковского и А.П. Володина — 1986⁵.)

Безукоризненное владение иностранным языком предполагает не только знание лексики, грамматики или правил произношения, но и знание того, где, когда, как и к кому мы обращаемся. Й.П. Форгас различает две общие нормы в обращении с людьми: 1) **норму статуса** (власти), при применении которой преобладает формальность (формальное поведение, вежливость) в обращении, и 2) **альтернативную норму солидарности**, при применении которой внимание интерактантов направлено на интимность в обращении; преобладает неформальное, непринужденное отношение друг к другу. Поскольку речь идет об альтернативной норме, норма солидарности вовсе не исключает формального (вежливого) отношения между интерактантами.⁶ По мнению Д. Вундерлиха, если старший по чину (начальник, шеф) обращается к подчиненному с просьбой, он ставит себя не выше адресата, т.е. ставит себя в один ряд с подчиненным и говорит с ним как с равным.⁷ Иллокутивное воздействие

⁴ Дж.Р. Серль. Классификация иллокутивных актов. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., "Прогресс", 1986, с. 172.

⁵ В.С. Храковский, А.П. Володин. Семантика и типология императива. Л., "Наука", 1986, с. 3—272.

⁶ J.P. Forgas. A társas érintkezés pszichológiája. Bp., Gondolat, 1989, p. 143.

⁷ D. Wunderlich. Sprechakte. — In: U. Maas, D. Wunderlich. Pragmatik und sprachliches Handeln. Frankfurt/M., Athenäum, 1972, S. 149.

говорящего ослабляется, смягчается, если подчиненный обращается к старшему по чину с просьбой. В такой ситуации подчиненный склонен относиться к старшему по чину с подчеркнутой почтительностью:

(в) — *Я осмеливаюсь попросить вас относительно одного очень тонкого обстоятельства* (Н. Гоголь. Ревизор, 62).

(г) Городничий. *Осмелюсь ли попросить позволения написать в вашем присутствии одну строчку к жене, чтобы она приготовилась к принятию почтенного гостя?* (Н. Гоголь. Ревизор, 36).

(д) Лилиан Шервуд. Господин полковник, *нельзя ли попросить вас оформить наш выезд? У меня в Америке дети... Мне надо торопиться* (Братья Тур. Губернатор провинции, 127).

6.2. Мы имеем в виду внутреннюю иллокутивную силу, когда воздействие говорящего проявляется в различной степени возложения обязанности, ответственности на адресата. Важным элементом иллокутивной силы признается нами и оценочная функция перформативного высказывания, "различия в том способе, которым высказывание соотносено с интересами говорящего и слушающего".⁸

В аспектуальной позиции конкретного факта при качестве акта просьбы в цели действия ("Telosinvolvierung") положительно инвольтвирован говорящий. Он намеревается оказать определенное воздействие на адресата: он хочет, чтобы адресат сделал для него нечто, чтобы он (адресат) реализовал его просьбу. Плодотворна и перекликается с результатами нашего исследования мысль, выдвинутая Джулианом Бойдом, Вильямом Элстоном и Джоном Керном, что "обещания на самом деле представляют собой просьбы к самому себе" и, если "цель обещания — возложить на говорящего обязательство совершить некоторое действие", то "просьба налагает обязательство на слушающего".⁹ Вместо слова *обязательство* мы бы употребили слово *обязанность*, которое более точно определяет значение иллокутивного акта просьбы. Надо иметь в виду, что *обязанность* — это то, что возлагают на кого-либо "согласно... [внешним — Й. К.] общественным требованиям или внутреннему побуждению" (СРЯ, 1983). Выясняется, что в отличие от требования, оказывающего внешнее воздействие на адресата, просьба является внут-

⁸ Дж.Р. Серль. Указ. раб., с. 175.

⁹ Цит. Дж.Р. Серль. Указ. раб., с. 186.

ренным побуждением. Итак, с психологической точки зрения существенный признак просьбы состоит в том, что она является возложением моральной обязанности, ответственности на адресата совершить определенное действие. Просьбу обычно не следует отвергать; просьбу отвергают лишь, когда исключена возможность выполнить ее, ведь недаром говорят: "Люди просят — надо пойти на встречу".¹⁰ Здесь наблюдается прагматическая категория **ожидаемости**: по конвенциональным причинам (по соответствующим установившимся традициям причинам) говорящий предполагает достижение иллокутивной цели просьбы: "Der Sprecher kann aus der Konvention immer nur das Recht ableiten, daß er erwarten darf, daß seine Handlung wirksam wird... Eine Frage nicht beantworten, einer Bitte nicht folgen ist genauso eine Verletzung (einer Konvention) wie eine institutionelle Prozedur nicht weiterführen eine Verletzung ist".¹¹

При качестве акта просьбы говорящий обращается к адресату, побуждая его удовлетворить какие-либо нужды, какое-либо желание, исполнить, соблюсти что-либо. В цели действия, как нами выше указывалось, инвольтирован (заинтересован) говорящий; он хочет, чтобы адресат выполнил его просьбу. Целевая инвольтированность в значении перформативных высказываний предполагает **намерение, волю** говорящего. "Воля — это желание, чувство, т.е. инвольтированность. А воля", — подчеркивает А. Хеллер, — "как влечение, стремление к какой-либо цели, всегда есть влечение, стремление к чему-либо. Воля — это не что иное, как сосредоточение на достижении такой цели, ... в которой мы положительно инвольтированы".¹² Это сосредоточение нашего внимания на цели действия в значении прямых перформативных высказываний **усиливает иллокутивное воздействие** речевого акта просьбы: оно делает их более убедительными и экспрессивными. Индикаторы *очень, убедительно, настоятельно* являются усилителями, а не оформителями значений, т.е. они лишь акцентируют, подчеркивают значение перформативных глаголов, выражающих просьбу.

(1a) Евгения Дмитриевна. *Я прошу вас* разменять эту квартиру

¹⁰ См. Й. Крекич. Семантика и прагматика временно-предельных глаголов. Будапешт, Танкёньвкиадо, 1989, с. 235.

¹¹ D. Wunderlich. Zur Konventionalität von Sprechhandlungen. — In: Linguistische Pragmatik. Frankfurt/M., Athenäum, 1972, S. 49.

¹² Heller Á. Az ösztönök. Az érzelmek elmélete. Bp., Gondolat, 1978, p. 162–163.

на трехкомнатную и однокомнатную отдельно, если это не очень сложно... (Г. Мдивани. Большая мама, III. 206). — Иван Арнольдovich, *убедительно прошу*... гм... сколько там пациентов? (М. Булгаков. Собачье сердце, 199). Франциска. *Я очень вас прошу*: закройте глазки! (М. Цветаева. Феникс, 216). Юлий. *Я настоятельно прошу* позволения разделить с вами прогулку под дождем (Л. Леонов. Золотая карета, 448).

(1б) Собачкин. *Я попрошу у вас*, Марья Александровна, занять мне на самое короткое время тысячки две (Н. Гоголь. Лакейская, 222).

(1в) Бурович. *Просим уж вас*, по оному, это оное к уничтожению, то есть предать дело к забвению! (Н. Соловьев. На пороге к делу, 395).

(1г) Голос по радио. Товарищи пассажиры! До отправления поезда Хабаровск—Москва остается пять минут. Провожających *просят* покинуть вагоны (В. Розов. В дороге, 22).

6.3. Эксплицитные перформативные конструкции типа *я просил бы*, *я бы вас попросил*, *мы бы хотели просить вас* передают просьбу со значением желаемой необходимости совершения действия, выраженного утвердительной формой инфинитива (1д), (1е), или просьбу со значением желаемой необходимости невыполнения адресатом действия, выраженного отрицательной формой инфинитива (1ж). Характер иллокутивного воздействия просьб, выраженных перформативными конструкциями такого типа, толкуется по-разному, иногда противоречиво (даже одними и теми же авторами). Так, Н.И. Формановская в книге "Употребление русского этикета" (1984) характеризует просьбу, выраженную формами сослагательного наклонения, как категоричную с оттенком необходимости. Она же в книге "Этикет русского письма" (1986) определяет эту же просьбу как некатегоричную.¹³ Нам представляется, что употребление конструкций типа *я просил бы*, *я попросил бы* закреплено в речи за определенными ситуациями, в которых отношение говорящего к адресату отличается дистантностью и потому холодной вежливостью ("distant politeness") говорящего, что делает просьбу

¹³ Н.И. Формановская. Употребление русского речевого этикета. М., "Русский язык", 1984, с. 132.

А.А. Акишина, Н.И. Формановская. Этикет русского письма. М., "Русский язык", 1986, с. 108.

более настоятельной:

(1д) Марья Антоновна. Вы все эдакое говорите... *Я бы вас попросила*, чтобы вы мне написали лучше на память какие-нибудь стишки в альбом (Н. Гоголь. Ревизор, 71).

(1е) Первая девочка. Герман Степанович! Извините, пожалуйста, но *мы бы очень хотели просить вас* дать нам свой автограф (С. Михалков. Первая тройка или год 2001-й, IV. 450).

(1ж) Скотт. Дети, *я просил бы вас* не шевелиться! Улыбайтесь! (С. Михалков. Я хочу домой, IV. 256).

Сюда примыкает и пример (1и), в котором говорящий, считая свою просьбу слишком смелой, глаголом *дерзнул* подчеркивает свое приниженное положение по отношению к адресату:

(1и) Городничий. *Я бы дерзнул попросить вас* переехать ко мне на дом: у меня есть для вас очень удобная комната (Н. Гоголь. Приложения к комедии "Ревизор", 289).

6.4. Косвенная перформативная форма (инфинитивная конструкция с вспомогательным глаголом *хотеть*) подчеркивает лишь прагматическое значение намерения перформативных глаголов (*просить/попросить*); она равняется по значению прямой, вышеуказанной перформативной форме: *хочу просить* = *прошу*, *хочу попросить* = *попрошу*.

(1й) Беркут. Помощи *хочу просить* вашей (А. Софронов. Деньги, 85).— *Я хочу попросить вас*... Покачайтесь на качелях... Прошу вас, не отказывайте мне (В. Арро. Смотрите, кто пришел, 177). Марта. *Мы с Джеймсом хотим ... просить вас ...*, чтобы вы нас обвенчали (Братья Тур. Северная мадонна, 349).

6.5. Подчеркнутая вежливость конструкций *могу я просить вас*, *можно у вас попросить*, *нельзя ли попросить вас* смягчает, ослабляет иллокутивное воздействие высказывания на адресата. По мнению Н.И. Формановской, такие перформативные конструкции используются главным образом интеллигентами старшего и среднего поколения.¹⁴ Говорящий подступает к адресату очень деликатно, вежливо, как будто бы допускает для него возможность отказа. Он

¹⁴ Н.И. Формановская. Указ. раб., с. 131.

находится по статусу в зависимом от адресата положении:

(1к) Ландель. *Могу* [ср. *могу ли*] *просить* [ср. *попросить*] вас об одном одолжении? Об этом... обо всем — никому! (Братья Тур. Побег из ночи, 54).

(1л) Вова. *Можно у вас попросить* листок бумаги и карандаш? Сестра. Сейчас (В. Розов. В дороге, 72).

(1м) Лилиан Шервуд. Господин полковник, *нельзя ли попросить вас* оформить наш выезд? У меня в Америке дети... Мне надо торопиться (Братья Тур. Губернатор провинции, 127).

6.6. В косвенных перформативных высказываниях типа *пришел просить* (*приехал просить*, *явился просить*) выделенные глаголы обозначают точечное, моментальное действие, указывающее на быстрое, неожиданное наступление иллокутивного акта. Такие быстро, неожиданно наступающие акты вызывают в нас представление об интенсивности проявления акта, ведь неожиданность и быстрота скрывают в себе силу, т.е. быстрое, неожиданное наступление акта усиливает иллокутивное воздействие высказывания на адресата:

(1н) Бурдюков. Прошу извинить за беспокойство, что наношу вам. Обстоятельства и дела понудили оставить городишко. *Приехал просить* личной помощи, заступничества (Гоголь. Тяжба, 199).

(1о) Стеклобитов. Чему обязаны, товарищ генерал? Слушаю вас! Косовороткин. *Явился просить* руки вашей матушки! (С. Михалков. Постоялец, V. 540).

7. Эксплицитные перформативные высказывания с существительным, производным от глагола *просить*, входят чаще всего в группу просьб, передающих так называемую альтернативную норму солидарности, при использовании которой внимание направлено на более интимное (неформальное) поведение интерактантов: преобладает непринужденное отношение друг к другу. Поскольку норма солидарности считается альтернативной (как нами уже было указано в пункте 6.1.), она не исключает формального, вежливого отношения (например, быть на "вы") между интерактантами. На короткую дистанцию между ними указывает структура предложения, придающая просьбе говорящего непринужденный, неформальный характер:

(2а) — *У меня к вам просьба*. Передайте ему, пожалуйста, чтобы он сказал, когда ему можно позвонить (Н. Артемюк, В. Санина. Телефон, 25).

(2б) — *Одна просьба к тебе*: развод оформить немедленно. Теперь надеюсь, командировочное удостоверение не понадобится? *Еще одна просьба...* Поцелуй меня на прощание (А. Софронов. Наследство, 167).

(2в) Ручейков. *У нас к вам большая* [ср. очень большая, большущая, огромная, огромнейшая, преогромная, преогромнейшая] *просьба*: можно нам посмотреть, как снимают картину про Пушкина? (С. Михалков. Чужая роль, IV. 332).

Иллокутивная сила высказывания может увеличиваться разными контекстуальными (см. пример 2в) или супraseгментными средствами (интонацией):

(2г) Егорова. Ой, Катенька, голубушка... *Какая у меня до тебя просьба будет!* Позанимай гостя, пока я с Никитой Федоровичем на платье себе выберу... (А. Софронов. Сердце не прощает, 52).

7.1. Говорящий соблюдает норму статуса: как бы извиняется, что доставляет беспокойство адресату, обращаясь к нему с просьбой (2д), (2е), или подчеркивает уменьшительным суффиксом незначительность своей просьбы, не желая очень затруднить адресата, поскольку статус адресата выше (2ж):

(2д) Софья. Владимир Онуфриевич, *я вас снова потревожу* [ср. побеспокою] *просьбой* (Братья Тур. Софья Ковалевская, 379).

(2е) Вторая девочка. *Вы на нас не рассердитесь, если мы к вам обратимся с одной просьбой?* (С. Михалков. Первая тройка, или год 2001-й, IV. 432).

(2ж) — *Просьбицей собираюсь побеспокоить* (Л. Леонов. Ун-тиловск, 63).

8. Речь идет об имплицитных перформативных высказываниях, если перформативность высказывания не имеет явного языкового выражения, если намерение (установка) говорящего не выражено перформативным глаголом или производным от него именем существительным. Иллокутивное качество акта и иллокутивная цель высказывания выясняются ситуативным контекстом.

Имплицитные перформативные высказывания просьбы передаются:

- императивом СВ (реже НСВ) с усилительными частицами или без них;
- конструкцией "дай + инфинитив СВ";
- частицей *дай* + личное местоимение *я* + форма настоящего-будущего совершенного;
- формами настоящего-будущего совершенного с отрицанием и без отрицания в удостоверительно-вопросительных предложениях;
- конструкцией "*не* + форма настоящего-будущего совершенного + частица *ли*";
- конструкцией "*не* + формы *можете/сможете* + частица *ли* + инфинитив" в удостоверительно-вопросительном предложении;
- конструкцией "*не* + формы сослагательного наклонения глаголов *мочь/смочь* + инфинитив";
- конструкцией "*не будете ли (так) любезны (добры)* + инфинитив";
- собственно-вопросительными предложениями, индуцирующими пресуппозицию.

8.1. Имплицитная просьба осуществляется в русском языке чаще всего повелительными формами глаголов СВ. Поскольку большинство глаголов СВ относится к группе результативно-предельных глаголов, их повелительные формы обозначают направленность действия к достижению цели действия. При качестве акта просьбы в цели действия положительно инволевирован говорящий. Главным индикатором иллокутивного акта просьбы мы считаем форму императива СВ, указывающую на сильное иллокутивное воздействие высказывания:

(За) — *Разбуди меня после первых кочетов* (М. Шолохов. Тихий Дон, I. 107).

С формой императива СВ могут еще сочетаться и другие индикаторы, акцентирующие иллокутивную побудительную силу высказывания, как например частицы *пожалуйста*, *-ка*, *ну*, *ну-ка*, *а ну*, *а ну-ка*, *да*, *да... же*, *ну... же*, *давай* + императив СВ.

8.1.1. Частица *пожалуйста*, как и перформативные глаголы (*прошу тебя*, *умоляю вас*) в сочетании с повелительными формами глаголов, служит в имплицитных перформативных высказываниях для акцентирования иллокутивного акта просьбы. Мы присоединяемся к мнению А.В. Немешайловой, которая характеризует частицу

пожалуйста как усилительно-императивную.¹⁵ К ней примыкают еще конструкции *сделай/те милость* и *будьте любезны*. Конструкция *сделайте милость* употребляется, по четырехтомному словарю СРЯ, для вежливого выражения просьбы. Словарь Ожегова указывает на ее устарелость и иронический оттенок:

(36) Кассирша. На чье имя оставить билеты? *Продиктуйте, пожалуйста, по буквам* (Н. Артемюк, В. Санина. В театре, 51).

(3в) — *Да замолчи ты, сделай милость!* (М. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина, 155). — И ты, сокол, *погутарь* со мной, *сделай милость*. А ты все позевываешь, не хочешь разговором бабу уважить. А ты уважь! (М. Шолохов. Тихий Дон, III. 222).

8.1.2. В.С. Храковский и А.П. Володин настаивают на том, что частица *-ка* служит только для выражения неформального равенства между участниками речевого акта, т.е. присваивают ей лишь интимизирующую функцию и более ничего.¹⁶ Встает вопрос, какую функцию она выполняет при формах глаголов первого лица единственного числа простого будущего, например, в следующем предложении: — *А поеду-ка я к этому старому краснобаю* (И. Тургенев. Затишье). В этом отношении мы присоединяемся к мнению, высказанному И.С. Андреевой и Л.П. Крысиным, которые указывают, что частица *-ка* служит для усиления побуждения в побудительном высказывании, а не — скажем — для смягчения, как это часто утверждается в словарях.¹⁷ Итак, необходимо отметить, что частица *-ка*, сочетающаяся либо с императивными формами, либо с другими частицами (*ну-ка*, а *ну-ка*) выполняет кроме интимизирующей функции (соответствующей альтернативной норме солидарности) и функцию усиления иллокутивного воздействия. Иллокутивная цель такого акта — побудить адресата к какому-либо действию, к ускорению совершения действия. Говорящий как бы подталкивает адресата к быстрому совершению желательного для него действия, в кото-

¹⁵ А.В. Немешайлова. Повелительное наклонение в современном русском языке. АКД. Пенза, 1961, с. 20.

¹⁶ В.С. Храковский, А.П. Володин. Указ. раб., с. 184.

¹⁷ И.С. Андреева. Повелительное наклонение и контекст при выражении побуждения в современном русском языке. АКД. 1971, с. 18. Л.П. Крысин. О "социальном" компоненте лексических отношений. — Wiener slawistischer Almanach. В. II. 1983, S. 183.

ром он (говорящий) положительно инвольтвирован:

(3г) — *Пододвиньтесь-ка* поближе, милая, — сделала знак вдова Данишка. — Послушайте, что я вам скажу (Т. Дери. Тетушка Анна, 52).

(3д) Тоня. Платье принесла? Алевтина Петровна (Нюре). Примерить надо. Тоня. *Ну-ка, ну-ка покажи* (В. Розов. В день свободы, 103).

(3е) — *А ну-ка, дай папиросу!* — протягивает руку Сочинно (Г. Мдивани. Последний из Сабудары, IV. 217).

Слишком категоричным считаем высказывание В.С. Храковского, который утверждает, что если социальная роль говорящего ниже социальной роли слушающего, возможность употребления частицы *-ка* в императивной конструкции исключается.¹⁸ Примеры М. Цветаевой и В. Шукшина говорят о противоположном:

Камердинер. *Послушайте-ка, сударь, вьюгу!* Одумайтесь: как зверь ревет! (М. Цветаева. Феникс, 213). Утром Степана разбудил Матвей. — Степан, а Степан!.. — толкал он атамана. — *Поднимись-ка!* (В. Шукшин. Я пришел дать вам волю, 595).

Приведенные примеры довольно наглядно доказывают нам, что употребление частицы *-ка* в императивной конструкции возможно и тогда, когда социальная роль говорящего ниже роли адресата. Говорящий обращается к адресату по альтернативной норме солидарности как к человеку, а не как к высшему по рангу. Интимность, фамильярность и непринужденность при любом качестве акта делает интерактантов равноправными по отношению друг к другу, несмотря на их социальные роли.

8.1.3. Частицы *ну* и *а ну* усиливают иллюкутивное воздействие высказывания на адресата. И.С. Андреева относит частицы *а ну, ну-ка, а ну-ка, да...* же к собственно модалным показателям категоричного побуждения. В связи с этими частицами она говорит о требовании, которое определяется ею как настоятельная просьба, выраженная в категоричной форме.¹⁹ По нашему мнению, не частицы

¹⁸ В.С. Храковский, А.П. Володин. Указ. раб., с. 184.

¹⁹ И.С. Андреева. К вопросу о функционировании форм повелительного наклонения в современном русском языке. — В сб.: Функцио-

проводят различие между качествами акта просьбы и требования, а ситуация, или ситуативный контекст. При качестве акта просьбы говорящий не ставит себя выше адресата: имеется в виду внутренняя иллокутивная сила, когда воздействие говорящего проявляется в различной степени возложения обязанности, ответственности на адресата.

Необходимо отметить, что здесь главным индикатором является повелительная форма СВ, оказывающая уже сама по себе сильное иллокутивное воздействие на адресата. При императиве СВ частицы *-ка, ну, а ну, ну-ка, а ну-ка* лишь подчеркивают, акцентируют это сильное иллокутивное воздействие в условиях применения альтернативной нормы солидарности. Эти второстепенные индикаторы ведут себя подобно временному индикатору *вдруг* при глаголе *закричал*, который является не оформителем, а усилителем значения: подчеркивает, акцентирует тотивное, точечное значение момента наступления начинательного действия:

(3ж) — У меня голова болит. *Ну, отвезите в больницу, отвезите* (В. Шукшин. Штрихи к портрету, 386).

(3з) — *А ну, встань на солнышко — погляжу я на тебя* (А. Арбузов. Мой бедный Марат, 148).

(3и) — *А ну-ка, дай папиросу!* — протягивает руку Сочинно (Г. Мдивани. Последний из Сабудары, IV: 217).

(3й) Аполлос. *Ну-ка, дай мне гребеночку!* (Л. Леонов. Унтиловск, 31).

Частицы *да, же, да... же, ну... же* в сочетании с императивом СВ также подчеркивают, акцентируют сильное иллокутивное воздействие высказывания на слушающего. Заслуживает особого внимания пример В.С. Храковского:

В дверь постучали. — *Войдите!* — сказал я. Однако в комнату никто не входил. — *Войдите же!* — повторил я.

В.С. Храковский приходит к заключению, что частица *же* в этом примере "выражает напоминание об ожидаемом действии".²⁰

нальный анализ грамматических категорий. Л., Пед. институт им. А.И. Герцена, 1973, с. 128–129.

²⁰ В.С. Храковский, А.П. Володин. Указ. раб., с. 191, 193.

Если иметь в виду прагматическую категорию ожидаемости/неожиданности, то мы с полным основанием можем утверждать, что все иллокутивные акты просьбы, выраженные императивом СВ (даже и отрицательные повелительные формы СВ), обозначают ожидаемое действие и без частицы *же*. В примере *Войдите!* императив сигнализирует разрешительное приглашение, а повторное побуждение слушающего войти (*Войдите же!*) на наш взгляд, выражает нетерпение, испытываемое в ожидании кого-либо, т.е. на значение императива СВ наслаивается эмоциональный оттенок нетерпения. См. примеры (3к) и (3л):

(3к) — Матушка ты моя, матушка-а! *Да открой же* ты свои глазыньки-и! (В. Распутин. Последний срок, 152).

(3л) — *Ну,пусти же!* — просил Ковач-младший (Т. Дери. Исполин, 204).

Нам представляется ошибочным стремление Храковского и Володина возвести все эмоционально окрашенные значения на какие-либо логические понятия, игнорируя тем самым эмоциональное значение в языке.

8.1.4. В имплицитных просьбах с конструкциями *дай мне поработать, дай тобою налюбоваться* положительно инвольтвированный в самом действии говорящий обращается к адресату с просьбой позволить ему совершить желательное для него действие:

(3м) Марьяца. *Дай тобою налюбоваться* мне, в лицо твое *вглядеться дай*, пока оно светло, пока печаль его не одолела! (Д. Аверкиев. Кашурская старина, 325).

(3н) — Нет, зачем же? Не торопитесь, *дайте* нам на вас *полюбоваться*. Вы — такая замечательная пара (А. Вампилов. Утиная охота, 211).

Говорящий просит адресата не мешать ему в том действии, на котором он сосредоточивает свои мысли, внимание или волю. Эта сосредоточенность (углубленность) говорящего предполагает интенсивность проявления намеренного действия (увеличение иллокутивной силы высказывания).

Значение конструкции "*дай* + инфинитив СВ" пересекается со значением конструкции, выраженной частицей *дай* + личное местоимение *я* + форма настоящего-будущего совершенного, как на пример:

(3о) Шаманов. Нет, нет, не опускай голову, *дай я на тебя полюбуюсь* [ср. *дай мне на тебя полюбоваться*]. Я давно не видел, чтобы кто-нибудь краснел (А. Вампилов. Прошлым летом в Чулимске, 316).

8.1.5. ИмPLICITные побудительные высказывания просьбы, выраженные императивом СВ в сочетании с частицей *давай*, увеличивают иллокутивную силу высказывания: говорящий частицей *давай/те* торопит (понукает) адресата сразу, быстро выполнить просьбу:

(3п) — *Давай подними* тот ящик (В. Кетлинская. Иначе жить не стоит, 45).

(3р) Иван. А ты *давай, шепни* мне легонечко, я им враз переведу (Л. Леонов. Метель, 369).

8.1.6. Иллокутивная сила императива СВ возрастает, если личное местоимение поставлено перед глаголом:

(3с) — И ты, сокол, *погутарь* со мной, *сделай милость*. А ты все позевываешь, не хочешь разговором бабу уважить. А ты *уважь!* (М. Шолохов. Тихий Дон, III. 222).

8.1.7. Реже наблюдается качество акта просьбы в аспектуальной позиции политемпорального (повторительного и дуративного) значения. Политемпоральное действие, как известно, нельзя приурочить к одному узкому отрезку времени, к одной ситуации. Глаголы НСВ в этой аспектуальной позиции передают либо повторяющееся, либо постоянное (непрерывное), либо подчеркнуто продолжительное, "широко" локализованное действие. Использование императива НСВ обуславливают здесь в первую очередь семантические (вербально-контекстуальные) факторы, указывающие на политемпоральное проявление императивного действия (*всегда, часто, чаще, каждый день* и т.п.). Семантическое значение политемпоральности уменьшает иллокутивную силу высказывания, т.е. ослабляет иллокутивное воздействие императива:

(4а) Татарников. А чтоб совсем поправиться, просьба у меня до вас... При вашей доброте, не откажете, знаю. *Присылайте мне каждый день* по баночке меда для здоровья моего... (А. Софронов. Деньги, 112).

(46) Опенкина. Что с вами, месье Моршан? Моршан. *Всегда, днем и ночью называйте меня "товарищ Моршан"* (Н. Погодин. Вихри враждебные, 27).

8.1.8. Иллокутивное воздействие имплицитного перформативного высказывания при отрицании ослабляется. Прагматический признак неожиданности действия предполагает употребление отрицательной формы НСВ в частной видовой позиции **обобщенного факта**. Категория неожиданности уменьшает иллокутивную силу высказывания.

8.1.8.1. **Качество акта просьбы с назывной функцией обобщенного факта.** Назывная функция обобщенного факта реализуется, когда говорящий просит адресата не совершать действие, потому что он считает его ненужным, излишним, нецелесообразным. На ненужность совершения действия указывают индикаторы: *не надо* или **отрицательные местоимения**. В связи с употреблением отрицательных повелительных форм НСВ М.А. Шелякин и Х. Шлегель говорят об абсолютном отрицании.²¹ Отрицательные повелительные формы СВ можно противопоставить повелительным формам НСВ по прагматическим признакам ожидаемости/неожиданности.²² При употреблении отрицаемого императива НСВ говорящий не рассчитывает на совершение действия, не ожидает его осуществления. При качестве акта просьбы с назывной функцией обобщенного факта в семантике отрицательной формы императива НСВ событийной функции вовсе нет. Действие не совершается и не будет совершаться:

(5a) Окаемов. И... *пожалуйста, не делайте из нее певицы* (А. Афиногенов. Машенька, 385).

(5б) — Камилла, я не понимаю вас. Вы останетесь, — о, *не отвечайте мне ничего*, — вы останетесь еще на день хотя бы в Ферраре... (Б. Пастернак. Апеллесова черта, 33).

8.1.8.2. **Качество акта просьбы с назывной и событийной функциями обобщенного факта.** В частной видовой позиции обобщенного факта наличествует и событийная функция, когда говорящий прося побуждает адресата к прекращению уже совершающе-

²¹ М.А. Scheljakin, H. Schlegel. Der Gebrauch des russischen Verbalaspekts. Teil I. Potsdam, Pädagogische Hochschule, 1970, S. 195.

²² И. Крекич. Указ. раб., с. 255.

гося действия. Назывная функция относится ко времени, наступившему после прекращения действия. В такой ситуации, например, отрицательная форма *не плачь* обозначает: *прошу тебя, перестань плакать*. В синонимичном отрицательной форме (*не плачь*) словосочетании (*перестань плакать*) форма *перестань* несет в себе событийную функцию, а инфинитив *плакать* назывную:

(5в) — *Не бейте!... Не бейте меня. Пожалуйста!* (В. Астафьев. Последний поклон, 443). (Пресуппозиция: Вы бьете меня; значение: Прошу вас, перестаньте бить меня.)

8.1.9. В русском языке часто используются удостоверительно-и предположительно-вопросительные предложения в значении просьбы: в них вопрос совмещается со значением просьбы. Академическая грамматика 1980 г. не рассматривает вопросительные предложения, осложненные перформативными значениями просьбы, предложения и совета, а только упоминает о них.²³ Существенные стимулы к изучению косвенного употребления вопросительных предложений дает нам теория речевых актов.²⁴ Иллокутивная цель так называемой вопросительной просьбы состоит в том, чтобы побудить слушающего выполнить просьбу. Говорящий хочет узнать, имеется ли у адресата возможность осуществить его просьбу. Состояние "незнания" о возможности выполнения просьбы стимулирует говорящего обратиться с просьбой к адресату в форме вопросительного предложения. Разные формы вспомогательного глагола *мочь* (*может, не сможете ли, не могли бы вы*), оформляющие потенциальное значение лексически, формы глаголов настоящего-будущего совершенного (*не дашь ли*), оформляющие потенциальное значение грамматически, указывают на предположение говорящего, что адресат сможет реализовать его просьбу только в том случае, если он (адресат) располагает всеми средствами, необходимыми для ее выполнения. Поэтому говорящий, чтобы показать себя вежливым, как бы допускает возможность отказа, невыполнения просьбы. В силу отмеченных выше причин ответ адресата может быть и отрицательным. Такие эротематические просьбы в русском языке чаще всего используются в сочетании с отрицательной частицей *не*

²³ Русская грамматика. Ч. II. 1980, с. 388.

²⁴ Р. Конрад. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты. — В сб.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., "Прогресс", 1985, с. 349—383.

(реже и без нее), которая в этих интеррогативных просьбах утрачивает свое отрицательное значение:

(6а) — *Не сможете ли вы взять его к себе?* Мать будет очень благодарна (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, 141).

(6б) Бронников. *Вы не могли бы принести нож?* Полина Семеновна (возбужденно). Ножик? Бронников. Да! (В. Арро. Пять романсов в старом доме, 149).

(6в) Арнаутов. Ты чего там один? Слушай, *не дашь ли ты мне стакан чаю?* (В. Арро. Сад, 92).

Отрицательный ответ, или отказ выполнить просьбу всегда считается невежливым, "в любом случае должен сопровождаться некоторым дополнительным текстом, в котором содержится извинение или сожаление с соответствующим обоснованием отрицательной реакции, например: *У меня, к сожалению, нет часов, Мне очень жаль, но я сам не могу дотянуться, Извините, у меня сейчас нет времени* и т.п. ... Причина этого заключается в том, что считается невежливым отказывать ... в просьбе без весомой на то причины".²⁵

Интересным представляется сопоставление вопросительной просьбы с побудительной. Как показывают примеры, вопросительная просьба оформляется формами настоящего-будущего совершенного, а побудительная — формами императива СВ. Вопросительная просьба (запрос разрешения на выполнение действия) подчеркивает субординационное отношение говорящего к адресату: отличается большей вежливостью, и как бы допускает возможность отказа со стороны адресата в силу каких-либо причин. Субординационные отношения оформляются или прямым указанием на статус адресата, или отношениями "Вы" — "ты", или другими средствами ситуативного контекста:

(6г) Лялин. *Разрешите идти, товарищ генерал?* Поставничев. Да идите уж куда вам надо (Л. Зорин. Друзья и годы, I. 563).

(6д) Филипп. *Разрешите на вокзал?* Павел. Дуй (А. Корнейчук. Макар Дубрава, 421).

Более сильное иллокутивное воздействие на слушающего оказывают побудительные просьбы, выраженные императивом СВ:

²⁵ Р. Конрад. Указ. раб., 1985, с. 371.

Мирон. *Разреши курить*. Горлов. Что ж спрашиваешь, кури (А. Корнейчук. Фронт, 336). Новиков. И — *просьба*. *Разрешите* до операции *повидать* сына. Раза два, три... Профессор. Хоть каждый день (С. Алешин. Палата, 135). Почтмейстер. Господа! *позвольте прочитывать* письмо! Все. *Читайте, читайте!* (Н. Гоголь. Приложения к комедии "Ревизор", 339).

Обратим внимание на то, что в отличие от вопросительных просьб, которые пунктуационно оформляются вопросительным знаком, побудительные просьбы пунктуационно завершаются точкой или восклицательным знаком.

В связи с вышеприведенными конструкциями мы считаем необходимым вкратце коснуться вопроса **иллокуции** и **перлокуции**. Как известно, самую последовательную концепцию теории речевых актов развил Дж. Серль, считающий основной единицей коммуникации иллокутивный акт, который некоторые лингвисты смешивают с перлокутивным актом.²⁶ Недоразумения объясняются тем, что некоторые лингвисты видят в слове *force* (воздействие, сила) только одно видовое значение. Слово *воздействие*, как и русский глагол *воздействовать*, имеет два видовых значения: одно имперфективное и одно перфективное. Первое относится к способу, или к степени, второе к следствию, результату воздействия, т.е. при иллокутивном акте речь идет о способе, или степени воздействия, а при перлокутивном — о следствии, результате воздействия перформативного высказывания (говорящего) на слушающего.

Из вышеприведенных примеров выявляется, что разрешительный ответ на вопросительные и побудительные предложения, оформляющие запрос разрешения, передается формами императива НСВ. Разрешение, выраженное императивом, представляет собой перлокутивный акт, поскольку оно (разрешение) является следствием, результатом просьбы, выраженной вопросительным или побудительным предложением. Разрешительный акт оказывается одновременно перлокутивным и иллокутивным актом. Из примеров выясняется, что в диалоге меняются роли: в разрешительной реплике адресат превращается в говорящего и наоборот: в роли говорящего он оказывает иллокутивное воздействие на адресата (бывшего говорящего).

8.1.10. Для выражения имплицитной просьбы довольно редко

²⁶ J.R. Searle. A beszédaktus mint kommunikáció. — In: Kommunikáció I. Válogatott tanulmányok. (Ford.: Pléh Csaba.) Bp., Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó, 1977, p. 260.

используются в утвердительных предложениях формы настоящего-будущего совершенного в сочетании со словами *может, может быть* и сослагательного наклонения, придающие высказыванию смягченный тон:

(6е) *Может, вы, дорогой Шура, пришлете мне маслопроводный шланг, хоть не новый. Здесь на базаре положительно нельзя достать* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок, 577).

(6ж) *Кинг. Кто там у вас играет? Маша. Флейта какая-то. Кто-то из дачников. Все слышат, а не знают, кто. Кинг. Сходили бы, посмотрели* (В. Арро. Смотрите, кто пришел, 171).

В примере (6ж) в выполнении действия инвольтвирован говорящий (Кинг), о чем нас уведомляет ситуативный контекст.

8.1.11. Нижеследующие собственно-вопросительные предложения осмысляются нами как просьбы. На их прагматическую эмоциональную заряженность могут указывать частицы и междометия, окрашивающие просьбу каким-либо чувством: нетерпением, восхищением и т.п. Такие просьбы индуцируют пресуппозицию. "Основным свойством пресуппозиции, отличающим ее от сообщаемого", — пишет Н.Д. Арутюнова, — "является константность при отрицательных, вопросительных и модальных преобразованиях".²⁷ Посмотрим несколько типов предложений, обладающих одинаковыми эксплицитными или имплицитными пресуппозициями:

Утвердительное побудительное предложение:

(1) Ты читаешь — и *читай* (Л. Зорин. Конец и начало, 28).

Отрицательное побудительное предложение:

(2) Тсс, тише, *не кричи* (Б. Пастернак. Посторонний, 102).

Вопросительное предложение:

(3) Ты что *шумишь?* (А. Арбузов. Мой бедный Марат, 143).

Чтобы легче отличить смысловые компоненты вышеприведенных высказываний (1), (2), (3) от значения глаголов, мы попытаемся показать их на примере одного и того же глагола:

²⁷ Н.Д. Арутюнова. Понятие пресуппозиции в лингвистике. — Известия АН СССР. СЛЯ, 1973, № 1, с. 85.

(1') Ты кричишь — и кричи.

(2') Тсс, тише, *не кричи*.

(3') Ты что *кричишь*?

Ты кричишь.

Как видно, во всех трех высказываниях (1'), (2'), (3') обнаруживается одна и та же логическая пресуппозиция: *Ты кричишь*. В утвердительном побудительном (1') и вопросительном (3') предложениях пресуппозиция выражена эксплицитно, а в отрицательном побудительном предложении (2') имплицитно. В высказывании (1') эксплицитная пресуппозиция: *Ты кричишь*; значение: *Продолжай кричать (не переставай кричать)*. В высказывании (2') имплицитная пресуппозиция: *Ты кричишь*, а значение: *Прошу тебя, перестань кричать*. В высказывании (3') эксплицитная пресуппозиция: *Ты кричишь*, а значение: *Прошу тебя, перестань кричать*.

Анализ вышеприведенных примеров наглядно показывает, что "различие между пресуппозицией и значением в собственном смысле слова проявляется, например, в том, что они по-разному реагируют на отрицание: в область действия отрицания попадает только значение, но не пресуппозиция".²⁸ Высказывание (1') противостоит высказываниям (2'), (3') по значению, а не по пресуппозициям. *Не кричи (перестань кричать)* передает значение, противоположное значению *кричи (продолжай, не переставай кричать)*. В пресуппозиции высказываний (2'), (3') обнаруживается имплицитное утверждение: названное действие совершается, находится в протекании. В таких ситуациях говорящий инволютирован отрицательно. Желая устранить отрицательную инволютированность, говорящий просит адресата прекратить выполняемое им действие:

(7а) — *Ах, зачем вы играете на моих нервах!?* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, 188). (Пресуппозиция: Вы играете на моих нервах; значение: Прошу вас, перестаньте играть на моих нервах.)

(7б) — *Что вы на меня смотрите такими злыми глазами, как солдат на вошь?* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, 46). (Пресуппозиция: Вы смотрите на меня злыми глазами; значение: Прошу вас, перестаньте смотреть на меня такими злыми глазами.)

²⁸ Ю.Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., "Наука", 1974, с. 29.

8.1.12. Латентные (скрытые) просьбы выясняются только из ситуативного контекста. Утвердительное предложение содержит в себе просьбу в виде намека: она высказана неясно, не полностью; адресат может понять ее лишь догадавшись:

(8а) — *Рудольфио*, — не выдержав, сказала она. — *Меня еще ни разу никто не целовал*. Он наклонился и поцеловал ее в щеку. — *В губы*, — попросила она (В. Распутин. *Рудольфио*, 45).

8.1.13. Имплицитная просьба может быть выражена и неполным предложением. Имеются ситуации, когда информация передается быстро: говорящий просто называет предмет, который ему нужен. Заметим, что разговорная речь всегда стремится к минимизации:

(9а) — Мы пассажиры, — крикнул Остап задыхаясь, — *два билета первого класса!* (И. Ильф, Е. Петров. *Золотой теленок*, 566). Олег. *Мне, пожалуйста, один общий жесткий до Хан-Тау* (А. Солженицын. *Раковый корпус*, Новый мир, 1990/8, 102).

9. В заключение нам хотелось бы подчеркнуть, что при исследовании речевых актов мы придерживались так называемого каузального подхода. Каузальный подход предполагает обнаружение причин языкового поведения (процессов мышления), изучение воздействий, которые язык оказывает на слушающего. Мы связали значение высказывания с намерением говорящего произвести некоторое воздействие на адресата. В зависимости от иллокутивной силы намерения говорящего, мы противопоставляли перформативные высказывания просьбы по разным признакам:

9.1. С точки зрения силы намерения мы различали внешнюю и внутреннюю иллокутивную силу воздействия говорящего, в зависимости от того, как, каким образом осуществляет говорящий свою иллокутивную цель. Без этой оппозиции трудно было бы обнаружить точное различие между качествами акта просьбы и требования. В отличие от требования, оказывающего внешнее воздействие на адресата, просьба является внутренним побуждением.

9.2. Просьба отличается от требования и тем, что при ней говорящий никогда не ставит себя выше адресата (даже будучи выше его по рангу).

9.3. Иллокутивное воздействие высказываний просьбы может быть сильным или слабым. Иллокутивное воздействие говорящего ослабляется, если подчиненный обращается с просьбой к старшему

по должности. В таких ситуациях говорящим используются конструкции, выражающие подчеркнутую вежливость (почтительность).

9.4. Прямые эксплицитные (*прошу, попрошу тебя*) и те косвенные имплицитные перформативные высказывания просьбы, которые оформлены императивом СВ, оказывают всегда сильное иллокутивное воздействие на адресата. Это сильное иллокутивное воздействие говорящего предполагает **концентрированное** в волевом отношении глагольное действие. Говорящий сосредоточивает свое внимание либо на цели действия (целевая инвольвированность), либо на самом действии с эмоционально положительным знаком. Это концентрированное, сосредоточенное воздействие вышеупомянутых высказываний делает просьбы более убедительными.

9.5. Косвенные перформативные высказывания можно противопоставлять по признакам **вопросительности/невопросительности**. Вопросительные просьбы всегда оказывают слабое иллокутивное воздействие на адресата, а невопросительные — и сильное, и слабое.

9.6. Нами противопоставлены вопросительные просьбы с побудительными, оформленными императивом СВ. Вопросительная просьба подчеркивает субординационное отношение говорящего к адресату, отличается большей вежливостью и как бы допускает возможность отказа со стороны адресата в силу каких-либо причин.

9.7. Разрешительный ответ на вопросительные и побудительные предложения, оформляющие запрос разрешения, часто передается формами императива НСВ. Разрешение, выраженное императивом или разрешительным перформативом, представляет собой перлокутивный акт, поскольку оно является следствием, результатом просьбы.

9.8. Имплицитные перформативные высказывания, выраженные положительными и отрицательными формами императива СВ, противопоставлены отрицательным формам НСВ по прагматической категории **ожидаемости/неожидаемости**.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЛАГОЛОВ СОВЕРШЕННОГО ВИДА В БОЛГАРСКИХ И РУССКИХ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ПОБУДИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ¹

И. Пете

В болгаристике общеприято, что "отрицателните форми за повелително наклонение се образуват само от несвършени глаголи".² По мнению Валентина Станкова, "при отрицание глаголи от свършен вид по принцип не могат да се употребят в повелително наклонение — не може да се каже *не влез, *не прочети и т. н."³ и "видова конкуренция в повелително наклонение при отрицание не съществува"⁴. Калина Иванова указва, че Милка Ивич⁵ "установява, че свършената видова форма е станала в източно- и западно-славянските езици, както и в словенски, специфична за обозначаване на особен модус за предупреждаване (напр. руск. не упади! или в чешки *neslom si nohu!*), докато в южнославянските езици предупреждението престава да се означава посредством императив с отрицателна частица не"⁶. Б.Ю. Норман также замечает, что "с отрицанием [...] форма повелительного наклонения от глаголов совершенного вида вообще не употребляется, что объясняется природой самой категории вида. Однако в русском языке допуска-

¹ Выражаю свою благодарность Лиле Мончевой за оказанную помощь.

² Граматика на съвременния български книжовен език. Том 2, Морфология. София, Изд. на Българската академия на науките, 1983, с. 367.

³ Валентин Станков. Глаголният вид в българския книжовен език. София, "Наука и изкуство", 1980, с. 53.

⁴ Валентин Станков. Конкуренция на глаголните видове в българския книжовен език. София, Изд. на Българската академия на науките, 1976, с. 101.

⁵ Милка Ивич. Употреба вида у словенском императиву с негацијом. — В сб.: Славянская филология. Том 2, Международный съезд славистов. М., Изд. Академии наук СССР, 1958, с. 99.

⁶ Калина Иванова. Остатъци от употреба на глагол от свършен вид в отрицателна императивна форма. — БЕ, 1963, кн. 6, с. 521.

ются такого рода сочетания со значением предупреждения типа *не споткнись, не навреди*. В болгарском запрет на совмещение значений совершенного вида и императива с отрицанием — полный".⁷ К. Попов считает, что в предложении *Готви се за утре. Ама да не си обадиш никому* (Ел. Пелин) (= *Ама не се обаждай никому*) "перфектна форма [...] се е появила вероятно поради невъзможността да се образува отрицателна повелителна форма от свършения вид на глагола".⁸

Известно, что болгарский язык относится к языкам аналитического строя. Повелительное наклонение в нем имеет простые и сложные формы. Ср.: "С помощта на частиците *да* и *нека* се образуват и сложни (описателни) форми за повелително наклонение за всички лица и числа: *да мълча*, [...] *да не мълчиш*, *нека да не мълчи* и пр.". ⁹ Ю.С. Маслов уже признает возможность употребления глаголов совершенного вида в отрицательных побудительных предложениях, однако сложные формы повелительного наклонения он оценивает как конъюнктив. (Ср.: "При необходимости передать [...] «предостерегательное значение» в болгарском языке используется конъюнктив: *Да не паднеш. Ти да не останеш там, лели... Утре рано да си дойдеш* [...] 'Ты чтоб не остался там, родной... Завтра утром чтоб пришел'".¹⁰ Нам кажется, что славянская языковая система поддерживает мнение К. Попова, который считает, что "целесообразно е *да*-конструкция да остане при повелително наклонение, като негова разновидност".¹¹ В синтаксисе академической грамматики болгарского языка указывается, что "в тези случаи *да*-формите са поели функцията на отрицателните импера-

⁷ Б.Ю. Норман. Болгарский язык. Минск, Изд. БГУ, 1980, с. 119.

⁸ Константин Попов. По въпроса за български конъюнктив. — В сб.: П. Пашов, Р. Ницолова (съст.). Помагало по българска морфология. Глагол. София, "Наука и изкуство", 1976, с. 383. (Статията се печатва от "Език и литература", 1963, кн. 5.)

⁹ Граматика на съвременния български книжовен език. Том 2, Морфология. София, Изд. на Българската академия на науките, 1983, с. 367.

¹⁰ Ю.С. Маслов. Грамматика болгарского языка. М., "Высшая школа", 1981, с. 280, 287.

¹¹ Константин Попов. Указ. раб., с. 383.

тивни форми от свършен вид за изразяване на предпазване¹².

При выражении **запрещения** в болгарских и русских побудительных предложениях употребляются глаголы НСВ. Ср.: *Не пий/Да не пиеш студена вода. — Не пей холодную воду/холодной воды.*

При выражении **предупреждения** в болгарских и русских отрицательных побудительных предложениях употребляются глаголы СВ (в болгарском языке сложные формы) в следующих случаях:

1. В предложениях с глаголами, имеющими отрицательное значение. Совершение таких действий обычно не зависит от воли субъекта, поэтому такие глаголы, как правило, не употребляются в утвердительных побудительных предложениях. Ср.:

Да не паднеш!	— Не упади!
Да не се подхлъзнеш!	— Не поскользнись!
Да не счупиш вазата!	— Не разбей вазу!
Да не се спънеш в прага!	— Не споткнись о порог!
Да не разбиеш шишето!	— Не разбей бутылку!
Да не изпуснеш чинията!	— Не урони тарелку!
Да не излееш/разлееш супата!	— Не пролей/разлей супа!
Да не се простудиш!	— Не простудись!
Да не се заболееш!	— Не заболей!
Да не си повредиш краката!	— Не ушиби ногу!
Да не си извадиш окото!	— Не выколи себе глаза!
Да не си удариш главата в масата!	— Не ударься головой о стол!
Да не се задушиш от дима!	— Не задохнись от дыма/в дыму!
Да не се удавиш!	— Не утони!
Да не си нацапаш роклята!	— Не испачкай платье!

¹² Граматика на съвременния български книжовен език. Том 3, Синтаксис. София, Изд. на Българската академия на науките, 1983, с. 68.

Да не си измърсиш дрехите!

Да не изгориш покривката с
цигара!

Да не изгорите на слънцето!

Да не слънчасаш!

Гледай да не ти замръзне
носът!

Да не си измокриш краката!

Да не си навехнеш крака!

Да не обърнеш чашата!

Да не пропуснеш удобния
момент!

Да не изпуснете влака!

Внимавай, да не повредиш
автомобилчето!

Да не се уплашиш от
тъмнината!

Внимавай, да не счупиш този
бастун!

Да не се изгориш с ютия!

Да не се порежеш!

Да не се изтървеш!

Да не се изгубиш ръкавиците!

Да не нагълташ вода!

Да не си развалиш стомаха!

— Не выпачкай/загрязни
одежду!

— Не прожги сигаретой
скатерть!

— Смотрите, не обгорите!

— Не получи солнечный
удар!

— Смотри, не отморозь себе
нос!

— Не замочи себе ноги!

— Не вывихни себе ногу!

— Не опрокинь стакан!

— Не пропусти/пусти
подходящего момента/
удобного случая!

— Не опоздай на поезд!

— Смотри, не испорти
автомобиль!

— Не испугайся темноты!

— Смотри, не поломай этой
палки!

— Не обожгись об утюг!

— Не порежься!

— Не проговорись!

— Не потеряй перчатки!

— Не захлебнись!

— Не испорти желудок!

Если в предложении употребляется наречие *повече* 'больше', то все эти глаголы в обоих языках выступают в НСВ. Ср.: *Не падай/Да не падаш повече от коня!* — *Не падай больше с коня!* *Да не сбъркаш!* — *Не ошибись!* *Не бъркай/Да не бъркаш повече!* — *Не*

ошибайся больше! В сочетаниях с наречиями *пак — опять, отново — снова*, однако, эти глаголы употребляются в форме СВ: *Да не паднеш пак/отново от коня! — Не упади и опять/снова с коня!*

Некоторые глаголы отрицательного результата могут употребляться и в форме НСВ императива, если они обозначают действие, зависящее от воли побуждаемого. Такие предложения выражают запрещение. Ср.:

Да не закъснееш за влака!
Не опоздай на поезд!

— Не закъснявай за влака!
Не опаздывай на поезд!

Да не ме забравиш!
Не забудь меня!

— Не ме забравяй!
Не забывай меня!

Да не докоснеш стената!
Не прикоснись к стене!

— Не докосвай стената!
Не прикасайся к стене!

Да не пипнеш детето!
Не тронь ребенка!

— Не пипай детето!
Не трогай ребенка!

Да не си извадиш окото!

— Не изваждай парите от
джоба!

Не выколи себе глаза!

— Не вынимай деньги из
кармана!
Не выкалывай глыбу льда!

2. Императив употребляется в отрицательных побудительных предложениях в СВ при выражении напоминания о действии, которое может произойти по невнимательности, недосмотру. Ср.:

Да не отнесеш списанието!

— Журнал-то не унеси!

Да се ме блъснеш с веслото!

— Не задень веслом меня!

3. Глаголы СВ употребляются в отрицательных побудительных предложениях, если предложение приобретает оттенок предупреждения в результате отрицательного смысла прилагательных или глаголов. Глаголы НСВ в таких предложениях выражают запрещение. Ср.:

Да не купиш корав хляб/
гнили ябълки.
Не купи черствого хлеба/
гнилые яблоки.

— Не купувай корав хляб/
гнили ябълки.
Не покупай черствого
хлеба/гнилые яблоки.

Да не влезеш в реката, тя е
дълбока!

Не влезь в реку, она
глубока!

Да не направиш скандал!
Не устрой мне скандал!

— Не влизай в реката, тя е
дълбока!

Не влезай в реку, она
глубока!

— Не прави скандал!
Не устраивай мне скандал!

4. При выражении мольбы, опасения обычно употребляются глаголы СВ. Глаголы НСВ встречаются, если мольба, опасение относятся непосредственно к моменту речи или к возможному повторению действия. Ср.:

Мамо, да не ме предадеш/
издадеш на баша ми.
Мама, не выдавай меня отцу!

Да не ме осрамиш пред
гостите!

Не осрами меня перед
гостями! (Гости еще не
пришли.)

Моите деца, да не ме
оставите сама на стари години!
Дети мои, не оставьте меня
одну на старости лет!

Да не ме напуснеш в бедата.
Не покинь меня в беде, если
случится со мной что-н.

Да не погубиш здравето си!

Не погуби свое здоровье!

Да не се забъркаш там
случайно в тази неприятна
работа!

Не впутайся там случайно в
это неприятное дело!

— Не ме предавай!

Не выдавай меня!

— Не ме срами пред гостите!

Не срами меня перед
гостями! (Гости уже
пришли.)

— Не ме оставяй сега сама!

Не оставляй меня теперь
одну!

— Не напускай родината!
Не покидай родину!

— Не погувай здравето си, не
пей, не пуши!

Не губи свое здоровье, не
пей, не кури!

— Не се забърквай в тази
неприятна работа!

Не впутывайся в это
неприятное дело!

Да не ме осъдиш, ако направя
нешо лошо.

Не осуди меня, если что-н.
плохо сделаю.

— Не ме съди строго за това!

Не суди меня строго за
это!

5. Императив с неопределенными местоимениями выражает предостережение, поэтому глаголы (несмотря на их значение) в предложениях с такими местоимениями употребляются в СВ. В побудительных предложениях с отрицательными местоимениями употребляются глаголы НСВ. Ср.:

Да не си оставиш нешто тук!
Не оставь здесь чего-н.!

— Нищо не оставяй тук!
Ничего не оставляй здесь!

Да не пуснеш някой без
билет!
Не пропусти кого-н. без
билета!

— Никого не пускай без
билет!
Никого не пропускай без
билета!

Да не разкажеш на някого за
това!
Не расскажи кому-н. об этом!

— Не разказвай на никого за
това!
Никому не рассказывай об
этом!

Да не отидеш никъде!
Не уйди куда-нибудь!

— Не отивай никъде!
Никуда не уходи!

Глаголы СВ, имеющие отрицательное значение, могут употребляться и в предложениях с отрицательными местоимениями. Например: *Только, пожалуйста, не проговоришь никому. Я задумал жениться* (Гоголь, Мёртвые души). В болгарском языке при выражении угрозы глаголы СВ также могут употребляться в отрицательных побудительных предложениях. Например: *Да не си посмял да закъснееш! Да не съм те виждал вече тук!* В предложениях с частицей *ама* отрицательные местоимения также могут употребляться с глаголами СВ. В таких предложениях "се означава много силна, категорична, дори понякога груба забрана за извършване на действие в бъдещето".¹³ Ср.: *Ама да не сте оставили нищо тук. — Да не сте оставили нищо тук!* Глаголы НСВ употребляются при обозначении повторяющихся действий: *Да не сте оставяли повече нищо тук!*

¹³ Граматика на съвременния български книжовен език. Том 3, Синтаксис. София, Изд. на Българската академия на науките, 1983, с. 69.

6. Глаголы СВ могут употребляться также при выражении оттенка возможности или невозможности, допустимости или недопустимости.¹⁴ Ср.:

Гледай да не измениш на мечтата си.

— Смотри, не измени мечте.

Да не го вземете за нескромност, но аз подготвих два научни труда тази година за печат.

— Не считайте это за нескромность, но я написал в этом году две статьи для публикации.

Да не си помислите, че се представям.

— Не подумайте, что я рисуюсь.

Гледай да не навредиш, а да помогнеш!

— Не повреди — помоги.

7. В академической грамматике современного болгарского языка указывается на употребление простой формы повелительного наклонения глаголов СВ с отрицанием. В этих конструкциях "отрицанието е реторично. Заповедта има фактически позитивен характер".¹⁵ Например: *Иди че не му помогни*. 'Не можеш да не му помогнеш.' В русском языке формы повелительного наклонения не имеют такого употребления. Данное предложение выражает сильное побуждение: 'Обязательно помоги ему!'

¹⁴ Н.А. Луценко. Императивно-сдвоенные конструкции с отрицанием. — РЯШ, 1988, № 4, с. 78–81.

¹⁵ Граматика на съвременния български книжовен език. Том 2, Морфология. София, Изд. на Българската академия на науките, 1983, с. 270.

CAPTURING SUBJECTIVE MEANING¹

(A contrastive study of modal particles in Hungarian and Russian)

K. Fábricz

0. The overall content of an utterance can be divided into two distinct levels of representation. On the level which might be termed "the objective level" a state of affairs is represented. On the other level variously circumscribed as "subjective" or "modal" it is the speaker's attitude towards the content of the "objective message" of his/her utterance that is conveyed. Though artificial the above division may be, an attempt at capturing the linguistic behavior of one type of words expressing this latter level of representation could hardly do without the gross distinction above. The motivation for an investigation of different issues pertaining to the speaker's attitude towards the subject matter of his/her utterance relates to a claim formulated, among others, by J. Lyons who suggests that "any theory of meaning which fails to account for the subjectivity of reference, deixis and modality [...] is condemned to sterility".²

This paper will, on the one hand, examine the hypothesis that objective and subjective meaning can be differentiated. To do this, it will be helpful to consider a set of words from various languages used both as a means conveying objective meaning and as Modal Particles, i.e. a word-group employed to express subjective modality. The other task will be to describe a strategy for revealing the semantic relation between objective and subjective applications of formally identical lexemes in Hungarian and Russian. Practising this strategy will make it possible to point out how subjectivity is expressed by modal particles, at least in the two languages under discussion.

1.0. Subjectivity could be defined roughly as the expression of what the speaker thinks or how the speaker feels about the facts or ideas contained in the utterance. The speaker's attitude manifests itself on different linguistic and extralinguistic levels such as intonation, style, grammar, vocabulary, etc. For instance, it is subjectivity that governs word-selection in a context (cf. *eat up* vs.

¹ I would like to thank Ferenc Kiefer for his valuable comments on this paper.

² J. Lyons. *Language, Meaning and Context*. Bungay, Suffolk, The Chancer Press, 1981, p. 242.

gobble up) where an action can be described by a set of words basically different from one another only from the point of view of their subjective value. On the lexical-grammatical level in English we find the modal verbs providing for a wide coverage of the range of subjectivity.

1.1. There are lexemes capable of modifying the meaning of an utterance both "objectively" and "subjectively". These words pose one special problem which may be stated by means of the following examples:

- (1) (a) There is *only* a little bread left.
- (b) I was *only* too pleased to leave that place.
- (2) (a) Vous partez *déjà*?
- (b) Qu'est-ce que vous m'avez dit *déjà*?
- (3) (a) *Nur* ihn hatte man vergessen.
- (b) Wozu habe ich *nur* gelebt?³

In the light of the considerations mentioned above, it may be assumed that the italicised words are used for modifying the NP (*only*, *nur*) or the predicate (*déjà*) in the upper sentences. Thus, *only*, *déjà* and *nur* in examples (1)(a), (2)(a) and (3)(a), respectively, can be viewed as words belonging to the objective content of the utterances in which they are used. On the other hand, it is obvious that sentences (1)(b), (2)(b) and (3)(b) cannot be interpreted as containing NP or predicate modifiers in the way their parallel sentences do. For a quick justification of the difference between, say, *only* in (1)(a) and (1)(b) consider the inadequacy of (1)(b') as opposed to (1)(a'):

- (1) (a') There is *only* a little bread left, and no more.
- (b') *I was *only* too pleased to leave that place, and no more.

Before we have a better grasp of at least a few of the features setting objectivity (1)(a)–(1)(a') and subjectivity (1)(b) apart, we

³ The German examples are borrowed from W. Arndt. 'Modal Particles' in Russian and German. – Word, 1960, Vol. 16, No. 3, p. 327.

might do well to recognize that there exists a group of words applicable in two different ways. These words belong, on the one hand, to such word-classes as adverbs, pronouns, quantifiers or conjunctions, and to modal particles, on the other.

1.2. Linguistic modality, a long-disputed category of relation connecting the speaker, the hearer and the "objective" world, is still rather poorly understood. It has, for the last few decades, become evident that neither modality in logics, nor modality in mathematics is suitable for a whole account of modality in language. Linguistic modality can be adequately treated in a framework where it is described as a member of a binary opposition whose other member is predicativity. Predicativity and modality are inherent categories of each utterance. The former is responsible for an actual string of words to become a sentence via predication. The latter shows how, in what manner it is done.

The expression of modality by purely lexical means is confined to two types of words: **modal words** and **modal particles**. In Russian and in Hungarian modal words are basically used to convey epistemic modality which has to do with how the speaker's knowledge concerning a given action or state of affairs is reflected. Modal particles, on the other hand, function in the domain of subjective modality with a wide range of semantic features. W. Arndt calls modal particles "subjective shorthand signals". Following a research into the literature on modal particles in Russian and German, he finds that it is mainly the intuition of the linguist that assigns a given word to the class of modal particles and one can hardly find any palpable criteria for the differentiation in contemporary linguistics.⁴

Although since then there has been a considerable growth of interest in exploring modal particles in the Soviet Union, Germany and Czechoslovakia, some of the cardinal questions concerning modal particles have remained unanswered. Here belong such questions as what the meaning of the modal particle is like, how it relates to the function or actual usage of the modal particle, how this meaning and this function are built into the overall content of an utterance, where these categories come from, what their relation to (subjective) modality is, and how they are related to predicativity.

One way of untangling these problems may be an investigation of the coexistence of some Hungarian and Russian conjunctions, quantifiers and adverbs with their modal counterpart as illustrated above in (1)–(3).

⁴ See W. Arndt. *Ibid.*, p. 325.

2.0. For the present purposes I have selected four Hungarian and four Russian lexemes each of which are used in the two ways mentioned. They are presented in Table 1.

Table 1.

Lexeme	Lexical categories	Possible English Equivalents
H. <i>is</i>	conjunction vs. MP	<i>also, as well, too</i>
R. <i>и</i>	conjunction vs. MP	<i>also, as well, too</i>
H. <i>csak</i>	quantifier vs. MP	<i>only, just</i>
R. <i>только</i>	quantifier vs. MP	<i>only, just</i>
H. <i>már</i>	adverb vs. MP	<i>already, yet</i>
R. <i>уже</i>	adverb vs. MP	<i>already, yet</i>
H. <i>még</i>	adverb vs. MP	<i>yet, still</i>
R. <i>еще</i>	adverb vs. MP	<i>yet, still</i>

The eight lexemes above appear to be suitable for a functional-semantic analysis not only because among the thirty or so Hungarian modal particles and approximately as many Russian ones these four pairs dispose a high degree of adherence but also because they all belong to (at least) two word categories equally shared by both the Hungarian and the Russian lexemes. It would carry us far beyond the scope of this writing to discuss the details of the etymological relationship between the two types of application. Instead, these pairs will be labelled "homonyms" and their analysis will proceed from a consideration of the conjunction, the quantifier, or the adverb the corresponding modal partical (MP) stems from. The procedures to be used for the differentiation of meaning will include modifications and/or paraphrases of the sentences with a view to obtaining empirical evidence for the difference between the homonyms.

2.1. The Hungarian *is* as a conjunction differs from its Russian counterpart, *и*, in that the latter is also used in the sense 'és' ('and'), cf.:

(4) (a) Анна *и* Ева подруги.

(b) Anna és Éva barátnök.

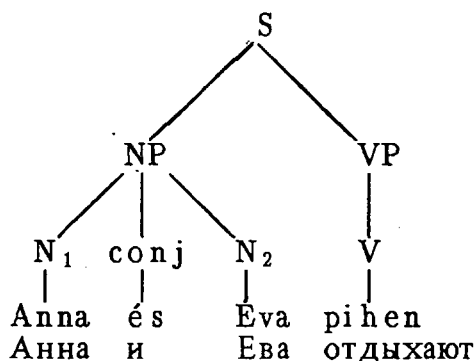
(Ann and Eve are friends.)⁵

It should be added that *is* and *és* are etymologically connected to each other⁶ thus showing a close resemblance to the two applications of the conjunction *и* in Russian. The correlation between *és* and *is* or between *и*₁ ('and') and *и*₂ is illustrated below:

(5) (a) Anna és Éva pihen.

(b) Анна и Ева отдыхают.

(Ann and Eve are having a rest.)



*N*₁ and *N*₂ thus coordinated, we have, in effect, a representation of ((*N*₁+*N*₂)+*V*)=*S*. The introduction of *is* into (5)(a) and *и*₂ into (5)(b) results in the following modification:

(5) (a') Éva is pihen.

(b') И Ева отдыхает.

(Eve is also having a rest.)

⁵ Here and in the subsequent part of this article, the English translation of Russian and/or Hungarian examples is provided in brackets.

⁶ For details see К. Фабриц. К вопросу о союзности частиц. — Dissertationes Slavicae. Sectio Linguistica, XVI. Szeged, 1984, pp. 63–74.

(5)(a') and (5)(b') refer to doubling the (previously) given state of affairs as being valid or relevant from the point of view of another element of the same syntactic or syntactic-semantic type. Thus it appears to be the case that the insertion of *is* in (5)(a') and of *и*₂ in (5)(b') results in an operation of addition.

The Hungarian and the Russian conjunction at hand differ from each other in the position they take with relation to the word they are attached to: *is* is postpositive while *и*₂ is prepositive.

Addition as the function of these two conjunctions is different from coordination in at least two ways. On the one hand, addition takes place only when a kind of equivalence is present. In other words, adding one sentence element to some previous element presupposes addibility maintained by some feature of identity. The same does not hold for coordination with *és/и*₁, where a given set of elements to be coordinated may well appear as one following the other, one envoking the other etc. On the other hand, addition can, more characteristically in Hungarian, serve as a means of linguistic economy, since naming the sentence element to be added along with the sign of addition is sufficient for successful communication. In this case *тоже* is more frequently met in Russian. Cf.:

(6) (a) – Kérek még kenyeret.

– Én *is*.

(b) – Я хочу еще хлеба.

– Я *тоже*.

(– I want some more bread.

– So do I.)

Addition based on some feature of identity (which we take to be the core meaning of these conjunctions) can be divided into two basic types. One type implies addition on the constituent level. It means that addition is achieved by relating one constituent to some previous constituent of the same syntactic type, cf.:

(7) (a) Almát *is* kérek.

(b) Я хочу *и* яблоко.

(I want an apple as well.)

Constituent addition does not, as a rule, involve the predicate. The

reason for this lies in the fact that it is the predicate that embodies through its meaning the feature of identity.

The other type of addition which I will name "message addition" occurs in cases where two (or more) sentences appear to be identical from one specific point of view. Cf., e.g. (7) above for constituent addition where it is the object of the sentence that is added, and (8) for message addition:

(8) (a) Esik az eső. A szél is fúj.

(b) Идет дождь. И ветер дует.

(It's raining. And the wind is blowing, too.)

The feature of identity in (8) can be grasped, though grossly inelegantly, by a paraphrase like "When we say it's raining we usually mean we are having nasty weather. Saying that the wind is blowing can also imply the idea of the weather being nasty".

What is of crucial importance here is that *is* and *и* are capable of adding one utterance to another on the basis of their semantic adherence.

Thus, it can be concluded that constituent addition involves the addition of two constituents with one other constituent (or more) being "doubled" while message addition is basically a semantic operation. To put it shortly, constituent addition rests on a specific identity of two elements of the sentences while message addition results from an evaluation of the sentence content.

2.2. *Is* and *и* can be readily recognized as particles in a number of instances by one formal criterion: when these words are attached to the predicate, they appear as modal particles:

(9) (a) – Mondtam, hogy vigyázz magadra!

– Vigyáztam *is*.

(b) – Я сказал тебе быть очень осторожным!

– А я *и* был осторожным.

(– I told you to take care of yourself!

– I did take care of myself.)

Why do we classify *is* and *и* in (9) as particles? A symptomatic feature is their affinity to the predicate. Pointing, as they do, to the predicate, these modal particles "are raised" to sentence level in the

sense that they modify through the predicate the whole sentence. The meaning they lend to the overall meaning of the utterance is 'accordance' between some presupposed action (order, to be more precise) and its execution. Paraphrasing (9) with a view to the extra message conveyed by the particle would give something like "You told me to take care of myself. I took care of myself and I did so in accordance with (in obedience to) your wish".

The other feature setting these modal particles apart from their homonyms is a shift from the balance maintained by the above parallelism between equally ranked constituents or messages. This shift of balance results from the fact that *is* and *и* (to be marked later on as μ_3) are used in (9) in a pseudo-additive function. While as conjunctions these words serve as specific signs of addition, the particles *is* and μ_3 do not "add" one item to another on the basis of their underlying identity but rather they appear to form a link between two utterances where the second one is evaluated as correlating with the previous one by virtue of its being a consequence arising from the obedience to the wish to be fulfilled.

One might argue that *is* or μ_3 in (9) are but a modification of the conjunctions and they could be handled as "pragmatic conjunctions". Certainly, a parallelism resembling conjunction usage is maintained by the repetition of the corresponding verb. It is easy, however, to see that this repetition is not a necessary condition for there to be a particle. The simple operation of moving *is* or *и* over to the predicate results in the expression of 'accordance' to be established by the speaker and the hearer.

(10) (a) Süt a nap. A madarak is dalolnak.

(b) Светит солнце. И птицы поют.

(The sun is shining. The birds are singing, too.)

(10') (a') Süt a nap. Dalolnak is a madarak.

(b') Светит солнце. Птицы и поют.

(The sun is shining. So the birds are singing.)

The difference between (10) and (10') can be paraphrased as follows: (10) "If I say the sun is shining I mean it is wonderful and if I add that the birds are singing it is because I guess it is wonderful, too"; (10') "If I say the sun is shining it means it is wonderful and so the birds are singing". Though the formulation is rather awkward (especially in English which lacks a corresponding modal particle), it

is perhaps sufficient for making a transparent distinction between addition and pseudo-addition, or between identity and accordance.

While in Russian the occurrence of *и* before a predicate (but not between two predicates) signals the modal particle μ_3 , it is a specific feature of Hungarian that when *is* as a particle is to be inserted in a sentence containing a prefixed verb as its predicate, *is* is positioned between the verbal prefix and the verb:

(11) Anna ragyogóan beszél angolul. Pétert *fel is vették* az egyetemre.

(Ann's English is excellent. (Thus) Peter has been admitted to university.)

This fact is of importance not only as a rule for recognizing the particle in such constructions. A prefixed verb in Hungarian can be split up for several reasons such as negation, focusing, etc.⁷ However, separating the prefix from the verb involves a change in their order as well:

(12) Bejött valaki? (Did anyone come in?)

(13) Ki jött be? (Who came in?)

The particle *is* does not take the place after a prefixed verb (this position is reserved for the concessive *is* conjunction), but it gets built into the predicate while preserving the original prefix + verb order. Once again, this phenomenon could be attributed to the "rise" of the particle to sentence (or predication) level.

The modal particles *is* and μ_3 may appear together with other constituents of the sentence, too. In this case they adhere to constituents that are not readily attached to some previous constituent. Here belong, e.g., the appearance of these words with words of negation or the application of the particle *is* after a question word:

(14) (a) Nem *is* tudtam, hogy megjöttél.

⁷ For details see K. É. Kiss. A magyar szintaxis egy transzformációs-generatív megközelítése. A transformational-generative approach to Hungarian.) Unpubl. Ph.D. diss. Debrecen, 1978.

(b) А я и не знал, что ты приехал.

(I didn't know you had arrived.)

(15) Ki *is* fedezte fel Amerikát?

(Who (do you say) discovered America?)

The basic meaning of 'accordance' of the particles is still felt in utterances like (14) and (15). The subjectivity expressed by these particles in (14)(a) and (14)(b) could be made explicit by a paraphrase like "I did not know you had arrived and my ignorance is in accordance with the degree of incredibility of the state of affairs".

The role *is* plays in (15) resembles to some extent the English *did you say/do you say* expression inserted in a *wh*-question, cf.:

(16) Merre *is* van a bejárat?

Where *do you say* the entrance is?

Undoubtedly, *is* is used here as a kind of pseudo-conjunction whose linguistic task is to signal the speaker's intent to connect the question to something implied in the act of communication. This something could be captured as some extra information about the speaker's intention to get a quick answer, an answer which he himself might know but is unable to recall at the moment.

The Hungarian *is* is also typical in quantitative constructions like:

(17) Háromszor *is* becsapta. (He fooled him three times.)

Here *is* could be roughly compared to the *as many as* construction in English. (17) could be paraphrased as "He fooled him and he did that three times which is much", or, to bring the paraphrase closer to the meaning of accordance, "Fooling someone three times is in accordance with my evaluation of this action as, so to say, quantitatively excessive".

2.3. To sum up, the lexemes *is* and *и* used as additive conjunctions are characterised by a balance maintained by a parallel of equally ranked syntactic or semantic components. The feature of identity necessary for addition is carried either by the predicate or the content of the message.

Using *is* or *и* in a place where their homonymous conjunctions never (or seldom) appear turns them into modal particles whose core

meaning is 'accordance' that is stated by the speaker between a given state of affairs and his own relation to it.

It should be noted that the occurrence of particles does not require that there be some previous fragment to which some other fragment could be linked.

3.0. If we turn to the question of homonymy of the lexemes *már, még, csak*, and *уже, еще, только*, their assignment to any of the existing word-classes is hampered by the complexity of syntactic and semantic features characteristic of more than one (or two) part of speech. Their heterogeneity is reflected by the difference between labelling them, e.g. in the Hungarian literature, as adverbs (of measure and degree) or as particles (mostly in slavistics: cf. частицы). The role they play in a sentence may be considered adverbial in the sense that these words are basically used for qualifying an action from the point of view of its actual phase (*már, még, уже, еще*) or restrictedness (*csak, только*). These words can thus be grouped into two subsets so as to treat them separately.

3.1. When we assign *már, még, уже, еще* to the category of adverbs, in so doing we refer to the observation that the given words and their negated versions are used to picture an action as being carried out in one of the four phases:

még nem/еще нет már/уже még/еще már nem/уже не

Although a thorough investigation of the above quadrade would take us far from the problem of homonymy, one brief remark should nevertheless be added.

The "adverbiality" of these words is different from that of words like *tegnap, вчера* ('yesterday') or, say, *gyorsan, быстро* ('quickly') in that unlike adverbs relating the action involved to some objective feature of time, velocity, etc., *már, még* and *уже, еще* characterize an action on its own from the point of view of its development.

Thus, depicting an action as something that has not yet started or that has already started, etc. brings in the notion of **anticipation** which is closely related to both subjectivity in general, and evaluation, in particular.

This is, however, not to say that these words belong to the class of particles in sentences (18) and (19).

(18) (a) *Már kész vagy?*

(b) Ты уже готов?

(You are ready (already)?)

(19) (a) *Még* nem tud korcsolyázni.

(b) Он еще не умеет кататься на коньках.

(He cannot skate yet.)

Clearly, these words are used here as pointers relating an action or state of affairs to a specific stage of its development. If we want to specify the information conveyed by the words italicized above, we can supply the sentences with paraphrases. Thus, we could add to (20) the following paraphrase:

(20) (a) A gyerek *már* jár.

(b) Ребенок уже ходит.

(The baby can already walk.)

(20') (a) A gyerek jár, és ez korábban nem így volt.

(b) Ребенок ходит, а раньше это было не так.

(The baby can walk, and this was not the case before.)

Example (20') suggests that *már* and *уже* are used here to underlie an alteration in the state of affairs. 'Alteration' as the core meaning of these words can be supplemented by an additional feature to an evaluation of the action as happening early or unexpectedly. Cf.:

(21) (a) *Már* megérkezettél?

(b) Ты уже приехал?

(You are here already?)

It is interesting to note that alteration combined with evaluation may be expressed by *already* in English, cf.:

(22) (a) Have you been to the USA yet?

(b) Have you *already* been to the USA?

As for the adverbs *még* and *еще*, they are basically used to express 'maintenance' of the (previously begun) state of affairs. E.g.:

(23) (a) *Peti még olvas.*

(b) Петя *еще* читает.

(Pete is still reading.)

'Alteration' and 'maintenance' can be considered as antagonistic meanings, especially in sentences like the following:

(24) (a) *János már öreg. — János még nem öreg.*

(b) Иван *уже* старый. — Иван *еще не* старый.

(John is already old. — John is not old yet.)

It can also be recognized, however, that antonymy shows itself only when coupled with negation (*már — még nem; még — már nem* etc.). This suggests that antagonism is not inherent in the opposition *már — még* or *уже — еще*. It is apparent in cases where these words are attached to some adverb of time. Then the assignment of an action to some point or period of time by that adverb makes it possible for *már, még, уже, еще* to become additives evaluating this assignment. Surprisingly, the given words appear to be synonymous in sentences with an "objective" adverb of time, e.g.:

(25) (a) *Már/még az idén felépítik a házukat.*

(b) *Уже/еще в этом году они построят свой дом.*

(They will build their house this year.)

The evaluation of the action across the adverb of time involves a reference to some boundary of the time span (*this year*). This phenomenon has been interpreted as a shift from an adverb to a particle on the grounds that, on the one hand, evaluation is *ab ovo* modal, and, on the other hand, the given words manifest their "adverbiality" less transparently.⁸

⁸ See И.А. Киселев. О лексико-грамматической сущности слова ЕЩЕ. — В кн.: Словарные составы русского и белорусского языков в их историческом развитии и современном состоянии. Сборник научных трудов. Минск, 1980, с. 52–57; И.А. Киселев. Значение и употребление слова уже (уж) в русском языке и соотносительно слова уже в белорусском языке. — В кн.: Русский язык. Межведомственный сборник. Минск, 1981, с. 50–56.

This interpretation is, however, motivated by common attitude towards modal particles: they are but left-overs of other parts of speech with a rather vague meaning and linguistic role.

I suppose the italicised words in (25) are all adverbs because their basic meaning and function is retained. That is, *már az idén* means the alteration will take place until the end of the year, *még az idén* means the maintenance of the year running during which the action will be carried out, and the same is true for the constructions *уже/еще в этом году*. Evaluation can in English be formulated as "as early as", but this is not to say it has much to do with an adverb-to-particle transposition. It follows that *már* and *még* and their Russian equivalents in (25) retain the function of positioning the items they refer to in one of the blocks the quadrade on page 93 consists of. Synonymy, in much the same way as antonymy above (24), is connected to a coincidence of the occasional similarity of constructions containing, in English, *as early as* and *still*.

When used on their own (i.e. without an "objective" adverb of time), these words cannot be applied in sentences posing a restriction on relating the action to one specific block of the quadrade, e.g.:

(26) (a) *Ő még megjött.

(b) *Он еще приехал.

(? He arrived yet.)

(27) (a) *Ő már megjön.

(b) *Он уже придет.

(? He will come already.)

It should be added that (26) and (27) could be made grammatically acceptable by, say, extending the sentences. In this case we would, however, have either an additive conjunction (*Ő még megjött, de a többiek elmaradtak.* — He still came, but the rest lagged behind.) mingled with some adverbiality, or a complex sentence (*Ő már megjön, mire a többiek hazaérnek.* — He will have arrived when the others get home.).

Már and *még*, or *уже* and *еще* can be considered as particles when they do not express alteration or maintenance, respectively, but are used to express subjective modal meanings. Their modal application is bound to places where they cannot be interpreted as expressions of alteration or maintenance. *Már* and *уже* as adverbs are confined to actions taking place in the present or in the past (cf. (27)).

When used in imperatives, which are references to some future action, these words turn into particles denoting a wide range of subjective modal meanings from annoyance to cajoling. The actual shade cannot be defined on the basis of sentences taken in themselves. Thus, the following sentence could be interpreted as a command, a request, an expression of arrogance and impatience, etc.:

(28) Hagyd *már* abba! (Quit it!)

Instead of alteration in (28) we have a change in meaning that can be determined as alteration to be fulfilled.

In Russian the adverb-to-particle shift is coupled with a phonetic change *уже* — *уж*, the latter standing for the particle (although it is also used as an adverb, but never the other way round).

Уж is also used in imperatives, e.g.:

(29) Иди *уж*! (Don't say it!/Go!)

A suitable position for the modal particles *még* and *еще* is provided by actions that happen in the future (thus excluding 'maintenance').

(30) (a) Ez *még* jól jöhet.

(b) Это *еще* может понадобиться.

(It might come handy).

(31) Ez *még* meghozhatja a fia szerencsáját.

(It might bring good luck to his son.)

Modality involves in (30)–(31) an expression of hope that is related to the anticipation mentioned in connection with (18)–(19).

The transposition of *már*, *még* and *уже*, *еще* does leave a trace behind from the homonymous adverbs. The operation that is carried out is aimed at preserving a certain amount of 'maintenance' or 'alteration' so as to make possible a reference to some non-existent but wishful maintenance or alteration.

3.2. A similar change occurs in the transposition of *csak* and *только* from quantifiers to particles.

As quantifiers they are used to express restriction that is apparent from (32) below:

(32) (a) Ő csak tejet iszik.

(b) Он пьет *ТОЛЬКО* молоко.

(He drinks only milk.)

(32) can be interpreted as containing an action that is restricted with respect to its object. Restriction may concern other sentence elements as well. The idea of posing a restriction on some sentence element includes exclusion. Exclusion is explicit in a modification of (32):

(32') He drinks only milk *and nothing else*.

It is exclusion that prevails when these words are used as particles. The exclusion expressed by the corresponding particles, however, differs from the above phenomenon. Whereas in (32) exclusion refers to a logical deduction following from restriction, when *csak* and *ТОЛЬКО* appear as particles, exclusion becomes a prominent feature. This is due to the fact that these modal particles are connected to the predicate and they serve to underlie its exclusive importance. Thus it appears that *csak* and *ТОЛЬКО* as particles turn restriction into its opposite:

(33) (a) Gondolja csak el, mit jelent ez!

(b) Подумать *ТОЛЬКО*, что это значит!

(Just think of what that means!)

The opposite sense words acquire can be formulated as an indirect restriction of all other possible implications. To make this point a bit clearer, consider (34):

(34) (a) Nem jó ez így, asszonyom, csak emészti magát.

(b) Нехорошо, барыня... Губите вы себя *ТОЛЬКО*.

(You cannot carry on like this, madam. You are destroying (killing) yourself.)

The correlation between restriction and exclusion in (34) is the opposite of (32) in the sense that in the latter the action is restricted to one object (*milk*) and all other possible objects are thus excluded.

In (34), on the contrary, the exclusiveness of the action is expressed while a restriction on other possible action can be deduced.

The confines of this paper do not permit a thorough discussion of the possible uses of homonyms.⁹ Nevertheless, even this quick glance at these four Hungarian and four Russian lexemes makes it possible to state some specific features of modal particles.

4.0. It is a prerequisite for there to be a particle that it be "raised" to sentence level. We could argue that subjective modality expressed by lexical means, particularly by modal particles, can be captured only on sentence level where both predicativity and modality become relevant. When a conjunction, an adverb or a quantifier undergoes transposition, some of its semantic and functional features are retained whereas others disappear or get modified. This fact accounts for the difficulty of recognizing a particle: the linguist feels that word at hand is not the same as it was in the other case, but he also feels a connection between the two applications.

(a) A conjunction becomes a modal particle when it gets rid of the task of coordinating two components. (b) An adverb ceases to be an adverb when it does not relate some action to some of its phase and comes to convey emotional-intellectual features. (c) A quantifier turns into a modal particle when it no more poses a restriction on the word it is attached to but rather it is used for emphasizing its importance.

Modal particles form a subclass which stands on its own in the sense that these words dispose functional and semantic properties that provide for a cohesion. For example, a particle may be a synonym to another one the etymons of which hardly show any functional-semantic resemblance. Thus, *már* and *csak* as modal particles can be used in imperatives for the expression of various subjective attitudes. Here they are rather close to each other, at any rate much closer than their etymons:

(35) Gyere *már*! (Come on now!)

Gyere *csak*! (You can come.)

Research into subjectivity expressed by modal particles is urgent not only because a better understanding of subjective modality

⁹ For a more detailed investigation see K. Fábri. *Partikulák a magyar és az orosz nyelvben.* (Particles in Hungarian and Russian.) Unpubl. Ph.D. diss. Szeged, 1986.

would perhaps result in more formal definitions than the tentative ones above, but also because it would reveal important features of the process during which a set of words become modal.

УСТНЫЙ ПЕРЕВОД КАК СРЕДСТВО ИНТЕНСИФИКАЦИИ РАБОТЫ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РАЗГОВОРНОЙ ПРАКТИКЕ

К. Куглер

Устный перевод на занятиях лишь один из многочисленных методов повышения эффективности аудиторной работы. Включение в работу переводческих упражнений должно происходить всегда очень продуманно, целенаправленно.

На переводческих отделениях на занятиях по устному переводу отрабатываются специфические навыки, нужные для последовательного или для синхронного перевода. Развитие этих навыков для филологов — будущих преподавателей должно представлять второстепенную, подчиненную другим учебным целям задачу. Какие именно навыки вырабатываются у переводчиков и какие тренировочные упражнения, применяемые при подготовке переводчиков, могут оказаться полезными на наших занятиях?

1. С первого занятия разными способами развивается **языковая память**. Языковая память очень важное "орудие труда" при последовательном переводе. Ее развитие бесполезно и для филолога, который иногда должен выполнять роль гида, сопровождающего делегацию и т.п.

2. **Навыки аудирования** обычно начинают вырабатывать на первых уроках при обучении любому иностранному языку. У переводчика навыки аудитивной рецепции должны развиваться до максимума и восприятие сложнейших текстов должно сопровождаться умением извлекать из них самые существенные моменты в информативном плане, а также умением запоминать эти моменты и адекватно их воспроизводить на другом языке. Развитие этих навыков и умений — хотя бы до среднего уровня — немаловажная задача для наших филологов.

3. При подготовке переводчиков особое внимание уделяется развитию **навыков быстрого переключения** с одного языка на другой, что предполагает знание эквивалентов в двух языках, а в случае отсутствия точных эквивалентов — умение применять разные специфические приемы перевода. Нашим студентам также полезно познакомиться на практике с проблемами эквивалентности и с разными приемами перевода в случае ее отсутствия.

4. Будущие переводчики знакомятся и с разными способами записи. Нам кажется ненужным заниматься для наших целей развитием **навыков записи**, ведь студенты в этом "упражняются" с пер-

вых университетских лекций.

5. Развитие ораторских способностей является важной задачей при подготовке переводчиков. К сожалению, при подготовке преподавателей этому не уделяется никакого внимания.

6. Специальные упражнения служат развитию умения распределять внимание. Главным образом, переводчики-синхронисты должны уметь слушать чужую речь, одновременно переводить ее и при этом, например, читать текст выступления следующего докладчика и т.п.

7. Особой задачей является для переводчика синхронизация переводческих операций, то есть одновременное воспроизведение звучащей речи на другом языке. С этой задачей сталкивается главным образом переводчик-синхронист, однако преподаватель тоже может оказаться в такой ситуации, когда понадобится умение синхронно переводить.

8. Необходимо уделять особое внимание развитию интуиции, что в отношении перевода означает умение вжиться в речь иностранного партнера, в ход его мыслей, в его стиль, предугадать возможные реакции собеседников, может быть публики, прогнозировать даже продолжение фразы. (Последнее особенно важно для синхронного переводчика.) Нам кажется ненужным доказывать, насколько важно было бы развивать интуицию и у будущих преподавателей.

Прежде чем ответить на вопрос, какие специфические тренировочные упражнения понадобятся нам в работе с филологами и в какой форме, необходимо определить, какие виды устного перевода будут применяться на наших занятиях и с какой целью.

Одним из видов перевода является синхронный перевод. Нам кажется ненужным специально вырабатывать навыки синхронного перевода у будущих преподавателей. Несмотря на это мы считаем целесообразным хотя бы раз в семестр заниматься в кабинетах синхронным переводом исключительно в ознакомительном плане. Если у кого-нибудь обнаруживаются способности к этому виду перевода, то в дальнейшем он может им заниматься индивидуально с помощью преподавателя или в рамках спецкурса по устному переводу. Синхронный перевод может применяться и в аудитории, когда группа разбивается на пары и студенты синхронно переводят магнитофонную запись или речь преподавателя друг для друга. Такой вид работы сначала кажется студентам просто забавным, потом они с увлечением занимаются такой работой.

Важнее для будущего преподавателя русского языка навыки последовательного перевода. Во время работы гидом, сопровожде-

ния делегации или перевода речи иностранного гостя мы "упражняемся" в какой-либо разновидности последовательного перевода. В этом плане целесообразным представляется развитие некоторых навыков последовательного перевода и у филологов.

Перевод с листа тоже часто необходим будущему преподавателю в работе. Иногда, например, по просьбе советского гостя необходимо без подготовки перевести какую-либо статью из венгерской газеты на русский язык, т.е. трансформировать письменную речь в устную без какой-либо временной задержки.

Посмотрим в каких ситуациях, с какой методической целью, в какой форме мы используем устный перевод на наших занятиях.

1. Перевод с листа необходим для введения новой лексики по определенной теме. Например, когда на четвертом курсе мы приступаем к изучению темы "Экономическая жизнь в Венгрии", студенты получают статью из какой-либо русской газеты и переводят ее безо всякой подготовки на венгерский язык. Помимо выполнения основной методической задачи, одновременно проверяется умение студентов воспринимать чужую речь, а также умение переключаться с иностранного языка на родной.

2. Односторонним последовательным переводом стоит заниматься в начале занятий. Подача публицистического материала происходит с помощью магнитофона. Студенты слушают запись последних новостей по радио, потом переводят ее. Если данный материал содержит много важных лексических элементов, то сначала повторяют его на русском языке и только потом переводят его на венгерский язык. В ходе такой работы у студентов развиваются навыки аудирования, тренируется память, помимо этого они учатся извлекать из массы сведений самые существенные моменты. Анализ новых лексических единиц и их закрепление следует потом.

3. Упрощенной формой предыдущего типа является пофразовый перевод. Он применяется или для закрепления новых слов, выражений, или же для контроля усвоения нового материала. Перевод по фразам осуществляется, главным образом, с венгерского на русский язык, обычно на основе текста, специально составленного преподавателем. Такая форма работы чрезвычайно убыстряет ход занятий.

Целесообразно применять пофразовый перевод и в том случае, если мы хотим обратить внимание студентов на возможные приемы перевода, т.е. на такие операции, к которым мы прибегаем в затруднительных ситуациях. Знание этих приемов может оказаться полезным и при письменном переводе. Преподаватель должен подобрать такой текст, который содержит элементы, не имеющие

эквивалента в другом языке, например, фразеологизмы, названия учреждений, реалии жизни какой-либо нации или просто трудные для студентов слова, словосочетания. На занятиях отрабатываются такие приемы перевода, как генерализация, конкретизация, определяется сущность описательного перевода и рассматриваются случаи, когда необходимо прибегать к синонимическому или антонимическому переводу.¹ При этих трансформациях мы стараемся достигнуть минимальной смысловой потери. В наши задачи уже не входит ознакомление студентов с такими специфическими формами трансформации переводимого текста, которые приводят к логико-смысловому преобразованию текста, например, в случае применения компрессии или компенсации.² Применяемые на наших занятиях формы трансформации, главным образом, относятся к лексическому и стилистическому уровням текста. Отработка этих трансформаций должна проходить быстро, динамично. После нескольких упражнений студенты обычно бывают способны осознанно применять предложенные приемы перевода.

4. Двухсторонним последовательным переводом стоит заниматься на старших курсах. Так, на четвертом курсе обсуждаются и такие дискуссионные темы, как "Актуальные социальные проблемы в Венгрии", "Недостатки отечественного туризма" и пр. Завершением изучения какой-либо темы является проведение "беседы за круглым столом". Это означает, что на "беседу" приглашаются "специалисты", т.е. студенты, подготовившие реферат по частным вопросам изучаемой темы, и другая половина группы, "бригада переводчиков" переводит рефераты на "рабочий язык" дискуссии.

Хотелось бы назвать и ряд таких специфических упражнений, которые содержат элементы перевода, однако имеют и игровой характер и могут применяться довольно широко. Можно рекомендовать, например, упражнение "Лавина", которое предназначено по существу для развития памяти. Оно может иметь две формы, соответствующие разным задачам:

1. Преподаватель составляет "марафонское" предложение, которое зачитывается по частям. Студенты по порядку делают

¹ См. подробное описание основных способов и приемов перевода в книге: Р.К. Миньяр-Белоручев. Общая теория перевода и устный перевод. Глава 8. М., 1980.

² Описание этих типов трансформации можно найти в книге: V.M. Netschajeva, H. Hipp. Übungsbuch zur Übersetzung. Russisch-Deutsch. М., 1985. с. 18.

перевод. Каждый студент, повторив переведенные уже части, дополняет их переводом новой части. Целью такой работы может быть повторение и закрепление сложных союзов, книжных оборотов или же запоминание новой лексики.

2. Преподаватель выписывает из энциклопедии статью. Например, если обсуждается тема "Киноискусство", можно предложить статью об известном кинорежиссере. Студенты переводят текст фраза за фразой, повторяя прозвучавшие части. Справившись с этой задачей, студенты имеют возможность запомнить важнейшие моменты жизни и творчества, напр., Эйзенштейна, и незаметно для себя они усваивают необходимую, на наш взгляд, лексику.

Возможна вариация последнего упражнения, когда студенты получают дополнительное задание: они должны осуществить стилистическую переработку текста. Например, им надо передать зачитанное сообщение в разговорном стиле. (Как принято у нас говорить, "для бабушки".)

В начале занятий обычно с целью речевой "разминки" комбинируются разные формы устного перевода, они дополняются элементами соревнования. Например, преподаватель перечисляет ряд слов (10–15), подобранных по определенному принципу, и студенты, соревнуясь друг с другом, стараются как можно точнее повторить перечисленные слова то на родном, то на иностранном языке. В ходе такой работы тренируется память, невольно запоминаются важные слова, выражения. Иной раз преподаватель задает "разминочные вопросы", самый усталый или сонный студент "отдыхает", т.е. отвечает на них по-венгерски, а другие переводят его ответ. Эти методы и упражнения можно варьировать до бесконечности.

Применение перечисленных и им подобных методов устного перевода может принести пользу в следующем плане:

I. Лексический запас студентов становится более прочным, употребление слов и выражений более осознанным.

II. У студентов вырабатываются элементарные навыки устного перевода, необходимые во внеаудиторных условиях. Порой пробуждается и интерес к дальнейшему самостоятельному развитию этих навыков.

III. Убыстряется контроль пройденного учебного материала.

IV. Развивается "речевая интуиция", языковая фантазия студентов.

V. Занятия становятся методически более разнообразными, в целом, можно сказать, более эффективными.

Во всех случаях самое важное для преподавателя: соблюдать меру и постоянно думать о необходимости органической связи этих видов работы с общим учебным процессом.

ПЕТР ЧЕРНОРИЗЕЦ В ДРЕВНЕБОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Р. Павлова

Давно известно, что начатое Константином-Кириллом и Мефодием большое культурно-историческое дело развилось, расширилось и обогатилось в Болгарии, где оно нашло всяческую поддержку со стороны политической и духовной власти. Не раз подчеркивался тот изумительный по своему объему и охвату культурный расцвет, который был осуществлен в Средневековой Болгарии при Борисе, Симеоне, Петре. В Болгарии была создана богатая переводная и оригинальная письменность, которая потом распространилась и в других странах. В эту письменность следовало бы включить и творчество Петра Черноризца.

Имя Петра Черноризца входит в славистическую науку около 80 лет тому назад, но и до сих пор этот автор не изучен удовлетворительно. В славянской письменности он известен несколькими своими учительными словами. Они написаны живо и увлекательно, имеют подчеркнуто нравственно-назидательный облик и характер горячей проповеди.

Имя и творчество Петра Черноризца ставят ряд вопросов, которые в рамках определенного места, естественно, не могут быть более полно комментированы. Поэтому я бы ограничилась некоторыми краткими соображениями, связанными с авторством и происхождением этих слов.

До сих пор в славистической науке высказаны следующие мнения по этим вопросам:

1. Слово о постѣ и о молитвѣ о црѣковнѣхъ чинѣхъ и уставѣхъ имеет славянское происхождение и написано, может быть, Петром Русским.

2. Слово о богатѣхъ и ѹбогихъ, Слово о временнѣхъ житиѣхъ и первая половина Слова о сѹпротивиѣхъ всацѣмъ написаны Петром Дамаскиным, а вторая половина Слова о сѹпротивиѣхъ написана славянским автором.

3. Слово о спасениѣ дѹшевнѣхъ, может быть, принадлежит Клименту Охридскому.

4. Все указанные до сих пор Слова и еще Слово о житиѣхъ семь, как впервые показал акад. Соболевский, — древнеболгарские и их автор — болгарский царь Петр I¹.

¹ Царь Петр был сыном Симеона Великого. При нем продолжается

В это разнообразие мнений можно было внести некоторые дополнительные данные и уточнения.

Обзор существующей о "Слове о посте" научной литературы показывает, что славянский характер этого Слова определяется авторитетными учеными и что этот вопрос в общем не дискутируется. Более нерешенным является другой вопрос — какое происхождение имеет это сочинение — древнерусское или древнеболгарское. Е.В. Петухов, не делая литературного, текстологического, лингвистического анализа, задает вопрос — не является ли автором этого Слова Петр Русский?²

Можно было бы напомнить, что имя Петра Русского упоминается среди разрешенных для чтения авторов. Считается, что вероятно за именем этого автора скрывается имя русского митрополита Петра, получившего этот сан в 1308 г. Если это принять, то надо добавить, что Слово о постѣ нельзя связать с его именем, так как мы знаем список этого сочинения, более древнего — не менее чем на век — в Троицком сборнике № 12.³ Но есть и другие более серьезные аргументы против предложения Петухова. Тогда, когда Петухов писал об этом сочинении, оно было известно только в русских списках. Теперь мы располагаем и болгарским списком, который находится в Берлинском сборнике, хранящемся теперь в Западном Берлине.⁴ Слово осталось до сих пор неотмеченным в существующих описях и исследованиях, так как оно написано без заглавия. Сопоставление болгарского списка с русскими списками показывает, что они совпадают текстологически и относятся к одному и тому же оригиналу. Незначительные различия связаны с нормой правописания и с единичными случаями грамматических элементов, отражающих некоторые более поздние черты развития болгарского или русского языков. Кроме того, — и это очень важно, — анализ языковых данных русских списков указывает на то, что Слово о постѣ вошло в древнерусскую письменность из древне-

активный расцвет древней болгарской культуры.

² Е.В. Петухов. Поучение Петра о постѣ и молитвѣ. — Известия Отделения русского языка и словесности (ОРЯС). 1904, т. IX, кн. 4, с. 152.

³ Рукопись хранится в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина под шифром Ф 304 I № 12.

⁴ Рукопись хранится в National Bibliothek Preußischer Kultur Besitz под шифром MS slav Wuk 48.

болгарской письменности. Самый ранний русский список этого сочинения в Троицком сборнике № 12 конца XII в. не только сохранил грамматическую и лексическую древнеболгарскую языковую систему. Этот список даже показывает графическую систему, очень близкую восточно-болгарскому Енинскому апостолу и Супрасльской рукописи. Различия идут по линии большей архаичности Слова о постѣ в Тр. 12. Даже некоторые черты русской редакции (о формировании ее норм отличный труд написал И. Тот⁵), как например, отражение знаков юсов и их русских рефлексов, подсказывают, что текст первоначально был списан с древнеболгарского протографа и что в нем мена юсов не была представлена (доказательство древности текста).

По отношению к имени Петра Черноризца, автора проложных сочинений Слова о богатѣхъ и ѹбогихъ, Слова о временнѣхъ житии и первой части Слова о супротивии всацѣхъ, кроме мнения, что они славянские, существует еще мнение, что их автор — это византийский писатель Петр Дамаскин. По этому вопросу, однако, можно согласиться с Соболевским, который правильно объяснил, что смешение произошло, потому что в древних сборниках есть текст Петра Дамаскина и в заглавии этого текста автор назван Петром Черноризцем.⁶ Это Петра Черноризца Сказание от Златоустаго к нѣкимъ инокамъ. Начало: "Любите смѣреніе, еже паче всѣхъ вѣсть Христосъ смѣревши себе до смерти". Соболевский уточнил также, что сочинения Петра Дамаскина были переведены в Болгарии в XII—XIV вв. Поэтому, как пишет автор, "не может быть и речи о том, чтобы слова, принадлежащие Петру Черноризцу [...] которые известны в списках XII—XIII вв., могли принадлежать Петру Дамаскину. О разнице в языке мы уже не говорим".⁷

К аргументам Соболевского можно добавить и то, что в наше время произведения Петра Дамаскина хорошо исследованы и изданы. Сопоставление сочинений обоих авторов показывает, что они не совпадают.

Слово о спасении дѹшевнѣхъ известно в двух редакциях — краткой и обширной. Л. Стоянович на основании краткой редакции

⁵ И. Тот. Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI—начале XII вв. София, 1985.

⁶ А.И. Соболевский. Слова Петра Черноризца. — Известия ОРЯС Императорской Академии Наук. СПб., 1808, т. XIII, кн. 3.

⁷ Там же, с. 318—319.

высказал предложение, что Слово принадлежит Клименту Охридскому.⁸ Об этом же Слове Срезневский отмечает: "приписывается Клименту Словенскому или вообще славянину".⁹ Слово о душевнѣмъ спасении в его обширной редакции опубликовано во втором томе сочинений Климента Охридского¹⁰. Изучение списков этого сочинения показывает, однако, что в них нигде не указано имя Климента, как его автора. Наоборот, мы встречаем списки с именем автора и этот автор Петр Черноризец. Напр., в рукописном сборнике, хранящемся в Государственной Публичной библиотеке, находим:

Поучене ѿ спасении душевнѣ петра черноризца.

Эти уточнения, как и некоторые другие соображения, касающиеся содержания и языка произведений, приводят нас к заключению, что указанные учительные слова принадлежат одному автору — Петру Черноризцу, которого нельзя идентифицировать с Петром Русским, Петром Дамаскиным или Климентом Охридским.

Но если сочинения Петра Черноризца древнеболгарские, то к какой древнеболгарской письменности можно было бы их отнести — к переводной или оригинальной?

Мнение о славянском происхождении всех или отдельных слов Петра Черноризца высказали такие авторитетные исследователи как Соболевский, Яковлев, Пономарев, Петухов, Новакович, Срезневский, И. Иванов, Б. Ангелов и др. Это мнение базируется на широком знании византийской и славянской письменности, на анализе содержания Слов, которое можно связать с ранним периодом установления христианства в Болгарии — например, с X веком. Имеется в виду также простота изложения и сюжета, связь с другими древнеболгарскими писателями, славянская лексика Слов и т.д.

К этому можно добавить и другие аргументы:

1. Списки Слов Петра Черноризца встречаются в рукописных книгах с XII по XVIII в. Если бы эти произведения принадлежали византийской литературе, было бы нормально ожидать, что в славянских рукописях до XIV в. они употреблялись бы в одном пере-

⁸ Л. Стоянович. Новые Слова Климента Словенского. — Сб. ОРЯС. Т. 80. СПб., 1905, с. 105—107; Л. Стојановић. Каталог рукописа и старих штампаних книга. Београд, 1905, с. 336.

⁹ В.И. Срезневский. Описание рукописей и книг, собранных для Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913, с. 238.

¹⁰ Климент Охридски. Събрани съчинения. Том втори. София, 1977, с. 561—595.

воде, а после появления правленных переводов — в другом.

Продолжительная работа с указанными Словами, большое количество просмотренных болгарских, русских и сербских списков, сопоставление с текстами предевфимовского и послеевфимовского периода дает возможность заключить, что мы не можем говорить о предполагаемых двух разных переводах этих Слов. Многие рукописи с XIV—XV вв. и более поздние, в которых находим Слова Петра Черноризца, содержат и другие сочинения, отражающие тырновские книжно-языковые нормы и правленные переводы. Но если говорить о Словах Петра, то эти нормы ограничиваются только графикой и не касаются текста. Поэтому невозможно утверждать, что примерно до XIV в. был один перевод, а потом другой. Этот вывод относится ко всем Словам автора и дает информацию, что Слова не переводные, т.е. оригинальные.

2. Слова Петра Черноризца встречаются в определенных рукописях. Их находим в сборниках смешанного содержания, в Измарагде первой и второй редакций, в сентябрьской половине Пролога, в Четьих-минеях. Создается впечатление, что в содержании этих рукописей, кроме переводных текстов, обязательно присутствуют и оригинальные славянские сочинения. Так, в Троице-Сергиевском сборнике № 12 кроме Слова о постѣ находим еще сочинения Климента Охридского и другие сочинения, связанные с древнеболгарским периодом. То же самое можно сказать и о других сборниках. Известно также, что книга "Измарагд" была составлена на Руси первоначально, вероятно, в XIV в., но в ее состав вошли как русские оригинальные, так и древние болгарские сочинения.

Вообще, в рукописях, в которых есть Слова Петра Черноризца, всегда есть и другие оригинальные славянские тексты. Это наводит на мысль, что и творчество Петра Черноризца тоже может быть оригинальным, а не переводным.

3. Несмотря на разыскания до сих пор не найдены греко-византийские соответствия этих Слов. Это не исключает возможности, что в будущем можно было бы найти некоторые параллели. Но если даже и найти их, творчество Петра Черноризца заслуживает внимания. Без сомнения, его произведения принадлежали древнеболгарской литературе. Из нее они проникли в письменность других славян.

Петр Черноризец — это писатель, творчество которого надо изучать как часть древнеболгарского культурного наследия и продолжения кирилло-мефодиевских традиций в Болгарии.

ИЗУЧЕНИЕ И ИЗДАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЮРИЯ КРИЖАНИЧА В ОБЩЕСТВЕ ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХ ПРИ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (ОИДР) В 19 В.

В.В. Иштугин

В русской дореволюционной историографии самый полный обзор литературы о хорватском ученом, публицисте, церковном деятеле XVII в. Юрии Крижаниче (ок. 1618—1683) был сделан С.А. Белокуровым¹, а в советское время к этому вопросу дважды обращался А.Л. Гольдберг². Задачей данной работы является освещение некоторых фактов истории изучения творческого наследия ученого, его биографии, публикации его сочинений в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, т.к. именно этому Обществу принадлежит наибольшая заслуга в дореволюционной историографии. К большому сожалению хронологию событий придется ограничить рамками 1805—1867 годов и оставить за их пределами интересный архивный материал о деятельности А.А. Шахматова, С.А. Белокурова и других ученых на этом поприще, которая продолжалась вплоть до 1917 г.

Впервые российская наука узнала о Крижаниче благодаря Николаю Ивановичу Новикову (1744—1818), русскому просветителю, писателю, журналисту и издателю, который в 1772 г. в "Опыте исторического словаря о российских писателях" извещал о еще бесфамильном "сербяnine Юрье", сочинившим "приветственную речь на венчание на царство Феодора Алексеевича".³ В "Древней

¹ С.А. Белокуров. Юрий Крижанич в России. — Чтения в ОИДР (далее: ЧОИДР). 1903, кн. 2, разд. III, с. 8—52.

² А.Л. Гольдберг. Историческая наука о Юрии Крижаниче. — Ученые записки Ленинградского гос. университета. Л., 1949, вып. 117, с. 84—119; A.L. Goljdberg. Juraj Križanić u ruskoj historiografii. — Historijski zbornik. Zagreb, 1968, g. XIX—XX, 1966—1967, s. 129—140. Эта же статья с небольшим добавлением в конце была переведена на английский язык: A.L. Gol'dberg. Juraj Križanić in Russian historiography. — In: Juraj Križanić (1618—1683) — russophile and ecumenic visionary. A symp. The Hague—Paris, Mouton, 1976, pp. 51—69.

³ Н.И. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772, с. 202.

российской вивлиофике", наиболее известном своем издании материалов по русской истории, он несколько расширил информацию о нем, сообщая о его выезде из Тобольска "по царскому указу" в Москву 5 марта 1676 г.⁴

В начале прошлого века сведения о Крижаниче дополнил известный историк, археограф и библиограф Евфимий Алексеевич Болховитинов (митрополит Евгений) (1767–1837): в "Новом опыте исторического словаря о российских писателях" (1805 г.) он писал, что Юрий Белин — как ошибочно долгое время называли Крижанича — сочинил в Сибири в 1666 г. "Славянскую грамматику" и "Слово о святом крещении". При этом называлось и место хранения рукописей — Патриаршья библиотека в Москве.⁵ Именно это конкретное название работ хорватского ученого с указанием их места хранения, вероятно, и следует считать отправной точкой русского и советского крижаничеведения. С Обществом истории и древностей Е.А. Болховитинов был связан с первых лет основания Общества как соревнователь (1811 г.) и почетный член (1816 г.); он неоднократно присылал сюда книги, монеты, собственные издания, рукописи статей для публикации. В 1813 г. им был отправлен в ОИДР "на поправку и дополнение" свой "Словарь исторический о писателях российских и чужестранных в России водворившихся и для россиян что-нибудь писавших".⁶ О Крижаниче там сообщалось то же, что и в аналогичном "Словаре", изданном Болховитиновым в журнале "Друг просвещения".⁷ По различным причинам "Словарь", присланный в Общество, не был отпечатан, хотя частично были даже готовы корректурные листы.⁸

Честь открытия подлинного имени хорватского ученого принадлежит другому известному русскому историку, археографу, активному деятелю ОИДР Константину Федоровичу Калайдовичу (1792–1832). В одном из примечаний к своей книге "Иоанн экзарх болгарский", изданной в 1824 г., он приводит более подробные биографические данные о Крижаниче, сообщает еще об одной

⁴ Н.И. Новиков. Древняя российская вивлиофика. М., 1788, изд. 2, ч. III, с. 224.

⁵ Друг просвещения. М., 1805, № 8, с. 167.

⁶ Записки и труды ОИДР. М., 1824, ч. II, кн. I, с. 33.

⁷ Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина (далее: ОР ГБЛ), ф. 205, ед. 239 в, л. 41.

⁸ Записки и труды ОИДР. М., 1824, ч. II, кн. I, с. 78.

неизвестной ранее работе хорватского публициста, а именно о "Соловецкой челобитной", из которой стало известно и подлинное имя автора — "Юрий Крижанич".⁹ В этом же примечании Калайдович, вероятно, пользуясь указанием Болховитинова о месте хранения рукописи, делает фактически первый в русской науке анализ "Славянской грамматики" Крижанича, отмечая, что "сочинитель ... писавший более нежели за полтораста лет перед сим, встречается с такими мнениями, которые почтеннейшие филологи гг. Востоков и Болдырев предложили ученому свету в наше время".¹⁰ К этому непременно следует добавить, что работа над книгой о болгарском экзархе явилась для Калайдовича следствием поручения, данного ему Обществом еще в 1813 г. Он должен был собрать "остатки нашей истории и языка" для издания "Русских достопамятностей"¹¹, неперiodического издания ОИДР, три книжки которого вышли в 1815, 1844 и 1845 гг.

В первой четверти XIX в. в России было опубликовано одно сочинение Крижанича, однако издатель его Григорий Иванович Спасский (ум. в 1864 г.), известный исследователь истории Сибири, редактор журнала "Сибирский вестник", не знал еще автора публикуемой работы и потому выступил в свет "Повествование о Сибири, переведенное с латинской рукописи XVII столетия" без указания имени сочинителя.¹² Сам Г.И. Спасский позднее был избран в действительные члены ОИДР и опубликовал несколько своих материалов в его трудах.

* * *

В 1840-х годах к работе по изучению и изданию произведений Крижанича приступил один из первых русских профессиональных славистов Осип Максимович Бодянский (1808—1877), профессор Московского университета, почти четверть века проработавший секретарем ОИДР. Вернувшись в 1842 г. из заграничной командиров-

⁹ К.Ф. Калайдович. Иоанн экзарх болгарский. М., 1824.

¹⁰ К.Ф. Калайдович. Указ. раб., с. 122. Востоков Александр Христофорович (1781—1864) — выдающийся русский филолог, писатель и переводчик; Болдырев Алексей Васильевич (1780—1842) — филолог-ориенталист и русист, переводчик, педагог.

¹¹ К.Ф. Калайдович. Указ. раб., с. 17, 101.

¹² Сибирский вестник. СПб., 1822, ч. XVII, кн. 1—3; ч. XVIII, кн. 4.

ки по славянским землям, он чрезвычайно активно включился в работу Общества, членом которого стал еще в 1837 г. На одном из заседаний ОИДР 1843 г. он предложил запросить из Московской духовной типографии "Грамматику на сербском языке ... соч. священником католическим в 1665 г." и из Синодальной библиотеки рукопись "Соловецкой челобитной".¹³ Грамматика скоро была получена Обществом, а по поводу второй рукописи пришло отношение, предлагавшее Бодянскому "читать сию рукопись под наблюдением синодального ризничего в помещении Патриаршей библиотеки".¹⁴

Результатом работы О.М. Бодянского с рукописью крижаничевской "Грамматики" стала ее публикация на страницах журнала ОИДР "Чтения", который начал издаваться в 1846 г. и просуществовал с перерывом в 1849–1857 гг. вплоть до 1918 г. По независящим от Бодянского причинам издание "Грамматики" растянулось на добрый десяток лет,¹⁵ однако этот факт ни в коей мере не умаляет заслуг московского слависта в том, что именно ему принадлежит честь введения в научный оборот памятника, с которого фактически началось широкое научное изучение творческого наследия Крижанича. Напротив, то, что секретарь ОИДР даже через десять лет нашел возможным и необходимым завершить работу, начатую в 1848 г., свидетельствует об огромной ответственности Бодянского перед наукой, о целенаправленности его редакторско-издательской деятельности, и, главное, о том, что он по достоинству сумел оценить труд почти забытого ученого XVII в. А.Л. Гольдберг справедливо именно Бодянского называл первым издателем и биогра-

¹³ "Русский исторический сборник. М., 1843, т. 6, кн. III–IV, протоколы, с. 49–50.

¹⁴ Там же, с. 52–53, 55.

¹⁵ Граматично изказанје об руском језику, соч. попа Юрка Крижанича, презванием серблянина, писано в Сибири лита 7174. С предисловием О. Бодянского. — ЧОИДР, М., 1848, год 4, кн. I, разд. III; ЧОИДР, М., 1859, кн. 2. В связи с так называемым "делом Флетчера" — публикацией в "Чтениях" сочинения английского посла Д. Флетчера "О Московском государстве XVI в.", в котором негативно изображались некоторые черты русской жизни — председатель ОИДР граф С.Г. Строганов и секретарь О.М. Бодянский в 1848 г. были отстранены от руководства Обществом и смогли вернуться в него на прежние должности лишь в 1857 г. Подробнее об этом: С.А. Белокуров. Дело Флетчера. 1848–1864 гг. — ЧОИДР, 1910, кн. 3, с. 1–40.

фом Крижанича.¹⁶

В конце 1850-х годов изучением и изданием произведений хорватского ученого начал заниматься известный в будущем фольклорист, этнограф, историк литературы Петр Алексеевич Безсонов (1828—1898). В 1855—1857 гг. он опубликовал несколько работ во "Временнике", неперiodическом издании Общества, двадцать пять книг которого выходили вместо "Чтений" в 1849—1857 гг. Редактор этого издания Иван Дмитриевич Беляев (1810—1876), историк, профессор Московского университета, заменивший Бодянского на посту секретаря Общества в 1848—1857 гг., и рекомендовал Безсонова в действительные члены ОИДР.¹⁷ На декабрьском заседании Общества 1860 г. было принято решение о публикации двух безсоновских работ: "Материалы для жизнеописания К.Ф. Калайдовича" и "Три труда русского писателя XVII века Юрия Явканицы Крижанича, доселе неизвестные литературе".¹⁸ В состав последней работы входили подробные исследования: "1) о переписанной и изученной Юрием русской летописи; 2) о прочих его черновых работах исторических, по иностранным источникам и 3) о письме об освобождении".¹⁹ По планам Безсонова "Три труда" должны были стать второй частью задуманной им серии работ о Крижаниче, которую он открыл публикацией под названием "Русское государство в половине XVII в." в приложении к журналу "Русская беседа" (1859 г.), являвшейся, как стало известно позднее, фрагментами знаменитой в настоящее время "Политики", изданной Безсоновым почему-то без указания автора.

Летом 1861 г. началось печатание "Трех трудов" в ОИДР; в августе даже была сделана первая корректура, но затем все остановилось без продолжения. Согласно свидетельству Безсонова, поводом для этого явилась необходимость отливки новых специальных литер,²⁰ что вызывало удорожание издания. В августе 1861 г. секретарь Общества Бодянский послал Безсонову записку, в которой сообщал, что готов "отказаться даже от этого труда. Типография не может столько лить, приливать и т.п. Это не по силам и самому Обществу, которое за все особенное должно платить ей.

¹⁶ А.Л. Гольдберг. Указ. в сноске 2 раб., с. 85.

¹⁷ ОР ГБЛ, ф. 203, кн. 13, л. 108.

¹⁸ ЧОИДР, 1861, кн. I, протоколы, с. 16.

¹⁹ С.А. Белокуров. Указ. в сноске 1 раб., с. 18.

²⁰ Православное обозрение. М., 1870, № 2, с. 379.

Как знаете лучше, так и устройте".²¹ 11 сентября Безсонов направил секретарю и редактору "Чтений" раздраженное заявление: "Из того, что статья моя "О трех трудах Ю. Крижанича", представленная в Обществе истории и древностей российских, не была набираема в течение года, а при наборе встретила препятствия в отливке двух знаков (ж и з), о чем Вы почтили меня извещением 22 августа сего года, после которого остановилась и корректура, я имею право заключить, что Вам не угодно поместить ее в "Чтениях" Общества. Не желая в этом случае нисколько Вам препятствовать как деятельнейшему члену Общества и блюстителю его интересов, имею честь покорнейше просить вас возвратить мне статью". Бодянский подчеркнул карандашом выражение "в отливке двух знаков", поставил на полях в этом месте знаки — ?! — и вернул письмо с такой припиской: "Я Вам писал только о затруднениях, какие статья Ваша встретила со стороны Типографии при тех требованиях, которые Вы предъявили и ей в своем письме ко мне, отнюдь же ни о чем больше; Вы же выводите сами уже последствия из того. Да будет по Вашему с ответственностью за то хотя бы перед собою! Возвращаю требуемое".²²

Некоторые факты позволяют судить о том, что финансовые затруднения, о которых упоминал Бодянский в записке Безсонову, были в начале 1860-х гг. действительно серьезными для Общества. В письме к Михаилу Федоровичу Раевскому (1811–1884), священнику русской церкви при посольстве в Вене, общественному деятелю славянофильского направления, секретарь ОИДР писал 3 февраля 1868 г.: "Карман решительно пуст: едва-едва сводим концы с концами по печатанию, ставя каждый грош ребром".²³ Хотя это и не 1861 г., можно, однако, предположить, что получаемая с 1837 г. государственная субсидия в размере 1.428 руб. 50 коп. действительно стала мала для Общества, которое с 1858 г. наладило регулярный выпуск своих солидных по объему книг "Чтений" по четыре тома в год.

И все-таки вполне возможно, что финансовые затруднения были не единственным источником конфликта. В 1848 г., начиная публикацию крижаничевской "Грамматики", Бодянский отметил в предисловии, что хорватский исследователь "еще оставил после себя два огромных листовника, писанных собственною его рукою в

²¹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее: ОПИ ГИМ), ф. 56, ед. 471, л. 15.

²² Там же, лл. 20–21.

²³ ОПИ ГИМ, ф. 347, ед. 17, л. 94.

той же Сибири и с означением года и месяца; в этих листовниках содержатся чрезвычайно важные бумаги его, частью сочинения, а частью материалы на русском и сербо-хорватском языке, из коих одна имеет для нашей истории особенное значение, но обо всем этом в другое время и в другом месте".²⁴ Совершенно очевидно, что секретарь ОИДР не собирался надолго расставаться с работой над произведениями Крижанича и хорошо представлял, откуда брать продолжение. Непредвиденное обстоятельство — скандал из-за публикации в "Чтениях" записок Д. Флетчера о Московском государстве XVI в. — вынудили Бодянского оставить работу в ОИДР на без малого десятилетний срок. "Чтения" были возобновлены в 1858 г., а уже в следующем 1859 П.А. Безсонов, кстати, ученик Бодянского по Московскому университету, начал печатать в журнале "Русская беседа" будущую "Политику" Крижанича — "Русское государство в половине XVII в.". Безсоновская работа привлекла внимание критики. Среди рецензентов был и Александр Николаевич Пыпин (1833—1904), известный историк культуры, публицист, который в журнале "Современник" высказал свое отношение к труду Безсонова, и, процитировав приведенный выше фрагмент "о двух листовниках" из предисловия Бодянского к "Грамматике" Крижанича, счел нужным прокомментировать его следующей фразой: "Эти-то бумаги и были теперь открыты г. Безсоновым", причем слово *открыты* Пыпин выделил шрифтом.²⁵ Годом раньше рецензент "Московских ведомостей" С.К. Смирнов в статье о работе Безсонова сделал замечание, "что "Политика" указана была еще О.М. Бодянским в предисловии к Грамматике Юрия Крижанича".²⁶

В 1870 г., почти десять лет спустя после конфликта с Бодянским и статьи Пыпина, Безсонов в журнале "Православное обозрение" довольно подробно рассказал историю находок крижаничевых сочинений. Однако, несмотря на датированное изложение событий, на признание авторитета и заслуг своих предшественников — Калайдовича и Бодянского —, по чьим следам, по его собственным словам, он шел, остается совершенно непонятно, каким образом Безсонов только через десять месяцев работы с обнаруженными рукопи-

²⁴ ЧОИДР, М., 1848, год 4, кн. I, разд. III, с. XIX.

²⁵ Современник. СПб., 1860, № 8, с. 226. Статья без подписи, но А.Л. Гольдберг считал ее автором именно А.Н. Пыпина. См. сноску 2, работу на английском языке. А.Л. Гольдберг был одним из составителей библиографии о Крижаниче.

²⁶ С.А. Белокуров. Указ. в сноске 1 раб., с. 19.

сями Крижанича смог "сообразить" "о двух листовниках", виденных и "загаданных" Бодянским.²⁷ Может быть, можно предположить, что Безсонов сознательно не назвал автора материала, изданного под названием "Русское государство в половине XVII в."? Ведь в противном случае пришлось бы обязательно указывать, что автору принадлежит и "Грамматика", печатавшаяся, кстати сказать, в том же 1859 г., что и безсоновское "Русское государство...". Кроме того, удивляет тот факт, что Безсонов, будучи довольно деятельным, "публикуемым" членом ОИДР в период секретарства И.Д. Беляева, не предложил Бодянскому после 1858 г. "обнаруженных" им материалов для издания в "Чтениях", а направил их в печатный орган славянофилов "Русскую беседу". На мой взгляд, все это трудно объяснить одной "несообразительностью" тридцатилетнего исследователя. Думается, что Безсонов, прекрасно оценив научную значимость "листовников", "загаданных" Бодянским еще в 1840-х годах, решился на сознательное умолчание факта известности этих материалов и таким образом явочным порядком стал первооткрывателем самых ценных трудов хорватского ученого. Бодянскому же эта позиция бывшего своего студента безукоризненной не показалась, особенно после рецензии А.Н. Пыпина в "Современнике" в 1860 г., и авторско-издательский конфликт назрел. К окончательному разрыву с ОИДР он Безсонова, правда, не привел — в 1862 г. в "Чтениях" появилась его работа о К.Ф. Калайдовиче, а в 1866 г. он выступал на заседании Общества с рассказом о своей деятельности на посту председателя Виленской археографической комиссии, — но сама работа П.А. Безсонова "Три труда..." до сих пор остается неизвестной для исследователей.²⁸

В дальнейшем Бодянский еще дважды публиковал в "Чтениях" материалы о Крижаниче. В 1867 г. появился "Отчет о занятиях при столичных библиотеках и архивах в вакационное время" Николая Емельяновича Северного²⁹, в котором автор выражал мысль о невозможности появления в настоящее время "вполне научного и

²⁷ Православное обозрение. М., 1870, № 2, с. 353–354.

²⁸ Отданная П.А. Безсоновым после описанного инцидента И. Кукулевичу-Сакцинскому (1816–1889), хорватскому историку и литературоведу, работа в конце концов оказалась за границей у И.В. Ягича, но так и не увидела света. По информации, полученной несколько лет назад от академика Югославской АН В. Стипетича, труд Безсонова готовится к печати в СФРЮ.

²⁹ ЧОИДР, 1867, кн. 4, смесь, с. 123–154.

законченного исследования о жизни и личности Крижанича"; однако сам Н.Е. Северный собирался в качестве приложения к "Отчету" напечатать и свое сочинение о нем.³⁰ В 1876 г. Пантелеймон Александрович Кулиш (1819–1897), историк Украины, общественный деятель и публицист, напечатал в "Чтениях" работу "Малорусские казаки между Россией и Польшею в 1659 г. по взглядам на них серба Ю. Крижанича", которая фактически являлась публикацией трех небольших сочинений писателя, написанных во время второго путешествия в Москву: "Путно описание от Левова до Москви", "Бесида ко чиркасом во особи чиркаса уписана", "Усмотрение о царском величеству".³¹ При публикации П.А. Кулиш, также как и Безсонов, заменил латинский шрифт оригинала рикописи на кириллический, что, конечно, снижало научную значимость источников, но зато делало публикацию доступной для более широкого круга читателей.

И хотя научный уровень издания сочинений Крижанича был невысок, тем не менее ученые России и других европейских государств довольно быстро отреагировали на появление нового имени, чьи сочинения могли стать значительной источниковой базой по многим вопросам общественной и культурной жизни России и других стран в XVII в. Достаточно сказать, что после 1867 г., когда был напечатан "Отчет" Н.Е. Северного, и вплоть до появления в начале нашего века работы С.А. Белокурова "Юрий Крижанич в России" материалы, так или иначе связанные с именем проповедника славянского единства, появлялись в печати почти ежегодно. В отечественной историографии этого периода были напечатаны две работы обобщающего характера: статья известного историка и писателя Николая Ивановича Костомарова и монография историка-слависта Арсения Ивановича Маркевича.³² Этот определенно повышенный интерес к творчеству хорватского писателя в значительной

³⁰ См. сноску 1, с. 25–26. Н.Е. Северный (1837–ум. в 1920-х гг.), преподаватель истории и географии Тульского реального училища. Окончил историко-филологический факультет Харьковского университета. В его архиве сохранилась рукопись кандидатского сочинения о Крижаниче. См.: Государственный архив Тульской области. Путеводитель. Тула, 1968, с. 104–105.

³¹ ЧОИДР, 1876, кн. 3, с. 109–124.

³² Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб., 1874, вып. 5, с. 429–458; А.И. Маркевич. Ю. Крижанич и его литературная деятельность. Варшава, 1876.

мере способствовал тому, что с конца 1880-х гг. ОИДР предприняло попытку осуществить издание полного собрания сочинений Крижанича. А инициатором этого предприятия стал выдающийся русский языковед, текстолог, историк культуры Алексей Александрович Шахматов (1864—1920), однако этот довольно пространный сюжет в настоящей публикации, увы, не может быть использован "по техническим причинам". В заключении можно лишь сказать, что участию А.А. Шахматова в деятельности ОИДР, связанной с изданием произведений Юрия Крижанича, посвящена моя публикация его "Проекта" по этому вопросу³³, которая, однако, далеко не в полной мере отражает участие этого ученого и других исследователей в этой работе.

³³ В.В. Ишутин. Проект А.А. Шахматова об издании собрания сочинений Юрия Крижанича. — Археографический ежегодник за 1984 год. М., 1986, с. 303—309.

ПРОБЛЕМА ПРИЧИННОСТИ В ЯЗЫКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ

Г. Балаж

1. С распространением описательной лингвистики и одновременным оттеснением на задний план исторического языкознания, и в области междисциплинарных наук, граничащих какой-либо своей частью с лингвистикой, наблюдается приоритет синхронного подхода. Как теоретики языкознания (начиная с Ф. де Соссюра до Н. Хомского), так и представители различных направлений философии языка занимаются почти исключительно структуральными, психологическими, коммуникативными, биологическими, социальными и другими аспектами функционирования языка, в то время как один из важнейших атрибутов языка — его изменение — остается вне рамок анализа. Это тем заметнее, что раньше в истории языкознания — благодаря в первую очередь рождению сравнительной лингвистики индоевропейских языков, а потом чрезвычайно сильному влиянию школы младограмматиков — единственно научным методом исследования языка считался именно исторический. Чем же объясняется такой резкий поворот?

2. Появление принципов структурализма в лингвистике несомненно повлекло за собой значительные последствия в отношении как предмета, так и методов языкознания. Работа Ф. де Соссюра "Cours de linguistique générale" (Курс общей лингвистики), вышедшая в свет в 1916 г. на основе его лекций, прочитанных между 1906 и 1911 гг., открыла новую главу в истории науки. Речь идет не только о том, что женеvский языковед создал теоретические основы синхронной лингвистики и этим "поднял ее на уровень, равный с историческим языкознанием", но и о том, что синхрония и диахрония одновременно противопоставлялись друг другу. Соссюр считал, что структурный метод совместим лишь с описательным аспектом. Авторитет его мнения привел к тому, что историческое языкознание методологически отстало, его престижу был нанесен тяжелый урон. Не случайно, что из структурных лингвистических направлений, возникших вследствие новаторской деятельности Соссюра, Бодуэна де Куртенэ и других, практически только Пражская школа не перестала заниматься диахронными исследованиями. К сожалению, даже считающаяся в наши дни доминирующей генеративная лингвистика не находила выхода из данной антиномии, существующей уже более семидесяти лет.

3. Целью настоящей работы не является общий анализ или

критика соссюрвской теории языка, однако, для изучения поставленной в заглавии темы казалось необходимым напомнить о выше приведенных фактах. Они, может быть, отчасти объясняют, почему так мало в специальной литературе работ, посвященных характеру языковых изменений. Даже в руководствах по истории отдельных языков, или языка вообще, возникают только вопросы, касающиеся главным образом способов языковых изменений, в то время как их причины остаются скрытыми. Число работ, посвященных специально теоретическим проблемам историчности языка — довольно скромно. Вот почему для разворачивания своей тематики мы воспользуемся и материалом, опубликованным в 1958 г. Именно в этом году вышла в свет книга Э. Косериу — "Sincronía, diacronía e historia"¹, в которой в процессе тщательной критики Соссюра подробно трактуются и историко-лингвистические аспекты проблемы причинности. Поскольку указанная работа Косериу является основополагающей, на идеи, высказанные в ней в связи с поставленным нами вопросом, следует обратить должное внимание.

4. Основная концепция Косериу основывается на следующих тезисах:

- а) парадокса языкового изменения в действительности не существует: он объясняется ошибочным отождествлением "языка" и "синхронической проекции";
- б) проблема языкового изменения не должна ставиться в причинных терминах;
- в) утверждения Соссюра все-таки основываются на правильной интуиции, которая интерпретируется ошибочно;
- г) антиномию "синхрония—диахрония" следует отнести не к плоскости объекта, а к плоскости исследования, т.е. она относится не к речевой деятельности, а к лингвистике;
- д) у самого Соссюра можно найти элементы для преодоления указанной антиномии;
- е) концепция Соссюра, однако, содержит существенную ошибку, которая мешает преодолеть внутренние противоречия;
- ж) нет противоречия между "системой" и "историчностью": историчность языка обуславливает его системность;
- з) антиномия "синхрония—диахрония" может быть преодолена

¹ E. Coseriu. Sincronía, diacronía e historia. El problema del cambio lingüístico. Montevideo, 1958. В русском переводе: Синхрония, диахрония и история. — В сб.: Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963, с. 143—343.

только исторически.²

В дальнейшем обратим внимание на мотивировку высказывания под пунктом б).

5. По мнению уругвайского лингвиста язык относится к явлениям не причинного, а целевого характера, которые определяются своей функцией. Языковой знак мотивирован с точки зрения цели, а не причины, ведь язык понимается в первую очередь как функция, и только потом как система. Язык функционирует и конкретизируется в речи, где важно различать *норму* и *систему*. Нарушению нормы не сопутствует нарушение языковой системы. При исследовании языковых изменений нельзя путать логическую проблему изменения с его общими и историческими проблемами. Почему изменяются языки — это вопрос логики и не входит в лингвистику. Логическую основу изменения языка Косериу видит в том, что язык не дается в готовом виде, а непрерывно воспроизводится в речевой деятельности, причем говорящий пользуется языком для того, чтобы осуществлять свою *свободу* выражения. Упомянутые разными авторами психофизические влияния (напр. усталость, восторг, инерция органов речи и др.) не могут быть причинами изменений, потому что они только в том случае могут повлиять на язык, если языковые навыки не достаточно прочны, и если они не затрагивают функционирования системы.³

6. Языковое изменение происходит в ходе коммуникации. Его необходимая, но недостаточная предпосылка состоит в том, чтобы говорящий отклонялся от актуальных языковых моделей и таким образом появлялась какая-либо *инновация*. Инновацией может быть искажение традиционной модели, выбор между некоторыми, равными по функции элементами, системное образование (в соответствии с возможностями системы), заимствование из другого языка или какое-либо явление т.н. функциональной экономии, проанализированной, между прочим, А. Мартинэ. О действительном изменении, однако, можно говорить лишь в том случае, если инновация распространяется, обобщается. В конечном итоге всякое изменение является рядом последовательных *принятий*, которые всегда представляют собой сознательный процесс.

Среди изменений разных языковых уровней наибольшее внимание уделялось изучению фонетических изменений. Младogramматическая традиция создала понятие "звуковых законов", и с

² Там же, с. 145.

³ Там же, с. 188.

тех пор главной целью исследования стали раскрытие и описание таких законов. По мнению Косериу звуковые законы не являются причинами фонетических изменений, а лишь констатациями *a posteriori* исторических фактов.⁴

7. В связи с общими условиями изменения принято говорить о внутренних и внешних факторах. Но поскольку первые являются второстепенными, и имеют только опосредствованное влияние, правильнее говорить о системных (функциональные оппозиции и т.д.) и внесистемных (область языковых навыков, языковая традиция) факторах. В связи с этим Косериу замечает, что нельзя принять тот взгляд А. Мейе, согласно которому причина, вызывающая языковое изменение — это "модификация в структуре общества", поскольку она может ощущаться лишь косвенным путем. Как системные, так и внесистемные факторы функционируют не как причины, а как условия или ограничения языковой свободы в создании и воссоздании языка. Иными словами, они определяют, какие инновации будут приниматься.

8. Как считает Косериу, единственно возможные объяснения, которые можно дать языковым изменениям, ни в коей мере не являются причинными. Понятие причинности в лингвистике связывается с языковой "эволюцией". Когда языки начали считать естественными организмами, языковеды стали в них искать таких же предполагаемых "законов", как в явлениях физики. Подобные стремления появляются и у некоторых структуралистов, которые ставят знак равенства между причинами и условиями изменения. Они считают причинами тенденцию к равновесию системы и к различительным оппозициям, т.н. слабые точки в языковой системе, влияние субстрата, а "действенной причиной" — фонетические изменения. На все же это отчасти можно смотреть как на проблему терминологии, однако в ней отражается подход, главный недостаток которого в том, что он не различает методов физических и гуманитарных наук. Тезис "единственное следствие — единственная причина" в лингвистике является обманчивым, поскольку то же самое следствие может быть вызвано несколькими причинами, поэтому нет смысла искать единственной причины. В случае фактов истории нужно не общее, а конкретное объяснение. И там имеет место обобщение, но оно формальное, а не материальное; "следовательно, материальные объяснения культурных фактов не столь

⁴ Там же, с. 202.

научны, сколь иллюзорны".⁵

8.1. Подвергая критике причинный подход, Косериу — следуя идеям Канта — обращает внимание на различие между миром необходимости и миром свободы. Первое относится к явлениям природы, а последнее — к явлениям культуры, где следует искать внутренней необходимости, то есть целенаправленности, хотя изменения мотивированы, их мотивация лежит не в "объективной" или "естественной" причинности (т.е. в необходимости), а в плане целенаправленности, в "субъективной" или "свободной" причинности, поскольку язык представляет собой свободную и целенаправленную деятельность. Следовательно, никакой внешний фактор не может оказывать влияния на язык, игнорируя свободу и интеллектуальную деятельность говорящих. Однако зря мы ищем причин изменений и в самом языке, ведь сложившаяся языковая традиция тоже не может быть причиной своего изменения. В языке даны только обстоятельства, технические условия, в рамках которых действует языковая свобода говорящих, и которые она использует и одновременно изменяет в соответствии с потребностями выражения. ("Слабые точки" являются также не причинами, а проблемами, которые языковой свободе приходится решать.) Надо не искать внешних по отношению к свободе причин изменения, а объяснять с точки зрения целенаправленности то, что уже создано благодаря языковой свободе говорящих. Кроме того, следует выяснить, каким образом созданное изменение определяется недостатками или возможностями языка в состоянии, предшествующем изменению.⁶

8.2. В самом деле и целенаправленность является видом мотиваций, и в таком состоянии представляет собой часть общего понятия причины. Здесь — и во всей книге довольно часто — автор ссылается на Аристотеля, который, как известно, различает четыре вида причины: действенную, материальную, формальную и причину-цель. Причина-цель (целенаправленность) всегда является доминирующим фактором, таким основанием, в силу которого непосредственно действующая причина "заработает" (идея или план дома предшествует строению). Поэтому в случае языковых изменений невозможно сослаться ни на какие причины физического характера, в том числе ни на принцип "наименьшего усилия", выработанным Авенариусом и Ципфом, ни на принцип "инструментальной эконо-

⁵ Там же, с. 268—273.

⁶ Там же, с. 274—279.

мии" Мартинэ. (Тем менее, что создание новых средств в языке всегда значит наибольшее усилие.) Речевая деятельность характеризуется не практической, а познавательной целенаправленностью; в языке может быть и практическая целенаправленность, но необязательно.⁷

8.3. Языковая свобода эффективно использует язык и стремится сохранить его эффективность. В силу этого она может создать новые средства, отказаться от функционально бесполезных, или усилить функционально необходимые различия. "Языковое изменение имеет одну действительную причину — языковую свободу говорящих, и одно универсальное основание — экспрессивную (и коммуникативную) целенаправленность" — пишет Косериу.⁸ Изменения происходят в определенных условиях, при определенных закономерностях. Целенаправленность в качестве "субъективной причинности" может быть опознана только субъективно, посредством внутреннего опыта, поскольку речь идет о факте, который не может наблюдаться во внешнем мире. Следует ответить не на то, "почему (в силу каких эмпирически объективных обстоятельств) произошло то или иное изменение", а на то, "зачем я, располагая определенной системой и находясь в определенных исторических обстоятельствах, изменил бы А в В, отказался бы от элемента С или создал бы элемент D".⁹ Целевые объяснения до определенной степени связаны с риском, не всегда дают точные ответы, но это еще не значит, что сам принцип целенаправленности является неадекватным.

8.4. Подобно Гумбольдту, Косериу тоже использует теорию деятельности Аристотеля для моделирования речевой деятельности и языкового изменения. Когда он пишет о структурализме, Косериу замечает, что данное направление, исходя из строго статического понимания языка как *ἔργον*, подошло к пониманию языка как исторической потенциальной деятельности (*δύναμις*), определяемой через *ἐνέργεια*. *Δύναμις* преодолевает эту *ἐνέργεια* и постоянно перестраивает ее.¹⁰

Историческое и структурное объяснения не исключают друг друга; первое указывает на возможное внешнее происхождение

⁷ Там же, с. 281–283.

⁸ Там же, с. 284–285.

⁹ Там же, с. 286.

¹⁰ Там же, с. 289.

факта языка, а последнее объясняет функциональное проникновение данного факта в систему. Языковое изменение, однако, не объясняется ни тем, ни другим, поскольку — аргументирует Косериу — между ними фигурирует языковая свобода говорящих, которая для определенной цели (удовлетворение потребностей выражения) использует исторический материал. Структурализм лишь указывает на взаимодействие языковой свободы и системы, но оставляет без внимания сам процесс, поскольку он происходит в языковой норме, через целый ряд актов отбора. Диахронный структурализм, как правило, исходит из "готовой", "сбалансированной" системы, а не из движущейся; поэтому он нуждается во внешней причине, чтобы привести систему в движение.

8.5. Говоря о теории т.н. синхронных срезов, — которую практически приняла и разновидность исторической лингвистики, построенная на генеративных принципах, — Косериу заявляет, что данная теория не снимает антиномию между синхронией и диахронией, потому что она отождествляет (историческое) бытие языка с языковым состоянием. Он считает более радикальным подходом т.н. телеологическую концепцию, которая связана в первую очередь с деятельностью Якобсона и Трубецкого — представителей вышеупомянутой Пражской школы. Они, однако, употребляют выражения *целенаправленность*, *намерение*, *телеология*, *тенденция* как равноправные термины, и хотя механической причинной позиции младограмматиков противопоставляют основанное на правильной интуиции, более реальное воззрение, тем не менее их терминология приводит к терминологической двусмысленности. Телеологическую концепцию можно было бы полностью принять только в том случае, если целенаправленность сопровождалась бы всяким индивидуальным актом принятия определенного языкового элемента. Сторонники упомянутого воззрения, напротив, говорят об объективной целенаправленности, т.е. о таком внешнем и заранее определенном факторе, которому язык подчиняется в силу внутреннего давления. Косериу заявляет, что существование такой объективной целенаправленности нельзя доказать, и напоминает о том, что по Канту телеологические суждения, которые обыкновенно относятся к природе, не имеют объективной силы, поскольку в действительности ничего не говорят об объектах, а выражают лишь отношение субъекта к этим объектам, т.е. они относятся к плоскости мышления. Телеологический подход в самом деле является одной из форм причинной позиции, ведь он допускает детерминированность языковой системы, другими словами — утверждает, что в языке можно обнаружить причины его изменения. По мнению автора, все

это является обновлением устарелой трактовки, согласно которой языки представляют собой естественные организмы. Постановка внешней и заранее определенной цели влечет за собой отрицание языковой свободы и языка как *ἐνέργεια*. Поэтому телеологический подход следует отвергнуть и противопоставить ему настоящую целенаправленность.

8.6. Общие законы языкового изменения обязательно являются вероятностными законами, которые зависят от языковой свободы, выражающейся в речевой деятельности — пишет Косериу. Они вскрывают только то, как происходит данное изменение, но не то, почему. Языковое "развитие" не тождественно эволюции объекта природы; в языке речь идет о построении объекта человеческой культуры, которое может быть мотивировано только целевой установкой говорящих, а не внешними или внутренними объективными условиями. "Это нисколько не уменьшает эмпирической ценности изучения "условий" изменения, поскольку в эмпирическом плане следует изучать, как действует языковая свобода в определенных условиях, а также каковы способы и нормы такой формы человеческого творчества..."¹¹

9. В своем предисловии¹² к русскому переводу книги Косериу, советский языковед В.А. Звегинцев подвергает критике вышеупомянутую теорию с двух точек зрения. Согласно первому его возражению неясно, когда инновация переходит в изменение, где граница между двумя явлениями. "Сколько людей должны «принять» инновацию, чтобы она превратилась в изменение? Если определять инновацию как индивидуальное явление (проявляющееся первично в индивидуальном речевом акте), а изменение — как межиндивидуальное, то и это не спасет положения. Ведь всякий индивидуальный факт, поскольку он адресован другому индивиду, является уже межиндивидуальным. Следовательно, мы имеем дело здесь не с качественным, а количественным различием, да к тому же не имеющим никаких осязательных критериев."¹³ По Звегинцеву помешение языковой свободы между инновацией и принятием еще больше запутывает картину, и легко могут потеряться все закономерности функционирования и эволюции языка. Мы считаем, что в теории Косериу языковая свобода представляет центральную кате-

¹¹ Там же, с. 298—308.

¹² В.А. Звегинцев. Теоретические аспекты причинности языковых изменений. — В сб.: Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963, с. 125—142.

¹³ Там же, с. 137.

горию, проявление целенаправленности и сознательности изменения и активности говорящих, которая не просто "помещается" куда-нибудь, а является одним из значительных моментов концепции. С другой стороны, если принимаем, что следует различить языковую систему и норму, — а это уже кажется тривиальным, — то никак не трудно убедиться в том, что изменение в любой языковой норме не обязательно сопровождается изменением целой языковой системы. Если "нарушение" нормы влечет за собой модификацию системы, можно говорить о языковом изменении, а в противном случае инновация остается непринятой. Значит, нет необходимости в количественных критериях, которые и сам Косериу считает неудовлетворительными.

Что же касается второго возражения Звегинцева, его можно суммировать следующим образом: Косериу ошибочно заменяет каузальность языковых изменений их функциональностью. По Звегинцеву в речевой деятельности действительно есть целенаправленность, но она относится лишь к функционированию языка, в то время как в эволюции налицо причинность.¹⁴ Кажется, Звегинцев здесь допускает такую же ошибку, как и большинство лингвистов, занимающихся данной тематикой — не определяет, что именно он понимает под причинностью. Поскольку этого эксплицитно и Косериу не делает, возникает подозрение, что данная проблема, хотя бы частично, носит терминологический характер. Поэтому мы считаем целесообразным коротко остановиться на понятийном анализе этой категории. Для этого мы используем главным образом книгу М. Бунге под заглавием "Причинность".¹⁵

10. Бунге указывает на то, что причинность — это отнюдь не единственная категория детерминации, как утверждается каузализмом. Кроме причинной детерминации (причинности) он упоминает типы создания закономерного: количественная самодетерминация, взаимодействие, механическая, статистическая, структурная, телеологическая и диалектическая детерминация. В реальных процессах действует всегда несколько детерминационных факторов, причем причинность не является внешней по отношению к остальным, а тесно связана с ними. Многократная причинность, например, может привести к статистической детерминированности. Из четырех аристотелевских причин современное мышление сохранило лишь дейст-

¹⁴ Там же, с. 141–142.

¹⁵ М. Bunge. Az okság. Az oksági elv helye a modern tudományban. Bp., 1967.

венную причину как фактор, влияющий извне.¹⁶

10.1. Бунге считает неудовлетворительным эмпирическое определение Хьюмом причинности, потому что оно затушевывает разницу между корреляцией и созданием, и не дает отчета в единственности и генетическом характере отношения между причиной и следствием. Вместо этого он предлагает более уточненную формулировку: "Если С случается, тогда (и только тогда) Е всегда возникает через него".¹⁷

10.2. Причинность часто путают с функциональной зависимостью (в том числе неопозитивисты), однако в функциях отсутствует генетическая связь. Необоснованное использование функционализма приводит к органическому воззрению, выраженному в представлениях об однородном мире, в котором нет места ни для случайности, ни для свободы. Причинность, однако, дает достаточно места во вселенной, где случайность как онтологическая категория может осуществиться (напр. при соприкосновении первоначально независимых причинных цепей или взаимно иррелевантных процессов). Причинность не является фаталистической, поскольку оставляет простор для свободы, и не является механической, поскольку в ней есть самодвижение, взаимодействие и внутренний "раздор" противоположностей.¹⁸

10.3. С распространенными формулировками принципа причинности, которые требуют единственности причинной связи, можно согласовать только простую причинность, которая способна отражать среднюю линию течения, но не целый процесс. Простая причинность часто является необходимой и приблизительно валидной, но в строгом смысле она никогда не верна. В ходе эволюции возникают новые уровни, поэтому причинные цепи имеют органическую валидность как грубые модели реального бытия.¹⁹

10.4. Свобода — это не нарушение закономерного поведения, а одна из его разновидностей, а именно: **самодетерминация**. Как таковая, она является положительной ценностью, активным стремлением к достижению оптимального самоопределения. Действенные причины, как правило, действительны постольку, поскольку они вызывают, усиливают или смягчают внутренние процессы. Другими

¹⁶ Там же, с. 23–59.

¹⁷ Там же, с. 76. (Перевод мой — Г.Б.)

¹⁸ Там же, с. 125–127.

¹⁹ Там же, с. 193–194.

словами, эффективность внешних детерминантов зависит от внутренних детерминантов. Поскольку наряду с внешней причиной играют важную роль и внутренняя структура, категория взаимодействия и самодвижения, адекватное решение, по мнению Бунге, следует искать в синтезе самодетерминации и внешней детерминации. Таким образом, случайное может распространиться в ущерб необходимому.²⁰

10.5. Законы необязательно заключают в себе причинность. Существуют и некаузальные законы, и такие, в которых налицо несколько детерминационных категорий. Законы науки представляют не что другое, как приблизительные идейные реконструкции имманентных форм структур и процессов.²¹

10.6. Большинство известных общественно-исторических законов является статистическим, т.е. они не во всех случаях валидны. Осознание исторической специфичности совместимо с научным обобщением. Конкретные и поэтому единичные объекты, как и исторические события, можно воспринять в качестве скрещивания многочисленных законов. Общественно-исторические законы являются сугубо некаузальными, поскольку "большинство общественных процессов «исторического значения» одновременно в высокой степени самоопределено (детерминируется изнутри самой структурой общественной группы), категорически диалектично (создается или вызывается борьбой групп людей), частично телеологично (хотя большей частью неосознанно, но стремится достигнуть определенных целей) и типично статистично (является результатом в значительной степени независимых друг от друга различных индивидуальных актов)".²²

11. Наверно и без подробных комментариев можно признать, что теория Косериу о языковых изменениях совместима с концепцией причинности Бунге, изложенной довольно коротко и отборчиво выше. Этим одним, конечно, не доказывается правильность ни той, ни другой теории, но, принимая во внимание различную тематику и независимость друг от друга двух работ, концепцию Э. Косериу можно принять по меньшей мере как одну из возможных и наиболее адекватных.

12. Из более новых трактовок, касающихся причинности, является особенно интересной и для лингвистики т.н. теория

²⁰ Там же, с. 249—252.

²¹ Там же, с. 349—350.

²² Там же, с. 342. (Перевод мой — Г.Б.)

Интенциональности Дж.Р. Сэрла.²³ Интенциональность (Intentionality) — это широкая философская категория, которую можно обнаружить не исключительно в языке, но, между прочим, и во многих психологических состояниях, в наблюдении, действии. Ее сущность — направленность на что-либо (directedness). В отдельных разновидностях Интенциональности речь идет о "репрезентации" действительности (напр. вера, память, желание и т.д.), а в других — о "презентации" (напр. видение, действие). Презентация представляет собой подтип репрезентации, куда относятся сознательная умственная деятельность, и где по-прежнему присутствует категория причинности. Для всех видов такой деятельности характерны условие удовлетворения и направление соответствия. Поскольку подробное изложение этой теории превысило бы пределы настоящей работы, попытаемся проиллюстрировать сказанное с помощью нескольких примеров.

12.1. В случае видения, например, Интенциональным компонентом является визуальный опыт. Условие удовлетворения визуального опыта — чтобы были такие объекты, состояния и т.д., у которых есть определенные свойства и определенные причинные отношения с визуальным опытом. Направление соответствия — от разума (mind) к миру. Поскольку направленность причинного отношения всегда противоположна этому, — ведь визуальный опыт вызывается наличием свойств данного объекта, — здесь соответствие идет от мира к разуму.

Подобно видению можно проанализировать и (преднамеренное) действие. В этом случае Интенциональным компонентом является опыт действия, а условием удовлетворения — чтобы у действующего лица были движения тела, состояния и т.д., и чтобы они были связанными с опытом действия посредством определенных причинных отношений. Соответствие идет от мира к разуму, в то время как причинное отношение — от разума к миру (движения вызываются опытом).²⁴

12.2. В обеих упомянутых разновидностях Интенциональности речь идет о сознательной деятельности, проникнутой причинным отношением, т.е. о двух видах презентации. В отличие от традиционных теорий причинности, Сэрл заявляет, что для решения Интенциональной причинности достаточен опыт данного случая, нет

²³ J.R. Searle. Intentionality. An Essay in the Philosophy of Mind. Cambridge, 1983.

²⁴ Там же, с. 37—III.

нужды в дальнейших наблюдениях или предположении любых релевантных каузальных законов. Существование причинного отношения в данном случае не сопровождается универсальной корреляцией подобных случаев (регулярностью). Между причиной и следствием наблюдается такая логическая, внутренняя связь, которая не принадлежит дескрипциям, описывающим такую связь. Во всех случаях, где налицо Интенциональная причинность, хоть одно из условий представляется таким Интенциональным состоянием или событием, которое или вызывает свои условия удовлетворения, или возникает через них. В таких случаях причинное отношение испытывается непосредственно; оно является частью содержания, а не объекта данного опыта, т.е. речь идет не о внешней причине. При любой презентации непосредственно создается причинность, ведь она находится внутри опыта. Отношение, обнаруженное между событиями, не необходимо; одно событие (напр. мой опыт действия) представляет собой каузальную Интенциональную презентацию другого события (напр. движение моей руки), причем два события вместе вызывают сложное событие (я поднимаю руку). Презентации — это каузальные и Интенциональные взаимодействия между разумом и миром; то, что действительно происходят ли они, не от разума зависит.

Нет причинности, основывающейся на регулярности, и Интенциональной причинности отдельно; существует только одна — действенная причинность (*efficiency causation*), в силу которой одни вещи вызывают другие. Ее можно применить лишь там, где имеется высокая степень каузальной регулярности. Предположение такой регулярности является принадлежностью неинтенционального "Фона" (*Background*).²⁵

13. Хотя Сэрл не касается проблемы языкового изменения, встает вопрос, можно ли интерпретировать воззрение Косериу в рамках теории Интенциональности. Мы считаем, что это возможно. На языковое изменение Косериу смотрит как на сознательную деятельность, в которой нет внешней причины, лишь одна внутренняя действенная причина — свобода говорящих. Таким образом, стремление говорящего вызвать то или другое изменение можно воспринять как разновидность Интенциональной презентации. Интенциональным объектом может быть новое слово, измененная языковая единица или любое нарушение нормы, т.е. какая-либо инновация. Условие удовлетворения — чтобы данная инновация была принята в ходе межиндивидуальных речевых актов. Языковое изменение

²⁵ Там же, с. 112–140.

вызывается (если условие удовлетворения осуществляется) языковой свободой (т.е. опытом изменения), поэтому направленность причинного отношения — от разума к миру, а направление соответствия — от мира к разуму. Все несознательные факторы, оказывающие влияние на изменение (напр. психофизические, социальные и другие условия) относятся к Фону. Характер инновации и ее способность распространиться в данном языковом коллективе зависят от "Сети" (Network) Интенциональных состояний говорящих.

Чтобы окончательно ответить на вопрос, насколько можно принять вышеизложенную интерпретацию теории Косериу о языковом изменении, конечно, требуется дальнейший анализ, который уже не является задачей настоящей работы.

К ГРАФИКО—ОРФОГРАФИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ РУКОПИСЕЙ

М. Кочиш

В историческом языкознании, т.е. в науке об истории языка, фактов нет, существуют только более и менее вероятные гипотезы. Достоверность теорий лингвиста, не располагающего возможностью современного языкового контроля, зависит от степени их соответствия накопленным знаниям, т.е. принятым широким кругом ученых предположениям.

Однако, стремление историка языка к разъяснению истины является все-таки не безнадежным. Но его исследовательская работа похожа на переход через болото: она выполнима, и в то же время сопровождается множеством опасностей. Для перехода необходимо найти подходящие кочки (часто и они оседают под тяжестью шагов), и обычно нельзя идти вперед прямой дорогой; а для провала достаточно единственного неверного шага.

Особая осторожность требуется в использовании даже и тех данных, которые взяты из памятников языка. Рукописи, независимо от их жанра, только отражают язык времени и более ранних периодов, но способ этого отражения почти у всех у них уникален. Поэтому над текстом необходимо немало потрудиться, прежде чем он станет для лингвиста "готовым к употреблению".

Для проведения такой работы, по мнению К.В. Горшковой, пора создать вспомогательную дисциплину истории языка — источниковедение,¹ которое охватывало бы, в частности, и изучение графической и орфографической системы древних памятников. Общеизвестно, что без знания исторических изменений в системе письма нельзя оценить данные рукописей,² но мы и добавим: самая детальная разработанность истории графики и орфографии не делает излишним тщательный разбор закономерностей, наблюдающихся в употреблении букв и других письменных знаков, в каждом кодексе в отдельности.

Большая часть ученых, занимающихся описанием рукописей, и придерживается этого принципа. Приведем лишь один пример:

¹ К.В. Горшкова. Историческая диалектология русского языка. М., 1972, с. 24.

² Kniezsa I. A magyar helyesírás története. Bp., 1959, p. 3.

И. Х. Тот в своей работе о Житии Феклы уделяет главу и графико—орфографическим особенностям текста. Он анализирует не только применение разных букв и надстрочных знаков, но обращает внимание и на вопросы сочетания гласных с некоторыми согласными.³

Появляются также и монографии такого характера. Достаточно упомянуть блестящую книгу В.С. Голышенко, посвященную, в частности, проблемам обозначения мягкости согласных в древнерусской письменности и связанным с ними вопросам правописания.⁴

Однако, в работах, касающихся графико—орфографической системы письменных памятников, есть нечто общее: в них авторское внимание, как правило, сосредоточивается на нескольких проблемах, и анализу подвергаются лишь связанные с ними явления текста. Если, например, в центре изучения находится обозначение мягкости, то рассматривается употребление йотированных букв и надстрочных знаков, но общие проблемы сочетаемости букв уже, бывает, оставляются без внимания.

Надо сразу подчеркнуть, что этот недостаток не вина исследователей. Они просто не имеют возможности в течение долгих лет проводить такую трудоемкую работу, какой является многосторонний графико—орфографический разбор текста рукописей.

Использование ЭВМ, как и в других дисциплинах, открывает в источниковедении новые перспективы. Дело не только в том, что с ее помощью исследования такого рода заканчиваются быстрее, но и в возможности подходить к предмету изучения без преконцепций. Источниковед может подвергать анализу все употребляемые в рукописи буквы, прочие знаки, их сочетания — одновременно считаясь и с позицией этих графем в слове, и только после рассмотрения многотысячного числа данных он должен сузить круг, сосредоточив свое внимание в дальнейшем на интересующих читателя проблемах.

В настоящей статье показывается машинный графико—орфографический разбор отрывка текста рукописи XVI века. Это Украинский гомилиарий 1588 года, хранящийся в Отделе рукописей Национальной библиотеки им. Сечени (г. Будапешт) под шифром "Цер-

³ И. Х. Тот. Житие Феклы. — *Studia Slavica Hung.* XXII. Bp., 1976, с. 243—250.

⁴ В.С. Голышенко. Мягкость согласных в языке восточных славян XI—XII вв. М., 1987.

ковнославянские рукописи на листе № 9".⁵ Так как цель данной работы — методическая, для анализа выбрана небольшая часть памятника (евангельская притча о мытаре и фарисее, Лк. XVIII, 10—14). Она читается на обеих сторонах одного листа № 5, что делает излишним постоянное указание на местонахождение приведенных ниже примеров.

I. На первом этапе работы, по внесении в ЭВМ текста, нас интересует следующее:

1. Какие буквы употреблены писцом?
2. Какие буквы стоят в начале, а какие в конце слов?
3. Какие сокращения имеются в тексте?
4. Какие буквы встречаются в сокращениях с выносом?
5. Внутри или в конце слов находятся эти сокращения?
6. Употребляет ли писец большие буквы?
7. Какие буквосочетания наблюдаются в тексте (и внутри, и на стыке слов)?
8. Какие прочие знаки имеются в тексте?
9. Прикрепляется ли применение надстрочных знаков к определенным буквам или позициям (имея в виду начало, середину и конец слова)?

1. Текст состоит из 471 буквы. Заметим, что, во-первых, буквы *оу* и *ы* считаются одной, во-вторых, две точки над буквой *і*, так как они всегда налицо, воспринимаются не как надстрочные знаки, а как часть ее начертания. Таким образом, перечень букв по частоте дает следующую картину: *и* (44 раза), *о* (38 раз), *а* и *с* (по 32 раза), *е* и *т* (по 29 раз), *в* (25 раз), *д* (24 раза), *н* и *р* (по 19 раз), *л* и *п* (по 16 раз), *ь* (13 раз), *м* (12 раз), *ж* (11 раз), *б* и *к* (по 10 раз), *ы* и *ѣ* (по 8 раз), *г* и *оу* (по 7 раз), *з*, *ї*, *ч*, *ш* и *ж* (по 6 раз), *ц* и *х* (по 5 раз), *ж* и *х* (по 4 раза), *у* и *ф* (по 3 раза), *ш*, *ю* и *ѡ* (по 2 раза), *ѣ* и *ѡ* (по 1 разу).

2. Принимая во внимание слова и полнозначные, и служебные, текст делится на 106 слов.

а) Из одной буквы состоят 6 слов: *а* (4 раза), *в* — в форме *в'* — и *оу* (по 1 разу).

б) Остальные слова начинаются со следующих букв: *с* (17 раз), *п* (12 раз), *в* (9 раз), *д* (8 раз), *м* (7 раз), *т* (6 раз), *б* и *н* (по 5 раз), *и* (4 раза), *г*, *ф* и *х* (по 3 раза), *з*, *к*, *р*, *ч* и *ѡ* (по 2 раза), *а*, *е*, *ѣ*, *о*, *оу*, *ц*, *ш* и *ѡ* (по 1 разу).

Последняя буква этих же слов: *и* (19 раз), *ь* (13 раз), *о* (11

⁵ Об этом подробнее см. М. Кочиш. Украинский гомилярый 1588 года. I. Предварительные сведения. — *Dissertationes Slavicae. Sectio Linguistica*, XV. Szeged, 1982, с. 141—146.

раз), а, е, ^Т — т.е. т вынесенная — и ѡ (по 7 раз), ѧ (6 раз), ^А, ^Ѳ, оу и ѣ (по 3 раза), у, з и ы (по 2 раза), ^А, ^ж, ^ї, ^М и ю (по 1 разу).

3. Подход к вопросу сокращений будет сначала чисто формальным, ибо мы считаем сокращенными все те слова, которые наблюдаются в тексте а) под титлом, б) с паерком, в) с выносом буквы под дугой, г) с выносом буквы без дуги.

а) Под титлом мы читаем: бѣе, бѣ, гѣ, нѣо, тѣѡни, ѡлци (bis), црѣвь.

б) С паерком пишутся следующие слова: вѣ, вѣсего, вѣсакїи, грѣшѣномоч, перѣси, притѣуж, справѣливѣшии, ставѣши, хищѣници.

в) и г) Перечень сокращенных слов с выносом см. в пункте 5.

4. Над строкой писец выносит буквы л, р, с (— под дугой), и а, ж, з, м, т (— без дуги).

5. Буквы под дугой:

л — 1 раз внутри (тѣ^лко), 3 раза в конце слова (хотѣ^л, мовѣ^л, пришѣ^л);

р — 3 раза в конце слова (мытѣ^р — ter);

с — 2 раза внутри слова (сѣ^семь, млѣ^стивь).

Буквы без дуги:

а — 4 раза внутри (неправѣници, справѣливѣшии, пѣносѣ^Т — bis), 1 раз в конце слова (боѡ^а);

ж — 1 раз внутри (тѣѡ^жни), 1 раз в конце слова (поне^ж);

з — 1 раз внутри слова (вѣ^здаж);

м — 1 раз в конце слова (вѣ^м);

т — 7 раз в конце слова (вѣ^Т, пѣносѣ^Т — bis, тѣ^Т — bis, оупаде^Т, спокарае^Т).

Буквы внутри слова выносятся всего 9 раз, а в конце слова 16 раз.

6. Единственной большой буквой является инициал Ѳ.

7. Буквосочетания перечисляются по типам сочетания букв, обозначающих гласные и согласные. Буквы на двух сторонах знака 1 принадлежат к соседним словам, между которыми нет знака препинания. Знаки же [^] и [~] указывают на способ сокращения слов, частью

которых являются данные буквы.

а) Тип сочетания "гласный + гласный":

аю, ая (bis); еа, еѣ, еи (bis); иї, иіо, иіа; іи (quater), іж; ое, ои, оа; ыи, ыа; ѣе; ае, аіу.

б) Тип сочетания "гласный + согласный":

ав (quater), аѣ (bis), аа, аіа, аї, ак, аік, ал (bis), ^ма, аі^м, аи, аі^н,

алп (bis), аѣ (quater), ^аа (ter), аіѣ, аіс;

ее (bis), еѣ (bis), еі^н, еа, ^ее (bis), ^же, ек, ^еем, ^ееі^м, еп, еѣ, ес (quater), ^іе (bis), еіх, еі^х, еу, еш;

^се;
^се;

ив, іѣ, іа, ііа, іж, ії, іл (ter), ^ии, іі^м, іи (ter), іи^н, іс (ter), ііс (quater), іт (bis), ^іи (bis), іх, іц (bis), іу, іш, іш;

ое, ^оіе, ов, ^ое, оіе, ог, оа, ^оа (bis), оіа (bis), ок, ол (bis), ^оа, ом (ter), он, оіи, ос (ter), оіс (bis), от, ^от, ^оа (bis), оу, ош;

оуіг, ^оуі, оуіа, оуп, оуіп, оуіт;

уа, уі^м, уіс;

^за, зї, зи, зіс, зіц;

ыіѣ, ы^ж, ^ыі, ыіп, ыі^т (ter), ы^і;

^еіѣ, ыѣ, ыі^м, ыіп, ыі^н, ыіс (quater), ыф;

ѣіѣ, ѣіг, ѣа, ѣл, ^ѣе, ѣіѣ, ѣш;

юѣ, юіѣ;

нак (bis);

аіа, аік, аіп, аіс, ат, ау;

аїї, аіс (bis);

он.

в) Тип сочетания "согласный + гласный":

^бе, би, бо (bis), ^бо, бов, бѣ (bis);

ѣа (quater), ѣе (ter), ѣи, ѣо (bis), ѣз (quinqües), ѣы, ^ѣѣ, ^ѣѣ, ѣѣ;

гї, го (ter), гѣ;

аа (quater), ае (ter), аи, ао (quater), аы, аѣ, ая;

~
же, жь;

за, зо, зы;

ка (bis), кī, ко, къ (ter);

ле, ли (quater), лов, ль (bis), лю;

мо (bis), мō, мов, мѣ, мы (ter), мь;

на, не (quater), ни (quater), нѣ, но (quater), нов, нь, нѣ;

па, пе, по (octies);

ра (quater), ре, ри (quater), рѣ, ров, рѣ (bis), ра;

се (septies), с̂е, си (ter), сī, съ (bis), са (novies);

та (sexies), те, ти (quater), тѣ, то (sexies), ть, тьі, тѣ;

фа (ter);

хи, хō, хѣ;

ци (bis), цѣ (bis);

ѳе, ѳи (bis), ѳѣ;

ши, шī (bis), шō;

щѣ.

г) Тип сочетания "согласный + согласный": бж; ва, в'с (bis), в'lt, в'ш (bis); га, гѣ; ав (bis), а̂л, а̂м, а̂н (ter), а̂н, аѣ; *а̂; зѣ, за, за; кѣ, кт (bis); а̂к, л̂, л̂ѣ (bis); м̂л, мн; нѣ, нш; пѣ (quinqies); рѣ, р'с; св (bis), сп (bis), ст (quater), т̂; т̂л, т̂с, т̂ѣ; хѣ; цѣ; ѳ̂л (bis); ш̂н, шт; щ̂н.

8. Наблюдаемые в тексте остальные знаки представляют собой, с одной стороны, знаки препинания (точка — 22 раза, причем в самом конце евангельской части в форме ѣ; запятая — 9 раз), с другой стороны, надстрочные знаки. Разновидности этих последних: ' (50 раз), ^ (20 раз), ` (19 раз), ^ (4 раза), ^ (2 раза).

9. Распределение надстрочных знаков по буквам показывается в следующей таблице (первые цифры относятся к началу, вторые — к середине, а третьи — к концу слов):

Буква	Знак ¹	Знак ²	Знак ³	Знак ⁴	Знак ⁵
а	0 10 2 ¹	5 ⁷ 0 0	0 0 2	0 0 2	0 0 0
е	1 ² 7 1 ³	1 ² 2 ⁸ 0	0 0 1	0 0 1	0 0 0
и	0 8 1 ⁴	4 0 0	0 0 5	0 1 ¹⁴ 0	0 0 2
о	0 7 4 ⁵	1 0 0	0 0 4	0 0 0	0 0 0
оу	0 1 0	2 ⁹ 0 1 ¹⁰	0 0 0	0 0 0	0 0 0
з	0 1 0	0 0 0	0 0 0	0 0 0	0 0 0
ы	0 3 0	0 0 0	0 0 0	0 0 0	0 0 0
ь	0 0 0	0 0 0	0 0 0	0 0 0	0 0 0
ѣ	0 2 0	0 0 0	0 0 0	0 0 0	0 0 0
ю	0 1 0	0 0 1 ¹¹	0 0 0	0 0 0	0 0 0
ѡ	1 ⁶ 0 0	2 ¹² 0 0	0 0 0	0 0 0	0 0 0
ѧ	0 0 0	0 0 0	0 1 ¹³ 3	0 0 0	0 0 0
Ѩ	0 0 0	0 0 0	0 0 3	0 0 0	0 0 0
ѩ	0 0 0	1 0 0	0 0 0	0 0 0	0 0 0

Примечания: ¹ В предложениях на́ и зѧ́. ² В виде ѣ́. ³ В частице не́. ⁴ В частице ѧ́ни. ⁵ В предложениях зѡ́ и аѡ́, а также в относительном местоимении кто́ (2 раза). ⁶ В виде ѣ́а. ⁷ 4 раза в союзе ѧ́, состоящем из одной буквы. ⁸ В словах ѣ́мь и своѣго́. ⁹ 1 раз в предлоге оу́, состоящем из одной буквы. ¹⁰ В слове грѣш'номоу́. ¹¹ В слове по́вѣдаю́. ¹² 1 раз в виде ѣ́а. ¹³ В слове стоѧуи. ¹⁴ В слове вѣ́нѡста́.

II. Второй этап работы начинается с реконструкции. Мы устанавливаем, как звучали бы очевидные в нашем тексте морфемы во время распада праславянского языка. Данная реконструкция должна быть, во-первых, только фонетической, а не грамматической или лексической. Так, напр., инфинитив исследуемого текста помолити восстанавливается как **romoliti*, а не как супин **romolity*; на месте бо не пишется **jako* и т.д. Во-вторых, при реконструкции сохраняются диалектные черты праславянского языка: стоѧуи восстанавливается с восточнославянской огласовкой (**stojećĭ*), а прѣлюбоудѣ — с южнославянской (**prěľ'uboděje*). Поступая иначе, мы можем получить ценный материал для фонетических и грамматических наблюдений, но совершенно бесполезный для орфографического разбора.

Сопоставляя текст рукописи с реконструированным, мы

стремимся дать ответы на вопросы:

1. Каким древним звукам отвечают находящиеся в тексте буквы?

2. Какие звуки не обозначены буквами?

1. Читаемые буквы отвечают следующим звукам, перечисляющимся здесь, за исключением редуцированных, латиницей:

Буквы	Звуки и интереснейшие примеры
а	а — 31 раз; ја — 1 раз (фарисеа)
б	б — 10 раз
в	w — 24 раза; ѵ — 1 раз (въѣ < *отъ)
г	g — 6 раз; k — 1 раз (где)
д	d — 24 раза
е	е — 19 раз; ь — 5 раз (неправѣнѣици, сесѣ — bis, перѣси, справѣливѣшѣи); је — 4 раза (единѣ, прѣлюбодеѣ, своего, спокарѣѣ); ѵ — 1 раз (ѣемѣ)
ѣ	је — 1 раз (ѣемѣ)
ж	ž — 4 раза
з	z — 6 раз
и	і — 34 раза; јѣ — 6 раз (фарисеи — bis, аровгѣи, ижѣ, справѣливѣшѣи, вѣсакѣи); јѣ — 2 раза (иншѣи, свои); у — 1 раз (хишѣици); ѣ — 1 раз (овѣи)
і	і — 2 раза (сѣж, иншѣи); ѣ — 2 раза (аровгѣи, вѣсакѣи); јѣ — 1 раз (овѣи); ѣ — 1 раз (справѣливѣшѣи)
к	k — 10 раз
л	l — 15 раз; l' — 1 раз (прѣлюбодеѣ)
м	m — 12 раз
н	n — 18 раз; n' — 1 раз (понѣжѣ)
о	о — 34 раза; ѣ — 3 раза (ѣо, тѣ — bis); ѣ — 1 раз (пришѣѣ)
п	p — 16 раз
ѣ	г — 15 раз; г' — 4 раза (мытѣ — ter, спокарѣѣѣ)
с	s — 30 раз; s' — 2 раза (вѣсего, вѣсакѣи)
т	t — 29 раз
ов	u — 3 раза; ѣ — 3 раза (хваловѣ, десатиновѣ, боѣѣ); w — 1 раз (овѣ)
у	u — 2 раза (потихѣ, домѣѣ); ѣ — 1 раз (добѣѣѣѣ)

ф	f — 3 раза (фадрисеи — bis, фадрисеа)
х	ch — 4 раза
ц	c — 5 раз
у	č — 6 раз
ш	š — 5 раз; ċ — 1 раз (што)
щ	št — 2 раза
з	ъ — 5 раз
ы	у — 6 раз; о — 2 раза (ть ^а ко, въ ^а т)
ь	ь — 5 раз; ъ — 4 раза (единь, молиль, биль, мл ^а тивь); о — 3 раза (такь, ѡакь — bis); е — 1 раз (ижь)
ѣ	ě — 8 раз
ю	и — 1 раз (прѣлюбодѣ); jQ — 1 раз (повѣдаю)
ѡ	ја — 2 раза (ѡакь — bis)
ѧ	е — 8 раз; а — 2 раза (в'сакѣи, спокармѣ ^т); jе — 1 раз (стоауи)
Ѩ	Q — 3 раза; jQ — 3 раза (сѣя, вѣздаѧ, даѧ)
Ѯ	о — 1 раз (ѡного)

Примечание: Мягкость обозначается только у парных по твердости/мягкости согласных.

2. В нашем тексте на месте некоторых звуков стоит паерок, а на месте других всякий знак отсутствует. В перечень этих случаев не включены слова под титлом или с выносом буквы под дугой, но мы принимали во внимание те, которые сокращены с выносом без дуги, ибо в истории украинской письменности подобный способ обозначения мягкости является известным.⁶

Звук Примеры

е	∅ — 1 раз (понѣ)
і	∅ — 2 раза (ѡо < *izъ, боѡ)
ъ	∅ — 14 раз (ава — bis, гае, оу < *wъ, вѧ ^м , справѣлив'шии, въ ^а т, кто — bis, пѡносѣ ^т — bis, то ^т — bis, спокармѣ ^т); ' — 3 раза (прит'уѧ, став'ши, в')
ь	∅ — 10 раз (иншѣи, неправѣниці, што, мнѣ, правды,

⁶ Ф. Е. Ткач. Палеографічно-правописні та фонетико-морфологічні особливості мови українських ділових документів XVII ст. Одеса, 1974, с. 94.

справѣлив'шїи, пѣносѣ — bis, оупадѣ, спокараѣ); ' — 6 раз
(хиш'ници, в'сего, пер'си (?), грѣш'номоч, справѣлив'шїи,
в'сакїи)

* * *

Несмотря на то, что отрывок текста был коротким, полученные данные все-таки позволяют нам вывести некоторые заключения. Пункты настоящей работы, на которых основываются наши выводы, даются в скобках.

1. Писцом применяются оба нейотированных юса (I.1.), этимологически они не перепутываются (II.1.).

2. Текст является двуеровым, с широким употреблением паерка на месте обоих редуцированных (II.2.), и с небольшим количеством буквы з (I.1.). Графема ь наблюдается, наоборот, часто, и только в конце слов (I.2.) для передачи разных прежних звуков (II.1.). Это обстоятельство позволяет нам видеть в ней знак для обозначения конца слова.

3. Древнее звуко сочетание јь передается, за одним исключением, буквой и (II.1.), следовательно, во время возникновения рукописи она могла служить и знаком звука ј.

4. В чередовании и и ї мы видим эту закономерность: в середине слов перед буквами, обозначающими "гласные" (а скорее ј или ј+гласный — II.1.), выступает ї, перед остальными графемами — и (I.7.).

5. Вынос без дуги указывает не на мягкость согласного. Буква т, например, над строкой наблюдается 7 раз (I.5.), но в этих случаях в древности за звуком т встречались и ъ, и ѣ (II.2.).

6. Из надстрочных знаков оксия (') видна, главным образом, в середине слов (80% всех ее употреблений), а камора (^) — в начале слов (80%; но если оставляем без внимания слова из одной буквы, то 73%). Вария (˘) и редкая кендима (˙) наблюдаются обычно в конце слов (95% и 75%). Комбинация знаков (˘˙) налицо только в конце слов, причем лишь над графемой и (I.9.).

Заслуживает внимания тот факт, что в реконструированном нами тексте написанию писца ѣ отвечает всегда ј (II.1.), что вызывает мысль о наличии самостоятельной буквы ѣ.

MONUMENTA LINGUAЕ RUSSICAE VETUSTAE

Redigunt: V.V. Kolesov et E. H. Tóth

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

Редакторы: В.В. Колесов и И. Х. Тот

ФРАГМЕНТ СЛУЖЕБНОЙ МИНЕИ ЗА МЕСЯЦ МАРТ

(ГБЛ, Музейное собрание, фонд 178, № 1337)

И. Х. Тот

Интересующий нас фрагмент хранится в Отделе рукописей ГБЛ (Москва). Он принадлежит Музейному собранию (фонд 178) и получил номер 1337.

Рукопись, т.е. отрывок рукописи, состоит из двух пергаменных листов, вшитых в картонную папку. Она была отделена от наружной стороны переплета старопечатного Служебника из новгородского Софийского собора. Краткую характеристику рукописи сделал И.И. Срезневский. Эта характеристика находится на верхней крышке картонной папки, в которой находится рукопись. Характеристика отрывка, сделанная И.И. Срезневским, важна тем, что она содержит основные сведения для исследователей этого памятника древнерусской письменности. Характеристика фрагмента звучит следующим образом: "Лист из служебной минеи, найденный А.Е. Викторовым на переплете старопечатной книги Новгородской Софийской библиотеки. Письмо XI века. Рукопись заключала в себе службы за март месяц. На уцелевшем отрывке находятся: 1. начало службы св. Вурилу, Кириллу Катанскому, 2. часть службы св. мученику Василию. По древним минеям и прологам служба 1-го совершалась 21, а служба 2-го — 22 марта. И. Ср." (Текст цитируется по публикации Н.Б. Тихомирова¹).

Это описание фрагмента имеет важное значение для исследователей потому, что в нем И.И. Срезневский устанавливает дату возникновения рукописи и определяет содержание ее текста. Крупный палеограф и отличный знаток древнерусских рукописей, И.И. Срезневский продолжал свои занятия над рукописью, плодом которых было издание текста фрагмента с краткой характеристикой

¹ Н.Б. Тихомиров. Каталог русских славянских рукописей XI—XII вв. Часть 1. — Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки имени В.И. Ленина. Вып. 25. М., 1962, с. 175.

рукописи. Издание и описание фрагмента были опубликованы И.И. Срезневским в знаменитых "Сведениях и заметках о малоизвестных и неизвестных памятниках" под № LI (1876). Срезневский, характеризуя письмо, устанавливает, что текст списан "почерком минейным XI века".² Ученый не только опубликовал текст рукописи, но в тех местах, где письмо, из-за плохой сохранности отрывка, невозможно было прочитать, восстановил текст минеи. Одновременно он сравнил текст рукописи с текстом служебной минеи 1413 года. Сличая текст интересующего нас фрагмента со списком 1413 г., И.И. Срезневский установил и то, что списки двух миней представляют собой разные изводы, что затрудняло правильное восстановление первоначального текста фрагмента.³ Восстановленный И.И. Срезневским текст был опубликован в скобках. Упоминается эта рукопись И.И. Срезневским еще в "Древних памятниках русского письма и языка"⁴ X—XIV веков. После труда И.И. Срезневского долгое время не находим ссылок на интересующую нас рукопись. Исключение представляет Н.К. Никольский, который в своих "Материалах" дает краткое описание рукописи.⁵ Более детальные сведения о рукописи № 1337 встречаются в "Описании Музейного собрания Отдела рукописей ГБЛ", в котором кроме палеографической характеристики фрагмента, сообщаются данные о его графической, орфографической и языковой сторонах. В "Описании" подчеркивается близость почерка интересующего нас фрагмента к письму Новгородских миней 1095—1097 гг.⁶ Характеристика рукописи № 1337 все же не лишена некоторых неточностей, которые объясняются плохим состоянием текста рукописи. Последнее по очереди детальное описание исследуемой нами рукописи принадлежит перу известного и авторитетного палеографа Н.Б. Тихомирова.

² И.И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1876, с. 191.

³ И.И. Срезневский. Указ. раб., с. 192.

⁴ И.И. Срезневский. Древние памятники русского языка и письма. СПб., 1882, изд. 2-е, стлб. 38.

⁵ Н.К. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). Корректурное издание. СПб., 1906, с. 492.

⁶ Музейное собрание рукописей ГБЛ. Описание. Т. I. М., 1961, с. 185—186.

Н.Б. Тихомиров опубликовал краткое описание рукописи в "Примечаниях" к "Каталогу русских и славянских рукописей XI–XII вв. (ч. 1)", составленному им.⁷ Н.Б. Тихомиров вносит в языковую характеристику определенные коррективы, дополняя данные "Описания Музейного собрания" (наличие флексии *-zъ* в тв. п. ед. ч. существительных и сочетания *ъгъ* в тексте рукописи). Заслуживает внимания высказывание Н.Б. Тихомирова о том, что некоторые строки, которые И.И. Срезневский в свое время не смог прочесть, в настоящее время читаются.⁸ Это обстоятельство позволяет лучше познакомиться с языковыми особенностями рукописи и позволяет восстановить ее первоначальный текст. В "Каталоге русских и славянских рукописей" Н.Б. Тихомировым был опубликован снимок л.1б. интересующего нас фрагмента, который дает понятие об этой весьма интересной рукописи.

Краткие сведения о служебной минее за месяц март находятся в "Предварительном списке славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР" (под № 14)⁹ и в "Сводном каталоге славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР" (под № 20)¹⁰. В "Сводном каталоге" собрана вся литература, относящаяся к этому малоизвестному памятнику древнерусского языка.

Подводя итоги изучению интересующей нас служебной минеи, можем выделить некоторые положения ее исследователей, которые окажутся важными и для нас в работе над рукописью.

1. Рукопись датируется XI веком, точнее сказать, она отнесена палеографами к концу XI в.

2. Письмо рукописи стоит очень близко к письму Новгородских миней 1095–1097 гг. Текст был написан т.н. "минейным почерком" XI в.

Эти положения исследователей служили для нас основными ориентирами в изучении исследуемого нами отрывка.

В конце истории изучения минеи № 1337, следует указать и на то, что в первоначальном издании, осуществленном И.И. Срезнев-

⁷ Н.Б. Тихомиров. Указ. раб., с. 175–176.

⁸ Н.Б. Тихомиров. Указ. раб., с. 176.

⁹ Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР. — Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966, с. 188.

¹⁰ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся СССР (XI–XIII вв.). М., 1984, с. 63.

ским встречаются такие примеры, которые затрудняют отнести рукопись к XI в. или к его концу. Мы имеем в виду такие примеры как *ѣки* (1а), *[вз]шедз* (2а), *кровьнзми* (2б). Рассматривая оригинал рукописи, мы убедились в том, что таких написаний в нем нет. Эти примеры являются только простыми недосмотрами первоначального издания и таким образом не имеют значения для датировки рукописи.

I. Палеография и графика

То обстоятельство, что рукопись № 1337, восходящая даже к XI в., столь долгое время не привлекала к себе внимания исследователей, объясняется — на наш взгляд — прежде всего "неудовлетворительной сохранностью" текста. Такая характеристика состояния рукописи является эвфемизмом потому, что текст читается только с большим трудом и с большим усилием. Наличие текста другого извода служб Кириллу Катанскому и Василию тоже затрудняет работу исследователей. Отсутствие параллельного текста тоже не облегчает положение исследователей. Однако, то обстоятельство, что некоторые строки, которые в прошлом веке еще не смог прочитать И.И. Срезневский, читаются в наши дни довольно хорошо, позволяет извлечь из рукописи новые данные, которые пополняют наши сведения о рукописи № 1337 и ее языке.

Характеризуя сохранность рукописи, мы приводим слова "Сводного каталога": "Листы сняты с переплета книги, поэтому сохранность текста плохая: на внеш. страницах пергамен пожелтел, затерт, в пятнах, чернила слиняли и частично осыпались (на внутр. страницах сохранность лучше, но и там текст читается не везде); кроме того пергамен по линиям сгиба просекся (лопнул) и несколько выкрошился, в нем проделаны отверстия, углы листов обрезаны, что также привело к частичной утрате текста".¹¹ Особенно поврежден текст на внешних страницах. Во многих местах он утрачен или потух. Некоторые слова можно восстановить только на основе контуров потухших букв.

Рукопись состоит из двух плохо сохранившихся пергаменных листов. Размер рукописи 26,2х21,1 см. Текст списан в один столбец. Мелкие заглавные буквы выполнены чернилами. Буквы *и*, *т*, *в*, *ѣ* оформлены геометрическим старовизантийским стилем. Текст списан в 26 строках. Письмо: мелкий устав, т.н. минейный устав. В этом отношении указываем на то, что мелкий устав извес-

¹¹ Сводный каталог... с. 63.

тен в конце XI в.¹² В тексте мы обнаружим употребление следующих букв: а, б, в, г, з (в числовом значении), д, е, ѳ, ж, з, и, к, л, м, н, о, ѡ, п, р, с, т, ѡу, х, ц, ч, ш, ю, ѡа, ѳ, зѣ, зѣ (раз), з, ѡ, а. Мы не отмечаем употребление букв: і, у, ѡ, ѡа, ѡа, ѡ, ѡ, ѡ.

Почерк ровный, старательный, мелкий. Общее впечатление о почерке можно свести к следующим особенностям: почерк потерял квадратность, симметричность, которые характеризовали древнейшее кирилловское письмо. Буквы немного вытянутые, высокие и сравнительно узкие. Для почерка характерна определенная сжатость. Письмо прямое и помещается на нижней строке. Однако мачта некоторых букв пишется с наклоном вправо. Буквы ш, щ иногда пишутся в строке. Как индивидуальную черту почерка писца следует выделить, что буквы ч, х, к имеют с правой стороны сверху росчерк, закругление в тонких линиях, что можно наблюдать и в "Листках Ундольского"¹³.

Описание отдельных букв начнем с тех букв, которые имеют хронологические приметы.

Буква ѳ выходит своей мачтой выше верхнего уровня строки и коромысло лежит на ее верхнем уровне (строки). Его правая часть слегка приподнимается с верхнего уровня строки. Коромысло может быть косым. С его обоих концов спускаются вниз треугольные черточки. Петля маленькая. Она присоединяется к мачте немного ниже ее середины. Буква сравнительно узкая.

Буква ѳ, у которой мачта пишется в строке, характерна для XI-го столетия. Заслуживает, однако, внимания, что в Новгородских минеях 1095–1096 гг. коромысло буквы ѳ пишется на верхнем уровне строки и мачта выходит за верхний уровень строки. ѳ с высокой мачтой встречается и в Изборнике 1073 и Изборнике 1076 г.

ѡ. Мы отмечаем только два случая употребления этой буквы (ѡтѡгона ѡа, ѡтна ѡа). Петли наверху сближаются, а внизу разведены. Буква пишется с сокращенной серединой. Такое начертание буквы встречается в Изборнике 1073 г.

Как своеобразную хронологическую примету оцениваем употребление буквы з в числовом значении (=6), которое встречается

¹² В.Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1918, с. 98.

¹³ Е.Р. Карский. Листки Ундольского. Отрывок кирилловского евангелия XI-го века. — Памятники старославянского языка. Т. I. Вып. 3. СПб., 1904, с. 13.

ся "в древнейших русских памятниках".¹⁴

Буквы и, ѡ, ѣ, ю представляют обычные начертания. Они имеют высокую поперечную соединительную линию, которая пишется выше середины мачты букв.

а. Начертание этой буквы очень близко к букве а. Основные линии сверху сближены и покрыты горизонтальной черточкой, штрихом. Язычек образуется ниже основных линий и доходит до нижнего уровня строки. Однако язычек поставлен ближе к левой основной линии.

а. Левая сторона буквы большая, овальная и доходит до нижнего уровня строки. Она соединяется с мачтой снизу тонкой соединительной линией.

е. Буква е овальная, узкая. Поперечная черточка пишется по середине овала. Есть вариант, у которого нижняя часть спускается под строку.

у. Правая, более тонкая часть буквы сверху украшается закруглением, как бы росчерком. Левая, более толстая линия присоединяется к правой на нижнем уровне строки. Хвостик недлинный.

ь. Мачта прямая. Овальная петля присоединяется к ней у ее середины. Мачта сверху имеет тонкий штрих, образуемый нажимом пера. Есть вариант, у которого мачта пишется с наклоном влево.

з. Имеет сходное начертание с буквой ь. Однако покрыта косой горизонтальной черточкой, которая слева спускается вниз.

ж. Буква ж не является пропорциональной: ее ширина больше высоты. Верхняя и нижняя часть буквы одинаковы. ж пишется в 3 приема, однако встречается вариант в 4 приема. Буква имеет архаичное начертание.

и. Две крайние линии не идут параллельно, сверху они сближаются друг с другом. Средняя, овальная линия не выходит под строку. Она соединяется с крайними линиями сверху с помощью двух горизонтальных черточек. Встречается вариант, у которого середина присоединяется к мачте без горизонтальных черточек или горизонтальная черточка пишется только у правой мачты.

и. Буква имеет старинное начертание. Мачты параллельные. Средняя линия касается правой мачты ниже ее середины, однако выше нижнего уровня строки.

ч. Чаша глубокая, овальная. Она занимает верхнюю половину

¹⁴ Е.Р. Карский. Славянская кирилловская палеография. М., 1979, изд. 2-е, с. 191.

строки. Имеется вариант с мелкой чашей.

7. Мачта буквы на нижнем уровне строки поворачивается вправо и спускается вниз, образуя неглубокий овал.

к. Правая часть буквы пишется очень близко к левой. На верху правой части образован сильным нажимом пера росчерк. Имеется вариант буквы, который пишется немного выше нижнего уровня строки, как бы в строке.

д. Составляющие букву линии образуют треугольник, стержни которого соединены тонкой линией на строке. Ножки буквы спускаются под строку.

в. Буква теряет свою симметричность: верхняя часть буквы меньше нижней. Петля присоединяется к верхней части буквы, а не к ее мачте.

ш. Соединяющая снизу мачты горизонтальная линия легко приподнимается с нижнего уровня строки. Имеется вариант, который помещается в строке.

щ. Буква имеет сходное начертание с буквой ш. Однако хвостик, спускающийся под строку, отдельно прибавляется к горизонтальной линии. Встречается вариант в строке.

ц. Как у буквы щ хвостик отдельно прикрепляется к букве. Встречается вариант в строке.

Остальные буквы не вызывают специальных замечаний.

Из знаков препинания и строчных знаков в интересующей нас рукописи встречается точка, которая ставится на половине высоты букв. Соединение двух, трех, четырех точек с придатком росчерков в середине встречается в заглавиях и в конце отделов. В конце отделов употреблены специальные знаки (✓), к которым присоединены точки.

Из надстрочных знаков попадают титла и дуги. Последние служат для обозначения выноса букв (буквенное титло). Титло имеет архаичный вид, т.е. образует горизонтальную линию, к началу которой прибавлена черточка, которая поднимается вверх. В конце линии другая черточка спускается вниз: ˘.

Под титлами написаны следующие слова: бѣ, бѣу, бѣи, бѣ, бѣпрѣт(не), бѣствѣи, бѣгѣмь, бѣствѣное, бѣжѣнз, бѣи, вѣдѣцѣ, гѣи, дѣмь, дѣцѣ, <дѣоу>, оѣоу, спѣа[ю]шѣ-, стѣхз, спѣение, спѣниа, сѣи, сѣа, уѣвѣкз.

Случаи выноса довольно часты. Вынос обозначается дугой, которая имеет долгий, овальный вид. Случаи выноса были отмечены

нами в следующих случаях: бѣствѣное, глѣ (в заглавиях), ерѣбѣ,

а) в начале слов: еси 1а (2х), 1б, 2б, ермѣ (в заглавиях) 1а, 1б (2х), 2а (2х), 2б, есть 1б, единъ 1б, еще 2а, еси 2а (2х), 2б, единоуада 2а, единого 2б, [е]а 2б, ·ѣ· (в числовом значении);

б) внутри слов, после букв, обозначающих как согласные, так и гласные: *прехвальнѣи* [и] (2х) *1а*, *петроу 1а*, *1б*, *приведе 1а*, *взсели са 1а*, *сего 1а*, *движения 1а*, *премощаде 1а*, *1б* (2х), *2а*, *<петро{...}> 1б*, *уюдесз 1б*, *повеление 1б*, *<навед{...}> 1б*, *спсение 1б*, *безз 1б*, *оутвържено 1б*, *великов 1б*, *корениемз 1б*, *словесз 1б*, *въселавьне 1б*, *неприятниною 1б*, *нетлѣньнѣи 1б*,

БЕСТѢТЪНЗИИ 1б, ПРЕДЗЪРА 1б, ОЗЕМЬ[С]ТВОВА 1б, НЕРАЪОУМНИИ 1б,
ВЕЛИУ[А]ШЕ 1б, ВСЕДѢТЕЛЬ 1б, ОБНОВА[Е]ННИЕМЪ 1б, ВСЕДѢТЕЛЬ 1б,
НЕМЪ 2а, ПРЕСТОИШИ 2а, НА ЗЕМЛИ 2а, ПРЕМОУДРЕ 2а,
СЗБЕЗНАУАЛЬНА 2а, ВЪСЕЛИТИ 2а, ВЪЗЪНЕСЕНЪ 2а, НЕБЕСЬНАГО 2а
(2х), ВЪЗЪНЕСЕНЪ 2а, ДРЕВО 2а, ПРЕКРАСЪНЪ 2а, ЗАТВОРЕНЪ 2б,
СЛОУЖИТЕЛЬ 2б, НЕ (2х) 2б, ПРЕПѢТА 2б, ОУТРЕНЮШЕ 2б, ЖЕЛѢЗЪ 2б,
МОЕГО 1а, ИСТАУДАШИ 1б, СОВѢТЪНЗИИХЪ 1б, РАЖАЕТЬСЯ 1б,
СЗВѢДАЕТЪ 1б, СМАННЕМЪ 1б, ОБНОВА[Е]ННИЕМЪ 1б, ТВОЕГО 2а,
ЖИТЬЕМЪ 2а, БЖИЕМЪ 2а, УЮВЪСТВИЕМЪ 2а, СТРОУЖАЕМА 2б;

В) в конце слов, после букв, обозначающих как согласные, так и гласные: б^лж^не 1а, приведе 1а, жилище 1а, воуриле 1а (3х), 1б (3х), насл^дьни^иуе 1а, премоваре 1а, 1б (3х), 2а, (в^бомоваре) 1б, теб[е] 1б, не 1б, срдце 1б, в^ьселав^ьне 1б, же (2х) 1б, 2а, 2б, еще 2а, приде 2а, слав^ьне 2а, прб^лж^не 2а (2х), мун^уе 2а, василе 2а, моваре 2б, лице 2б, блистающе 2б, иже 2б, [взз]з^ива[ше] 2б, влад^уце 2б, б^лже 2б, оутренююще 2б, повел^ение 1б, п^ение 1б, тл^ение 1б, сп^сение 1б, достохвальное 2а, житье 2а.

Как показывают наши примеры, для писца графическая норма — не писать *ю* ни в начале слов, ни после букв, обозначающих *огласные*.

Буква **на** является для писца графическим вариантом (аллографом) буквы **а** во всех положениях в словах (примеры будут перечислены ниже).

Буква **а** (в функции **а**, **я**) этимологически правильно пишется в корнях, суффиксах и в окончаниях в следующих случаях:

а) в корнях: клауашимь 1б, приатъ 2а, [проопа]та 2б, распатъ 2б, поатъ 2б;

б) в суффиксах: *отзонаша la*, *взодаши la*, *носааго lo*;

В) В ОКОНЧАНИЯХ: ВЪРЪНЗИ[А] 1а (2х), СА (3х) 1б, 2а (4х), 2б (3х), ПРОСВѢШАА 1а, БЖИА 1б, ТА 1б, 2а (2х), 2б (2х), ИЗЪ ОТРОКОВИЦА 2а,

вѣржа 2а, отвѣръзаа 2б, [ѣ]а 2б.

Мы отметили случаи этимологически неправильной постановки буквы а в м. ѣ (а) для обозначения сочетания [j+a] или "мягкий согласный" + [a] в различных положениях:

- а) а в корнях: ако 1б, 2а, (в заглавии) 2а, ражааетъ 1б, неприаѣниною 1б, Сианиемъ 1б, авиша 1б, ави 2а, [оу]аснилъ 2б;
- б) а в суффиксах: исправлаа 2а, исправлающоу 1б;
- в) а в окончаниях: движеніа 1а, моа 1б, {...}аа 1б, спѣніа 1б, {...}сѣніа 1б, цѣѣства 2а, уѣтаа 2а, мѣніа 2а, прѣпѣтаа 2б.

Вместо буквы а (=а, ѣ) ставятся буквы ѣ, а — согласно произношению древнерусского писца — в следующих положениях:

- а) в корнях: боѣриа[тне] 1а, ѣаа 1б (2х), единоѣаа 2а, клаѣащимъ 1б;
- б) в окончаниях: тѣмънѣа 1б, исправлаа 2а, авиша 1б, аѣа наѣа 2а, наѣа 2а, повиноѣа са 2а, [ѣзсѣ]лаа 2а.

Написание букв оу, ю, ѣ, а в м. ѣ, ѣа, а, ѣа свидетельствуют о древнерусском происхождении изучаемого нами памятника. Конечно, кроме этих примеров имеются и другие русизмы в его тексте, о которых будет речь ниже.

II. Фонетика

А) Гласные

1. Анализ фонетики изучаемого нами фрагмента мы начнем с разбора судьбы редуцированных в разных морфемах: в корнях, суффиксах, окончаниях, провербах, префиксах и предлогах, выделяя сильные и слабые позиции редуцированных гласных.

Корни

Буква ь пишется на месте редуцированного переднего ряда в сильной позиции: лѣсть 1а, вѣсь 1б, тѣмънѣа 1б, [ѣз]шѣа 2а, уѣстѣнѣа 2а.

Буква ѣ на месте редуцированного в слабой позиции: вѣсѣдѣтельнѣимъ 1б, вѣсѣславѣне 1б, вѣса 1б, вѣси 2б, вѣсѣхъ 2а, вѣсюдоу 2б, пожѣроу 2б, [тѣмѣ] 2б, неѣстѣивѣнѣимъ 2б, шѣ[ствѣвавѣнѣи] 1а.

Отсутствует буква ѣ в корнях в тех случаях, в которых редуцированный гласный переднего ряда был в слабой позиции: прѣаѣзѣа (в заглавии) 1б, тѣѣние 1б, неѣтѣѣнѣнѣи 1б.

Буква з не пишется на месте редуцированного непереднего ряда в слабой позиции: ѣгнѣа 1а, зѣлою 1б, зѣѣ 2б, мнѣа 1б, мнѣи 1а, мнѣѣства 1б, мнѣопрѣпѣтаа 2б, мнѣ (в заглавии) 2б.

Как показывают наши примеры, буква з отсутствует в тех

корнях, в которых редуцированный гласный непереднего ряда был в слабой позиции. Из этих примеров следует выделить корни *гзн*—ати, *мзн*—о, *мзн*—ѣ, в которых редуцированный был в абсолютно слабой позиции. Исключение представлено корнем *ззл*—, в котором редуцированный был в среднесильной позиции.

Буква *з* там, где редуцированный был в слабой позиции, отсутствует чаще, чем буква *ь* в этой же позиции. Возможно, что более частое написание буквы *ь* там, где редуцированный переднего ряда был в слабой позиции, объясняется тем, что с буквой *ь* могло сочетаться и представление о какой-нибудь мягкости предшествующего согласного.

Особо следует выделить те корни, в которых редуцированные были в положении между согласными, т.е. континуанты общеславянских сочетаний *тырт*, *тырт*/*трыт*.

Сочетания *тырт*/*тырт* можно сгруппировать следующим образом:

а) написания, в которых буква *ь/з* пишется после букв, обозначающих плавные согласные: [о]дрѣжизимз 1б, трѣпа 2а, <трѣпѣлз> 2б, отзвѣрѣаа 2б, грѣдости 2а, дзг[зи] 2б;

б) написания, характерные для древнерусского языка: смѣрти 2б, оутвѣрѣжено 1б. Последний пример может быть диалектным явлением древнерусского языка.

Сочетания, восходящие к общеславянскому корню *трыт*, мы отметили только в двух случаях: *крѣвынзи*[ми] 2б, стрѣганье 2а.

Как видно, в написаниях континуантов общеславянских корней *тырт*/*трыт* дает себя знать древнерусская речь писца. Конечно, эти примеры подтверждают древнерусское происхождение служебной минеи за месяц март.

Суффиксы

В этих морфемах употребление букв *ь/з* представлено большим числом примеров.

Суффикс *—ън*—: Редуцированный гласный был в сильной позиции в следующих случаях: *прекрасънз* 2а, *сзмзисънз* 2б. В слабой позиции находился редуцированный в следующих примерах: *наслѣдъниуе* 1а, *прѣхвалънзи*[и] 1а (2х), *вѣрънзи*[а] 1а, *бжѣтъвънѣ* 1а, *триуисъльноуе* 1а, *бжѣтъвънзи* 1б, *советънзи*хз 1б, *тъмънзи*а 1б, *славънзи* 1б, *источъникз* 1б, *въсѣдѣтельнзи*мь 1б,

*бжѣтъвънзи*мь 1б, <*бѣстѣтънзи*> 1б, *нетлѣньнзи* 1б, *въсеславъне* 1б, *блгодатънзи*хз 2а, *сзбѣзнауальна* 2а, *славъне* 2а, *небѣсънаго* 2а, *наслѣдника* 2а, *достохвальное* 2а, *устьнзи* 2а, *крѣвынзи*[ми] 2б, [бжѣтъвъноуе] 2б.

В трех примерах отсутствует буква ь там, где редуцированный гласный переднего ряда был этимологически в слабой позиции: поѣдноу 1а, присносочы 1б, неприязнию 1б. Падение редуцированного в сочетаниях s—п, z—п является общеславянским и доисторическим.¹⁶ Форма же поѣдноу может восходить к оригиналу.

Суффикс —ѣств—: бѣство 1а, {...}жѣство 1а, оземы[с]твоя 1б, множества 1б, <уювѣствиємъ> 2а, цѣства 2а, цѣствоу 2а.

Суффикс —ьск—: коумирьско[у] 1а, цѣьскзи 2а.

Суффикс —ьц—: В этом суффиксе редуцированный переднего ряда, будучи в сильной позиции, последовательно сохраняется писцом, но не переходит в гласный [е]: коньць 2а, вѣньць 2а, агньць 2а.

Суффиксы —зк—, —*ьк—, —ьл—: крѣпзко (2х) 2а, вѣньуавзшоумов 2а, {...}тьлое 1а.

Суффиксы —в—з—ш—, —з—ш—, —ь—ш—: сзгнивзшихз 1б, [вз]шьдз 2а, вѣньуавзшоумов 2а, вззлюбивз 2а, р[о]жь 1б.

Окончания

Мы отмечали употребление редуцированных в сильной и слабой позициях.

Сильная позиция: законзь 1б, поутьзь 2б, свѣтъзь 1а (?), 2б. В этих случаях написание буквы з вм. о объясняется как русизм. В конце слов буквы ь, з пишутся этимологически правильно там, где редуцированные были в слабой позиции. Отклонения от этой нормы представлены немногими примерами.

В твор. п. ед. ч. существительных мужск. рода, как правило, пишется буква ь: дѣмъ 2а, свѣтъмъ 2б, сианиємъ, житьемъ 2а, уювѣьемъ 2а, повелѣниємъ, но вѣщаниємъ 1б, корениємъ 1б. Эти примеры восходят — по всей вероятности — к протографу. В 3. л. ед. ч. настоящего (простого будущего) времени в исследуемом нами памятнике пишется буква ь вм. з, согласно особенностям древнерусского языка: есть 1а, <сзвѣдаеть> 1б, <раззаровѣаеть> 1б, ражаеть 1б. Однако заслуживает внимания, что в окончании 3. л. ед. ч. аориста выступает окончание —тз, чуждое живому древнерусскому языку: коньць бѣженз приатз 2а,

иже на кѣтъ распатз са 2б. Подобное явление известно и из

¹⁶ Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. Перевод В.В. Бородич. М., 1957, с. 147.

других памятников древнерусской письменности, напр., из Архангельского евангелия 1092 г.¹⁷

Превербы

Редуцированный, обозначаемый буквой **з** был в сильной позиции в соседних морфемах, т.к. редуцированный переднего ряда корневой морфемы выпал в слабой позиции: **предзѣра** 1б.

В слабой позиции редуцированный непереднего ряда представлен следующими примерами: **вззлюбивз** 2а, **вззнесенз** 2а, **вззѣваше** 2б, **взходаши** 1а, **вззѣваша** 2б, **взсели** 1а, **взселити** са 2а, **отзвѣзда** 2б, **ѡтзгона** 1аа, **сзвѣщаетъ** 1б, **сзгнивзшихз** 1б, **сзкроушаа** 2а, **сзподоби** са 2а, **сзвѣдома** 2б. Отсутствует буква **з** в следующих случаях: **<избавихомз са>** 2б, **изволи** 2а, **исповѣдаю** 2б, **исправи** 1а, **исправлаа** 2а, **исправлающоу** 1б, **истаудеши** 1б, **раздроушаетъ** 1б, **распатз** са 2б, **ѡгналз** 1а.

Префиксы

бестѣтънзи 1б, **сзбѣзнауаьна** 2а, **[с]звѣщании** 1б, **но смьрти** 2б.

Предлоги

В них буква **з** всегда пишется этимологически правильно: **вз** 1а (3х), 1б, 2а (3х), **бѣзз** 1б, **изз** 1б, **кз** 1б, 2а, **отз** 1б, **подз** 2а.

Отсутствует буква **з** в конце строки перед знаком, который обозначает конец строки: **<ашам>** 1а (2х).

Подводя итоги нашим наблюдениям о судьбе редуцированных можем установить следующее:

а) Редуцированные гласные в сильной позиции не выясняются, о чем свидетельствует отсутствие постановки букв **о**, **е** на месте редуцированных в сильной позиции.

б) Редуцированные в слабой позиции — в большинстве случаев — не выпадают, как об этом можно судить на основании постоянного употребления букв **ь**, **з** там, где редуцированные были в слабой позиции.

В корнях в слабой и абсолютно слабой позициях можно отметить единичные случаи отсутствия букв **ь**, **з**, что может свидетельствовать об утрате, падении редуцированного переднего ряда в сочетаниях **-зыг-**, **-тыл-**. Падение редуцированного гласного непереднего ряда можно предположить в сочетаниях: **-гьл-**, **-зыл-**, **-тьл-**, **тъл(ѣ)**. Возможно, что некоторые случаи падения редуци-

¹⁷ М.А. Соколова. К истории русского языка в XI веке. — Известия по русскому языку и словесности АН СССР. Т. 3, кн. 1. Л., 1930, с. 129.

рованных в этих корнях объясняются не только влиянием протографа, но скорее всего спорадическим падением редуцированных в начальных слогах (в абсолютно слабой позиции) уже в XI в.¹⁸

в) Суффиксы выделяются почти безошибочным написанием букв ь, з, что свидетельствует о наличии редуцированных в этих морфемах. Редкое отклонение от этой нормы объясняется или общеславянским падением редуцированного (2 раза), или влиянием протографа (в суффиксе —ьн—).

В префиксе разовое отсутствие буквы может восходить к протографу. Правильное употребление букв ь, з в окончаниях тоже указывает на наличие редуцированных в речи писца. Эти случаи употребления букв з, ь подтверждаются теми случаями их написания, которые проявляются в русизмах (—змь, —ть).

В предлогах можно отметить последовательное употребление буквы з, даже в тех морфемах, где редуцированные были "неэтимологическими", т.е. там, где их не было в общеславянском языке (бѣз, от, и з).

"Поведение" редуцированных в исследуемом отрывке не противоречит датировке рукописи концом XI в.

2. Напряженные редуцированные обозначаются буквами ь, и (=ъ) и з (=з̣). Буквой и обозначается [ъ̣] в сильной и слабой позиции в большинстве случаев:

сильная позиция: болѣзнии (своихъ) 1а, сзвѣщании 1а, (поуѣ) бжи 1а, василии 2а, 2б;

слабая позиция: движеніи 1а, повелѣнии 1б, пѣнии 1б, спсѣнии 1б, спсѣнии 1б, {...}стѣнии 1б, бжи 1б, вѣщаниемъ (sic) 1б, корениемъ (sic) 1б, Сианиемъ 1б, тлѣнии 1б, нерадоумии 1б, обновл[е]ниемъ 1б, црѣствіи 2а, бжиемъ 2а, [моуѣ]нии 2а, чювьствиемъ 2а, {...}иємъ 2б, бжиимъ 2б.

Только в немногих случаях встречается буква ь для обозначения гласного [ъ̣] в слабой позиции: житѣ 2а, житѣмъ 2а, стрѣзганы 2а, бл̣годать 2б.

Гласный [ъ̣] в сильной и слабой позициях изображен буквой з: шь[стѣвовавзи] 1а, прѣхвальнзи[и] (2х) 1а, славьнзи 1б,

бѣстѣнзи 1б, црѣскзи 2а, {...}стзи 2б, (сильные позиции), вѣрнзи[а] 1а, тьмьнзи 1б, советьнзи 1б.

3. О судьбе гласного, обозначаемого буквой ѣ можно представить себе картину на основании правильного или неправильного употребления буквы ѣ в различных морфемах.

¹⁸ Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, с. 156.

Корни: оувѣрилз 1а, вѣровати 1а, наслѣдъниче 1а, пѣ̑ (в заглавиях) 1а, 1б (2х), 2б (2х), побѣдоую (sic) 1а, просвѣщаа 1а, вѣрънзи[а] 1а, свѣщании 1а, крѣпость 1б, пѣние 1б, вѣщаниемз (sic) 1б, дѣла 1б, рѣков 1б, рѣкзи 1б, оукрѣпивз 1б, 2а, <свѣдаеть> 1б, тѣмь 1б, свѣтоу 1б, всѣдѣтельнзъмь 1б, вѣньць 2а, просвѣтити 2а, вьсѣхз 2а, крѣпко 2а (2х), наслѣдника 2а,

нѣ̑ (в заглавии) 2а, тѣло 2а, вѣньуавзшоумоу 2а, вѣр{...} 2а, оукрѣпи 2б, бѣсомз 2б, <исповѣдаю> 2б, дѣво 2б, желѣззи 2б.

Суффиксы: болѣзнии 1а, повелѣние 1б, повелѣниемъ 2а, {...}стѣниа 1б, нетлѣньнзи 1б, тлѣние 1б, корениемз 1б. В суффиксе мы отметим единственное неправильное написание буквы ѣ в м. е. перед слогом с гласным переднего ряда: искорѣни 1б (но корениемз 1б).

Окончания, концы слов: бѣствѣнѣи 1а, бѣ 1б, вѣз мракотѣ 1б, мнѣ 2б, крѣтѣ 2б, дѣцѣ 2б.

На основании наших данных можно заявить, что буква ѣ — за одним исключением — правильно пишется в корнях, суффиксах, окончаниях, не смешиваясь с буквой е. Все это позволяет установить, что гласный, обозначаемый буквой ѣ, был фонемой в речи писца.

Однако имеется группа слов, чужих по своему происхождению для писца, в которых буква ѣ последовательно заменена буквой е. Мы имеем в виду континуанты общеславянских сочетаний *tert*, *telt* с метатезой, которые в таком виде были чужды древнерусскому писцу.

Наши материалы распределяются следующим образом: прѣхвальнзи[и] (2х) 1а, прѣмоуаре 1а, 1б (2х), 2а, прѣдзѣра 1б, прѣкрасънз 2а, древо 2а, прѣкрасънз 2а, многопрѣѣтаа 2б.

Написание континуантов общеславянских сочетаний *tert*, *telt* с буквой е в м. этимологически правильного ѣ объясняется книжным, церковным произношением, выработавшимся на Руси, согласно которому в формах с метатезой гласный, обозначаемый буквой ѣ произносился как гласный [e].¹⁹ На основании наших данных, взятых из интересующего нас фрагмента, можно констатировать, что церковно-книжное произношение буквы ѣ в формах с метатезой под конец XI в. уже установилось на Руси.

¹⁹ А.А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Петроград, 1915, с. 168.

Б) Согласные

1. Рассматривая особенности согласных прежде всего следует остановиться на отражении общеславянского сочетания *dj в тексте интересующего нас фрагмента.

На месте сочетания *dj встречается согласный [ž'], как характерное для древнерусского языка отражение этого сочетания: ражаеть са 1б, побежаеми 1б, р[о]жь 1б, оутвьрьжено 1б. Этими примерами исчерпаются все случаи этимологических рефлексов общеславянского сочетания *dj. Это обстоятельство позволяет предположить, что произношение слов с древнерусским согласным [ž'] на месте общеславянского сочетания *dj в русском церковно-книжном языке было выработано уже к концу XI в. Наличие буквы ж на месте общеславянского сочетания *dj свидетельствует о древнерусском происхождении мартовской минеи.

2. Что касается рефлексов общеславянских сочетаний *tj, мы можем установить, что на их месте выдержано пишется буква щ: жилище 1а, просвѣщаа 1а, вѣщаниемъ 1б, вѣходяши 1а, величаще 1б, носашаго 1б, исправляющу 1б, клаущимъ 1б, блистающе 2б.

3. После букв ж, ш, щ обыкновенно ставятся писцом буквы а, оу: навиша 1б, вѣщаниемъ 1б, носашаго 1б, оустрашюу са 2б, исправляющу 1б. Однако после буквы ч можно наблюдать колебание в употреблении букв. Мы видим с одной стороны написания в роде чааа 1б, единочааа 2а, величаще 1б, вѣнчавшюумоу 2а, но с другой стороны можно встречать и написания с буквой ю: лоучюу 1а, чюдесъ 1б, чювьствиемъ 2а. Последние примеры свидетельствуют о мягком произношении аффрикаты [č']. Мягкое произношение можно приписать речи писца, которая отражается и в графике рукописи.

4. Вставочное [d] мы отметили раз: раздѣроушаеть 1б.

III. Морфология

В морфологическом отношении исследуемый нами фрагмент не выделяется богатством и разнообразием форм. Его морфология не представляет собой чего-либо особенного в сравнении с другими древними памятниками русского языка.

1. В области склонения существительных обращают внимание на себя следующие особенности:

а) Влияние существительных с основой на -й на склонение существительных мужск. рода с основой на -ї и на разносклоня-

емые существительные мужск. рода: гѣи 1а, [г]ѣи 2а, цѣи 2а (д. п. ед. ч.).

б) Наличие своеобразной древнерусской флексии (—змь) в твор. п. ед. ч. существительных мужск. рода: <свѣтзмь> 1а (?), (свѣтзмь) 2б, законзмь 1б.

в) Сохраняются особенности склонения существительных ср. р. с основой на —os—/—es—: уюдесз (род. п. мн. ч.), словесзи (тв. п. мн. ч.).

г) Отмечается наличие своеобразных гибридных форм, образованных контаминацией древнерусского произношения и падежных флексий оригинала: просвѣтити дѣа наша 2а (вин. п. мн. ч. ж. р.).

2. В склонении полных прилагательных можно выделить наличие стяженных форм в косвенных падежах: неібесьнаго 2а, неіноуіоу 2а, всѣдѣтельнзъмь 1б, уистзъмь 2а, бѣгзъмь 2а, бѣгодатынзихз 2а, бѣжствынзими 1б, но советынзихз 1б, <неуѣстивзимыз> 2б (д. п. мн. ч.).

3. В спряжении глаголов нами отмечены следующие особенности:

а) Наличие окончания —ть в 3 л. ед. ч. глаголов настоящего времени: есть 1а, <сзвѣдаеть> 1б, <раздорушаеть> 1б, ражаеть 1б. Однако в 3 л. ед. ч. аориста употребляется окончание —тз, восходящее к протографу: приатз 2а, распатз са 2б.

б) Из форм прошедших времен заслуживают внимания:

— наличие форм аориста: приведе 1а, приде 2а, бѣи 2а (2х), исправи 1а, показа 1а, остави 1б, авиша са 1б, приложи 1б, сзподоби са 2а, изволи 2а, ави са 2а, оукрепи 2б, избавихомз са 2а, приатз 2а, распатз 2б, пом 2б;

— перфект употребляется со связкой: ѡгналз еси 1а, оувѣрилз еси 1а, наоучилз еси 1б, покорилз еси 2а, сзкроушилз еси 2а, <тѣрпѣлз> еси 2б. Форму <оуаснилз> 2б не можем считать примером на утрату связки, т.к. текст смыт и невозможно определить его продолжение. В "Описании Музейного собрания" отмечается, что отсутствует связка в перфекте: възлюбилз 2а.²⁰ Внимательно рассмотрев текст, мы определим, что в данном случае мы имеем дело с действительным причастием прош. времени (им. п.

²⁰ Музейное собрание... с. 186.

ед. ч. м. р.): *вззлюбивз*. Наши примеры дают право утверждать последовательное сохранение связки в перфекте.

— имперфект был обнаружен нами два раза: *ѣѣ 1б*, *[ѣзз]зѣва[ше] 2б* (с контракцией).

4. Причастия обильно представлены в языке изучаемого нами фрагмента.

Причастие действ. залога наст. времени можно встречать в следующих примерах: им. п. ед. ч. м. р.: *блистаа 1а*, *просвѣшаа 1а*, *исправлаа 1б*, *повиноуа са 2а*, *хота 2а*, *<трѣпа> 2а*, *[взсзѣ]лаа 2а*, *сзкроушаа 2а*, *отзворѣаа 2б*; р. п. ед. ч.: *ѡтзгонаша 1а*, *носащаго 1б*; тв. п. ед. ч.: *клауащимь*; им. п. ед. ч. ж. р.: *взходаши 1а*; им. п. мн. ч. м. р.: *величаще 1б*, *блистающе са 2б*, *оутренююще 2б*; р. п. мн. ч.: *сзгнивзшихз 1б*; д. п. мн. ч.: *соущимз*, *одръжимзѣмз 1б* (страд. залог).

Причастия прошедшего времени представлены следующими примерами:

— действительные причастия: им. п. ед. ч. м. р.: *шь[ствовавзѣн] 1а*, *вззлюбивз 2а*, *страдавз 2а*, *оукрѣпивз 2а*, *оувидѣвз 2б*; д. п. ед. ч. м. р.: *вѣньвавзшоумоч 2а*;

— страдательные причастия: им. п. ед. ч. м. р.: *вззнесенз 2а*, *затворенз 2б*; р.—вин. п. ед. ч. м. р.: *пропата 2б*, *строужаема 2б*.

Изучение причастных форм в интересующем нас отрывке полностью подтверждает наблюдение В.В. Колесова о том, что причастные конструкции сохраняются при последующих многократных переработках и копиях, хотя они несомненно входят в состав церковно-книжного языка.²¹

IV. Заключение

Фрагмент мартовской минеи в настоящее время представляет собой плохо сохранившийся жалкий остаток некогда большой, красиво выполненной рукописи. Несмотря на "неудовлетворительную сохранность" рукописи, она служит источником интересных сведений о церковно-книжном языке конца XI в.

Важнейшие выводы, которые можно сделать на основе данных рукописи, сводятся к следующему:

1. В конце XI в. графическая система древнерусских рукописей, особенно миней, значительно упрощается по сравнению с их протографами. Графика нашего памятника показывает, что тенденция упрощения графики была заметной и последовательно проводи-

²¹ В.В. Колесов. Древнерусский литературный язык. Л., 1989, с. 18.

мой древнерусскими писцами.

2. В фонетической системе интересующего нас отрывка прежде всего отражается фонетическая система его протографа/ протографов. Однако **речь древнерусского писца** тоже отражена в языке рукописи. В этом отношении мы обращаем внимание на то, что русизмы отражаются здесь в двух категориях явлений:

а) спорадические русизмы, которые, попадая в язык рукописи, еще не превращаются в конститутивные элементы древнерусского церковно-книжного языка. (Таковыми являются, напр., написания древнерусских континуантов общеславянских сочетаний *tyrt/tyrt* в нашей рукописи.)

б) последовательно проводимые русизмы, которые, проникая в церковно-книжный язык, становятся его конститутивными элементами (например, ж на месте общесл. сочетаний **dj* или смешение "юсов" с буквами *оч, ю, а, ѡ*, которые отражают важную фонологическую черту древнерусского языка).

Наряду с этими категориями представлены и некоторые элементы искусственного церковно-книжного языка (напр., произношение *ѣ* как [e] в определенных словах).

Не надо забывать, что графическая система оригинала играет тормозящую роль в отражении русизмов: этим объясняются непосредственные написания определенных слов, разного рода компромиссы в графике или возникновение гибридных написаний и форм. С течением времени число гибридных и искусственных элементов растет и они становятся конститутивными элементами церковно-книжного языка на Руси.

Вышеизложенные процессы хорошо отражаются фрагментом Служебной минеи за март, несмотря на ее небольшой объем, плохую сохранность текста и пр. Все это явно показывает, что каждый кусочек старой книжности представляет собой значительную ценность для исследователей разных специальностей, которой нельзя пренебрегать.



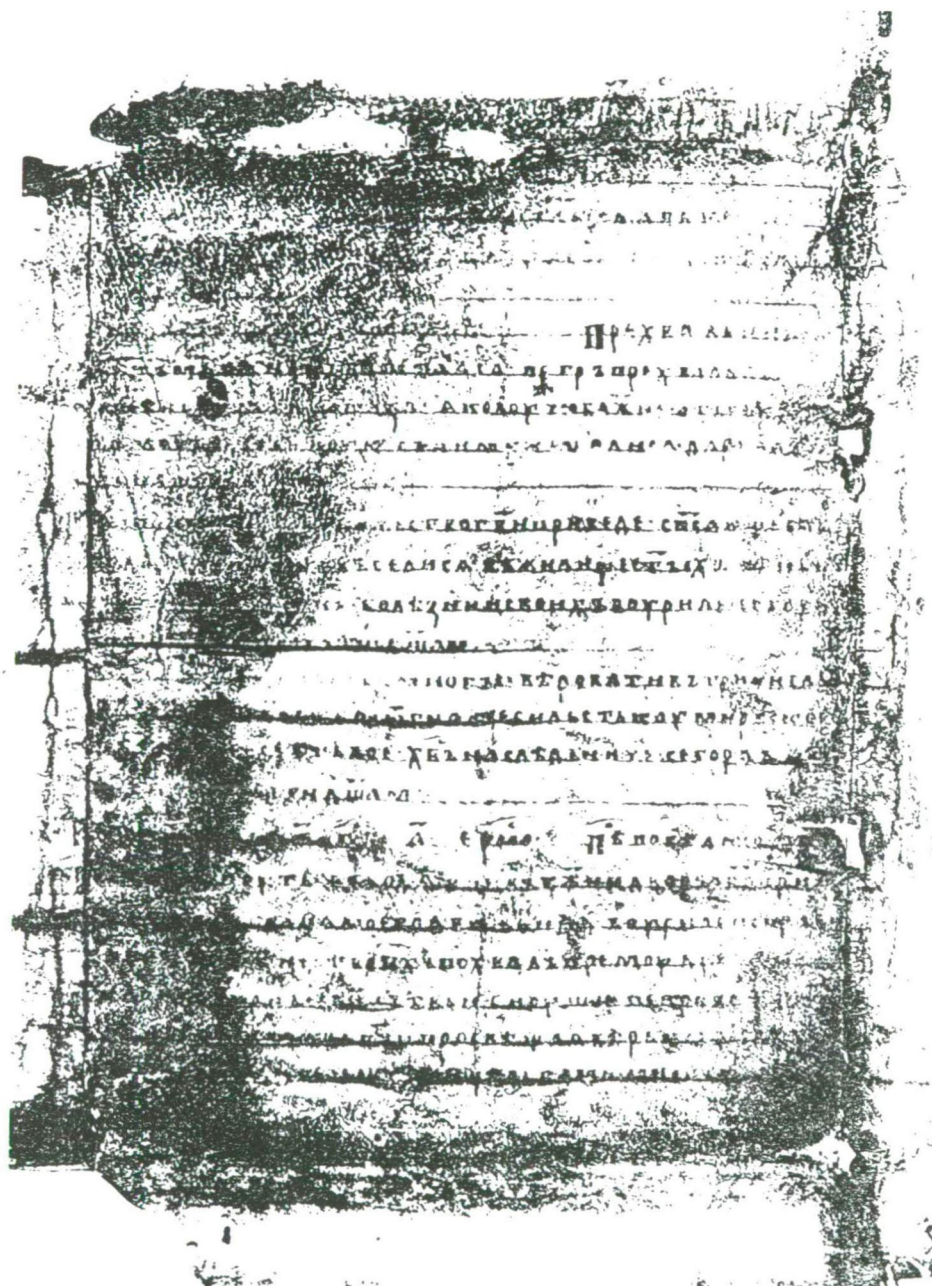
СЛУЖЕБНАЯ МИНЕЯ ЗА МАРТ

- 1 (м̂ ца того) (вз · к̂а ·) ст̂го (о̂ца) воуѣ[ила]²²
- 2 (с̂ѣ · гла̂ · а̂ · п̂ѣ · просвѣтѣ са) ·
- 3 (ст̂мь а̂хмь просвѣщенъ ст̂лю)
- 4 (и многѣи просвѣти а̂ша ст̂зімь)
- 5 (си оуѣениемь · тѣмь та верно утемъ)
- 6 (вѣриле) (прехвальнѣи) · (стр̂жѣ · гла̂ · а̂ · п̂ѣ ·) прехвальнѣи[и]
- 7 <свѣтѣмь> ѣ(иномь) блистаа са · петроу прехвальнѣи[и]
- 8 (вселенѣи) (с̂лнца та посла) ако ловѣю бл̂жне шт̂згона
- 9 (ша тмоу горкаго безбожна) {...}
- 10 {...}
- 11 (гл̂зі) (пр̂ѣнѣими) {...} жѣство г̂ѣи приведе · сп̂са[ю]шѣ
- 12 {...} вѣсели са · вѣ жилище ст̂зіхъ {...}
- 13 {...} болѣзнии своихъ воуѣриле {...}
- 14 {...} <а̂шам>:—
- 15 (уѣдесѣи) [оуѣ]ѣрилъ еси многѣи · вѣровати вѣ триуисль[ноне]
- 16 (бл̂жноне) б̂жство <ѣг̂налъ еси л̂сть коумирьско[у]
- 17 {...} <т̂лое · х̂ѣз̂ наслѣднѣи · сего ради>
- 18 · <ти а̂шам>:—
- 19 (ка̂ · гла̂ · а̂ · п̂ѣ · а̂ · ер̂м̂ѣ п̂ѣ побѣдоу (вспоимъ вси)
- 20 (люди) · ·
- 21 ѡ (ствовавѣи) поутѣ вѣходаши вѣ б̂жи дворѣи б̂ѣѣи
- 22 (тне уѣвѣствѣи) моего движения воуѣриле исправи
- 23 {...} <твоихъ похвалъ премоудре> {...}
- 24 (Приложѣи) (вѣ)риле б̂жствѣи си оуши {...} <петро>
- 25 {...} б̂жѣи просвѣщаа вѣр̂нѣи[а]
- 26 {...} бами {...} мно{...}

1a

²² () — Реконструкция И.И. Срезневского. [] — Текст, реконструированный по высвеченным следам стершихся букв.

< > — Часть текста, которую нам удалось прочитать. { ... } — Буквы, которые невозможно прочитать.

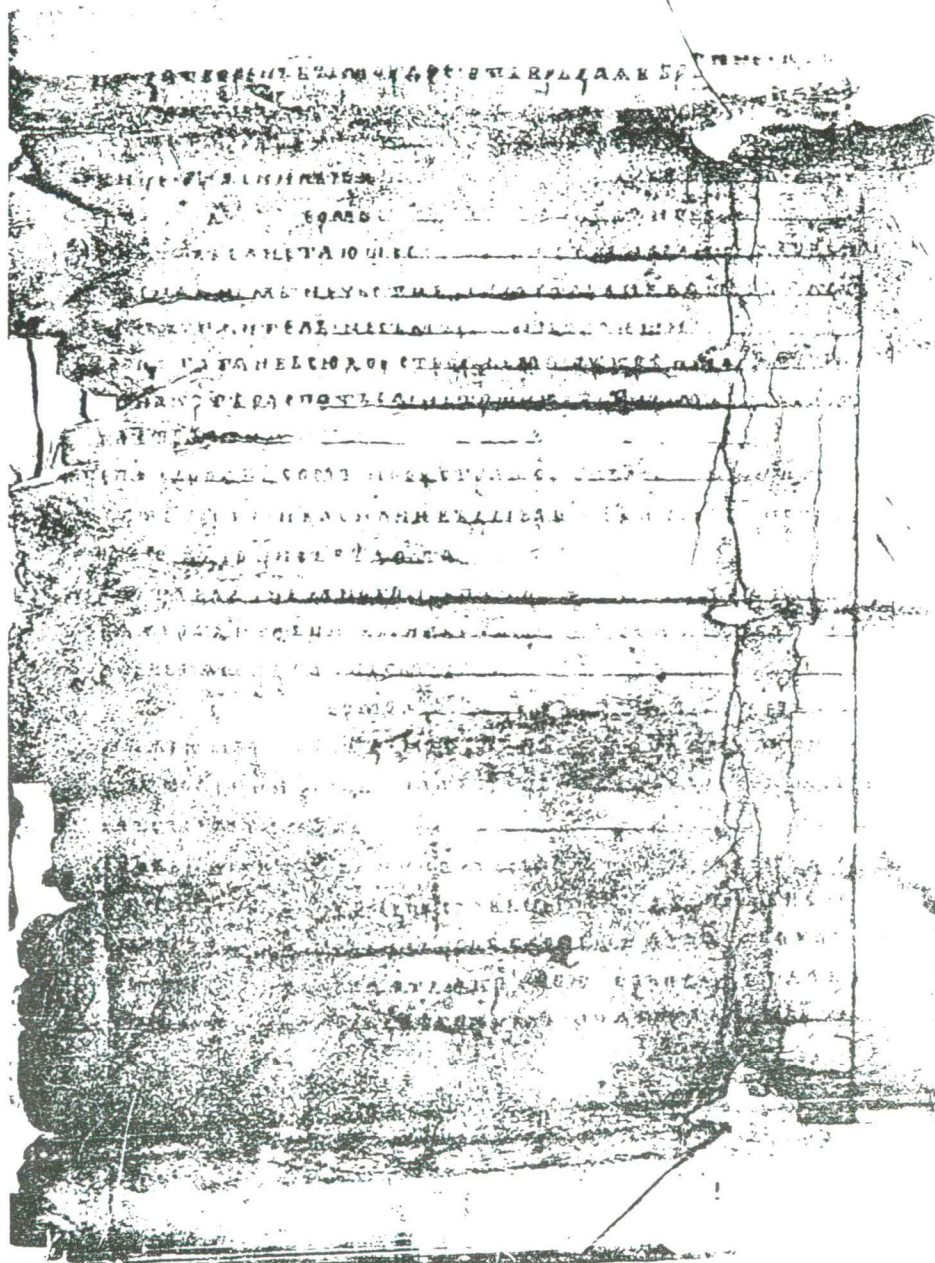


- 1 (ГЛѢИ)[С]ЗВѢЩАНИИ ТВОИХЪ·И·УЮДЕСЯ (БЖТВЪНОЕ)
ПОВЕЛѢНІЕ· КЗ Б{...}
- 2 [РА]ЗΟΥМОУ·ЛЮДИ <НАВЕА{...}>
- 3 <БОМОУДРЕ·ВОУРИЛЕ>
- 4 Крѣпость моя· и пѣние· и спѣсение· ХЪ есть {...}аа·
{...}{?} те
- 5 <Б[Е] АКО УЛѢКЗИ СПѢСІИЯ РАДИ МНОГА· БЕЗЪ {...}СѢНІЯ СА>
- 6 <Р[О]ЖЬ· И БЪІ· АКО НЕ БЪ>:—
- 7 ·Х· ПѢ· ·Г· ермѢ· Оутвържено (sic) ми бовди сѣце—
- 8 Снѣи бѣиа премоудре показа· уада водою·присносочушь
- 9 (НА)ОЦЮУ <И ВЪСА НАОУУИЛЗ ЕСИ ВѢЩАНИЕМЪ (sic) ·И ДѢЛА
РОУ>
- 10 <[К]ОУ ТВОЕЮ ИСПРАВЛЯЮЩОУ>:—
- 11 НА[К]О ВЕЛИКОУ РѢКОУ·ВОУРИЛЕ· ОТЪ ИСТОУЪНИКЪ ХЪЗ ИСТА
- 12 УАЕШИ· ТА ОСТАВИ СЛАВЪНЗИИ ПЕТРЪ· КОРЕНИЕМЪ (sic) СЛОВЕСЪІ
- 13 [С]ВОИМИ· ИСКОРѢНИ ТЪМЪНЗИНА (sic) РѢКЪІ (sic) ·СОУЕТЪНЗИИХЪ:
- 14 БЖТВЪНЗИИ ЗАКОНЪІ ОУКРѢПИЛЗ ЕСИ· СЗГНИВЪШИХЪ
- 15 ВЪСЕСЛАВЪНЕ (sic) ·<ЗЛОБОЮ НЕПРИАЪНИНОЮ· ЗАКОНЪМЪ ЖЕ>
- 16 <ПОБѢЖАЕМЪ>:—
- 17 ОЛЕ ТАИНА ГЛОУБИНЪІ МНОЖЪСТВА· БЪ РАЖАЕТЪ (sic) СА·ИЪЗ
- 18 ОТРОКОВИЦА <НЕТЛѢНІЕМЪІ·И ТЛѢНІЕ РАЪДРОУШАЕТЪ>
- 19 <{...}РАМИ·ИХЪЖЕ СЗВѢДАЕТЪ· ЕДИНЪ БЕСТѢТЪНЪІ>:—
- 20 ПѢ· ·А· ермѢ ДХМЪ ПРЕДЪЗРА· ПРѢКЪ:—
- 21 [С]ИАНІЕМЪ БЖТВЪНЪІМЪ СИ ПРЕМОУДРЕ· ТѢМЪ ОЗЕМЪ
- 22 [С]ТВОЕА· И СОУШИМЪ ВЪ МРАКОТѢ· И НЕРАЗΟΥМИИ З{...}
- 23 [О]АРЪЖИМЪІМЪ· УАДА АВИША СА СВѢТОУ· ВОУРИЛЕ·
- 24 <ХА ВЕЛИУАШЕ>:—
- 25 (ОУМЪ) СВОИ ВЪСЪ (sic) ·ПРИЛОЖИ ПРЕМОУДРЕ КЗ БОУ ОБНОВЛ[Е]
- 26 [НИ]ЕМЪ НОСАЩАГО <ВЪСЕДѢТЕЛЬНЪІМЪ (sic) КЛАУАШИМЪ>

[illegible]

- 1 [твон]хз· стопз исправлѧ· еше же и вѣ цѣ^ѣскзи
 2 ([г]радз вѣ)шѣз и вѣ немь [коньцѣ] блжнз приатз и кз
 3 (несноумоу) градоу вѣньцѣ (носа) приде и цѣ^ѣви ѿ<оу>
 4 нзи^ѣ (sic) престоиши (sic) · [его же моли] спсти и просвѣ
 5 тити аша наша·:—
 6 ·х· ка^ѣ гла^ѣ ·з· пѣ^ѣ ·а· ермѣ^ѣ·ѧко по соухоу хо:—
 7 Твоего цѣ^ѣствия славоу вѣсѣхз цѣ^ѣю ·уѣстынзи васи
 8 лии вѣзлюбивз <крѣпко ·на земли и страдавз·имь>
 9 <же цѣ^ѣствоу не^ѣсноумоу сзподобѣ са·:—>
 10 достохвальное житѣ· и уѣтаа жити славне ·подви
 11 га же поуѣ наследника показа бжиа и ж{...} не
 12 беснаго {...} прѣлжне:—
 13 Повиноу са [г]ѣи блжнмь житѣмь премоудре ·покор[илз]
 14 еси врагзи и подз ногаа сзкроушилз еси ·оукрѣпивз
 15 <са на [·немь] муѣуе ·василе:—>
 16 Оѣ[оу] сзбѣзнауальна· и· единоюаа· изволи вѣселити
 (sic) са вѣ
 17 <прѣ^ѣ[тоу] твою оутробоу· и уѣвкз бѣ^ѣи спсти хотя уѣвѣ
 18 кзи блгодатию:—>
 19 ·х· пѣ^ѣ ·г· ермѣ^ѣ· не^ѣ стѣ оубо ако же тзи:—
 20 Вѣзнесенз бѣ^ѣи ако агньцѣ· на древо прѣлжне стрзгань (sic)
 21 <иѣ трѣпа крѣпко· и сзкроушаа вражиа грѣдости·си>
 22 <лоу и бжи^ѣмь дхмь>:—
 23 ранами [мѣн]иа · тзи прекраснз ави са· <ашоу и тѣло>
 24 <уювѣствиемь уистзи^ѣмь блгодатнзихз гла> [вѣсзи]ла
 25 <на вѣнуавшоумоу та:—>:—
 26 Бжи^ѣмь повелѣниемь ·хранитель сзи бѣ^ѣи (бмоудре)

- 1 <НЕ·ЗАТВОРЕНЪ БЪИ МОУДРЕ·ОТЗВРЪЗАА ВЪР> {...}
- 2 {...}
- 3 <ЛИЦЕ ОУАСНИЛЪ> {...}
- 4 ПѢ·Д·ЕРМОЪ ХЪЗ (МНѢ СИЛА БЪЗ И ГЪ).
- 5 [ОУВИДѢ]ВЪЗ (sic) БЛИСТАЮЩЕ СА (ТВОЕ БЖСТВЕНОЕ ЛИЦЕ)
- 6 {...}<ИЕМЪ НЕУЪСТИВЪЗИМЪ {...} АКО>
- 7 [ТЪМЪЗІ] СЛОУЖИТЕЛЬ НЕ СЪМЪЗСЛЪН[Ъ]{...}РАДѢШИ>:-
- 8 ([ПРОПА]ТА ТА И ВЪСЮДОУ СТРОУЖАЕМА ОУКРЕПИ ТА)
- 9 (СЛОВО) <ИЖЕ НА КРѢТѢ РАСПАТЪ СА И> {...}
- 10 {...}
- 11 НЕ ПОЖЪРОУ БѢСОМЪ НЕ ОУСТРАШОУ (sic) СА СМЪРТИ {...}[И]
[МОУКЪЗІ]
- 12 <{...}СТЪИМЪ ВАСИЛИЕ ВЪЗЪИВАШЕ ЕДИНОВОГО БѢ ИСПОВѢ·>
- 13 [ДАЮВЪЗ] <ТРѢИМЪ СЪВѢДОМА:->
- 14 (ПОУ) ТА ВЛАДЪЦЕ МНОГО ПРЕПѢТАА (БЛГВЛЮ ТА ДѢВО)
- 15 <[Е]А ЖЕ РАДИ УЛѢЦІ ВЪСИ>{...}
- 16 {...}<ИЗБАВИХОМЪ СА:->
- 17 (ПѢ·Е·ЕРМОЪ БЖИИМЪ СВѢТЪМЪ ТИ БЛЖЕ ОУТРЕНЮЩЕ ДЦѢ)
- 18 {ТАЖЪКЪЗИМЪ} ЖЕЛѢЪЗІ (СКОРУЕНЪ·ЯКО ЛЕГКО ГНЕ ИГО)
- 19 {НОСИТИ ИЗВОЛИ}{...}
- 20 КРЪЗВЪНЪЗІ[МІ] (sic) (ТЕУЕНИИ САМЪ СЕБЕ УКРЪВАВІ·ВО ИСТИ)
- 21 (НОУ МЪНУЕ ВАСИЛИЕ)
- 22 ОУКРѢП[ЛАЕМЪ БЛГОДАТЪЮ] КРѢТНОЮ <ТРѢПѢЛЪ>ЕСИ ДЛЪ [ГЪИИ]
(sic) И
- 23 {ЛЮТЪИИ ПОУТЪ} ЗЛѢ ГОНИМЪ·ПОА ПОУТЪМЪ (МЪНЪЗІА СВОЕГО)
- 24 (ВЕСЕЛА СА И РАДОУНА СА· ХѢ РАДОУ КЪЗ ТЕБѢ).



Минея в честь Василию Анкирскому²³
 Церковнославянский вариант "Служебной минеи за март"

Песнь 1

Ирмос: *Яко по суху, пешествовав Израиль/ по бездне сто-
 пами,/ гонителя фараона/ видя потопляема,/ Богу победную песнь
 поим, вопияше.*

Твоего царствия славу, Всецарю, славный Василий возлю-
 бив,/ крепко на земли пострада,/ имже Царства Небеснаго нас спо-
 доби.

Достохвальное житие и чистое жительство, славне, подви-
 гов стезя/ наследника показаша Богу и гражданина Небесна тясоде-
 лаша.

Повинувся Господу, благим житием, премудре, повинул еси
 врага/ и ногами попрал еси сего,/ светло воевав на него, мучениче
 Василие.

Кровей теченьми, мысленнаго фараона погрузил еси всевоин-
 ство яко воистинну/ и к земли востекл еси, мудре,/ идеже облак
 страдальцев присно веселится.

Богородичен: Отцу Сый Единороден,/ восхотев, вселися во
 Твою пречистую утробу/ и Человек бысть, Чистая, за благодать спас-
 ти хотя человеки.

Песнь 3

Ирмос: *Несть свят,/ якоже Ты, Господи Боже мой,/ вознесый
 рог верных Твоих, Блаже,/ и утвердивый нас на камени/ исповеда-
 ния Твоего.*

Возвысився, якоже агня, на древе, всеблаженне,/ строгания
 терпя мыслию твердою/ и низлагая врага возношения силою Бо-
 жественнаго Духа.

Язв, мучениче, добротами краснейший явился еси душею и
 телом,/ мыслию чистою благодарственныя гласы воспушая/ Подви-
 гоположнику твоему.

Велико звание иша велемудренным нравом,/ великия подвиги
 претерпел еси, мудре,/ и вельми присно взимающагося, мучениче,
 смирил еси.

²³ Текст приводится по изданию Московской патриархии. "Минея
 март". Часть 2. М., 1984, с. 130–133. (Опущены ударения и те места,
 которых нет в рукописи № 1337.)

Божественных хранитель быв повелений, Богомудре,/ в темнице затворяемь, верным отверзая учения путь,/ в широту разума вводящий.

Богородичен: Разумев издалече Твое зачатие Исаия Духом, Откровице,/ уясни сие, вопия:/ се во утробе Дева Бога зачнет.

Песнь 4

Ирмос: *Христос моя сила,/ Бог и Господь,/ честная Церковь/ боголепно поет, взывающи,/ от смысла чиста о Господе празднующи.*

Видев облистаето твое Божественное лице зарею духовною,/ злочестивый, мучениче, дивляшися/ и яко тмы служитель нечувственно объюродеваше.

Премудрестию лучшею удобряемь,/ мудрецы еллинския Богоначальною силою обуил еси/ и, пострадав терпеливно, победы венеч восприял еси.

Простерта и всюду изчленяема,/ укрепляше тя Слово, Иже на Кресте простресе, Василие,/ и страстию верным даровав безстрастие.

Не жру демоном, ни устрашаюся смерти, ни мук вида, — священный взываше Василий, — / Единого Бога исповедую, в Троице познаваемого.

[...]

Песнь 5

Ирмос: *Божим светом Твоим, Блаже,/ утренюющих Ти души любовию озари, моллюся,/ Тя ведети, Слове Божий,/ истинного Бога,/ от мрака греховнаго взывающа.*

Железа тяжестию слячен быв, якоже легчайшее иго Господне носить изволив,/ на Творца выю сверепствовавшего,/ врага гордаго, мучениче, смирил еси.

С веселием железными, мучениче, обложен узами,/ места от мест претекл еси,/ сими, якоже мнисты, красуюся, Василие,/ и веселя Подвигоположника твоего.

Кровными течении сам себе, мучениче,/ обагрил еси воистинну царскую одежду, славне,/ победы же венцем обложен, Христу сцарствуеши, радуяся, Василие.

Утверждься благодатию креста,/ претерпел еси далекий и лютый путь, бедно гоним, поя:/ на стези свидетельств твоих, красуюся и радуяся, Слове, пойду.

[...]

Ханну Томмола. **Аспектуальность в финском и русском языках.** Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja, No 28, Helsinki, 1986, 344 с.

Книга профессора Тамперенского университета включает в себя следующие разделы: введение, к теории аспектуальности, аспектуально-темпоральные значения, аспектуальный статус падежа объекта в финском языке, другие аспектуальные средства финского языка, заключение.

Во "Введении" указывается, что "предметом исследования являются категории, выполняющие функции передачи в данных языках способов сказуемости действия, события, процесса или состояния во времени", то есть грамматические категории вида (в русском языке) и времени (в обоих языках), категория падежа объекта с точки зрения ее аспектуального статуса (в финском языке), формально характеризованные способы действия и формально нехарактеризованные группы глаголов с общим аспектуальным значением, так называемые "количественные объектоиды", обстоятельства меры, а также их функциональные связи в сопоставительном плане.

В главе "К теории аспектуальности" излагается понимание автором терминов "целостность", "предельность" и "перфективность". В трактовке автора обозначаемые ими понятия соприкасаются, но не совпадают. Термины "аспектуальность", "аспектуальный", "целостный", "предельный" имеют универсально-семантический характер и могут использоваться для описания семантики предложений любого языка, термины "вид", "видовой" закрепляются исключительно за глагольными видами славянских языков. Термины "СВ" и "НСВ" вне славянских языков не должны применяться. "Когда мы говорим об аспектуальной грамматической категории других языков, мы пользуемся терминами **аспект** (категория), **перфективный** и **имперфективный** (граммемы), если в данном языке нет другого приемлемого названия для этих понятий" (с. 13). Термины "вид" и "аспект", "совершенный" и "перфектный", "несовершенный" и "имперфектный" в словарях лингвистических терминов обычно даются как общепринятые синонимы. Индивидуальное понимание этих терминов нам кажется не совсем удачным. Более удобным представляется употребление термина "аспектуальность" для универсального обозначения способа протекания действия, которое выражено глаголом и существительным. Внутри аспектуальности разграничиваются **вид** как морфологическая категория независимо от того, о каком языке идет речь, **способы действия** (Akti-

onsarten) как формально характеризованные лексические группы глаголов и синтагматические способы обозначения ограниченности/неограниченности действия каким-либо пределом. При этом следует иметь в виду, что категория аспектуальности часто имеет не отражательный, а интерпретационный (специфически языковой и индивидуальный) характер, то есть аспектуальные противопоставления отражают не определенные свойства реальных действий, а взгляд говорящего на действие и специфические свойства и возможности отдельных языков в этом отношении. Автор прав, что в предложениях типа *Мы говорили с ним полчаса* — *Мы поговорили с ним полчаса* (даже *Мы проговорили с ним целые полчаса*) "различия в протекании действия в конкретной действительности исключены" (с. 17). Но из этого не следует, что эти предложения "однозначны семантически". Предложение *Мы говорили с ним полчаса* равнозначно предложению *Мы поговорили с ним только полчаса*. Употребление способов действия иногда становится необязательным: Так, можно сказать *Он купил/накупил книг*. Использование накопительного способа действия *накупить* однако делает русскую речь более аутентичной. Недостаток употребления термина "предельный" можно было устранить таким образом, что этот термин следовало бы употреблять в значении английского 'bounded', в значении же 'telic/atelic' — термины "динамический" и "статический", которые распространены в английской грамматической литературе (dynamic and stative verbs). Только динамические глаголы способны к аспектуальному противопоставлению. В английском языке, например, только от них образуются прогрессивные видовые формы, в финском и венгерском языках — фреквентативные способы действия.

В главе "Аспектуально-темпоральные значения" указывается, что категория времени "не является абсолютной лингвистической универсалией, но существует имплицативная закономерность, согласно которой в языке прошедшее время различается от непрочешедшего, если в нем вообще наличествует грамматическое время [...]. Все остальные формы времени — в более дифференцированных системах, разветвленных либо в сторону будущего, либо прошедшего времени — вызваны суждениями субъективного порядка и содержат элементы или модальности, или аспектуальности, или тот и другой" (с. 29). Будущее как гипотетическое понятие часто окрашено разными модальными значениями (ср. нем. *Er wird es schon wissen*), разные же формы прошедшего времени обнаруживают аспектуальные оппозиции. В этой же главе описывается функциональное соответствие грамматических времен в финском и русском

языках.

В 3-й главе "Аспектуальный статус падежа объекта в финском языке" доказывается, что в финском языке партитивный и винительный падежи объекта способны дифференцировать неопределенное и предельное аспектуальное значение глагольного действия. Ср.: *lukea kirjaa* 'читать книгу' — *lukea kirjan* 'прочитать книгу'. Однако нет прямолинейного соотношения между русским несовершенным видом и финским партитивным падежом, русским СВ и финским винительным падежом. Так, например, в финском языке существует конкуренция Акк/Парт в вопросительных предложениях, прежде всего, "да-нет"-вопросах. Ср.: *Вы читали эту книгу?* — *Oletteko lukenut tämän kirjan/tätä kirjaa?* (с. 103). В русском языке партитивный родительный падеж встречается обычно с глаголами СВ. Для трех объектных конструкций в русском языке мы имеем в финском лишь два эквивалента: *Он пил воду/выпил воды* 'Hän joi vettä' (Парт) — *Он выпил воду* 'Hän joi veden' (Акк). При этом надо отметить, что в русском языке партитивный родительный падеж в отдельных случаях возможен и с глаголами НСВ. Ср.: *Опять хожу, курю, выпиваю за завтраком водки и вина* (Л. Толстой, Крейцерова соната). [...] *украл коня и просит табаку* (Короленко, Сон Макара). (Ср. утверждение автора: "В утвердительных предложениях семантически мотивированное употребление т.н. партитивного встречается только с глаголами СВ" (с. 69).)

Четвертая глава посвящена другим аспектуальным средствам финского языка: количественным объектоидам, местным падежам (эссиву и транслативу, внутренне- и внешнеместным падежам и др.) и характеризованным способам действия (фреквентативам и моментативам).

В "Заключении" указывается, что в повествовании СВ выступает немаркированным (значение предельности), тогда как неопределенность (итерация, прогрессив) несов. вида маркируется. "Вне повествовательного текста СВ является маркированным в силу положительного признака целостности" (с. 288). Общие черты русской и финской аспектуальности заключаются в обозначении целостности. Значение же предельности/неопределенности доминирует в семантике русских глаголов и не имеет соответствия в финском языке.

В целом книга возбуждает интерес к типологическому изучению категории аспектуальности, способствует лучшему пониманию сущности аспектуальности в русском языке.

И. Пете

В.В. Колесов. Язык города. М., "Высшая школа", 1991, 192 с.

Б.А. Ларин уже в 1926 г. обратил внимание лингвистов на необходимость изучения языка города. Через два года он определил и конкретные задачи "лингвистической характеристики города".¹ Однако, необходимая и запоздавшая, по его мнению, "научная разработка языкового быта города" тогда не осуществилась, работа была прервана, и только через несколько десятилетий она была возобновлена уже другими лингвистами. Обращение к "живой" речи, точнее к устной реализации литературного языка, стало наблюдаться в конце 50-х годов, когда с помощью современных технических средств стало возможной фиксация звучащей устной речи, и на основе записей удалось научно обработать полученный речевой материал. Сегодня мы можем сказать, что благодаря усилиям коллектива Е.А. Земской, О.А. Лаптевой, саратовским и другим ученым, мы имеем всестороннее лингвистическое описание русской разговорной речи. В этих работах исследуется речь горожан (жителей Москвы и Ленинграда), имеющих в большинстве случаев высшее образование, следовательно, владеющих нормами литературного языка. Не желая умалять значения вышеупомянутых работ, следует заметить, что в поле зрения этих учених, по их строгим критериям, входит лишь определенная часть того огромного и сложного конгломерата, который и составляет "язык города". Авторами сборника "Городское просторечие" (М., 1984.) изучена как раз та часть городской речи, которую обходят вниманием исследователи разговорной речи.

В восприятии автора рецензируемой книги "язык" — это устно-речевая стихия, а "город" — это Петербург XVIII, главным образом XIX в., а также частично Петроград, Ленинград XX века. Исключение представляют глава о старомосковской речи, в которой говорится о ее роли в становлении литературного языка, и глава "Значение звучания", где сопоставляется московское и петербургское произношение, и отмечается разница в ударениях.

Когда мы читаем новую книгу В.В. Колесова, перед нами вырисовывается картина "речевой жизни" Петербурга. Мы слышим голоса офицера, торговца, барышни, даже вора. В.В. Колесов не

¹ См. об этом работы Б.А. Ларина "О лингвистическом изучении города" и "К лингвистической характеристике города" в кн.: Б.А. Ларин. История русского языка и общее языкознание. М., "Просвещение", 1977, с. 175—189; с. 189—200.

знает социальных, а также временных преград. В это многоголосие включаются не только представители разных сословий, но и "отцы" литературного языка, Карамзин, Державин и др., и ставшие позже "образцами" нормативной литературной речи Пушкин, Толстой и др. Не лишены слова и консервативные защитники чистоты речи, напр., А.С. Шишков, Я.К. Грот и др. Читатель становится свидетелем борьбы слов, высоких и грубых, просторечных и изысканных, остроумных и пошлых за право попасть в основной фонд "апробированных" (не цензорами, а речевой практикой и литературными текстами), полноправных литературных слов. Читая книгу, часто удивляешься, какой тяжелый путь должны были пройти некоторые слова, столь привычные и общеупотребительные в наши дни. Автор данной книги, описывая эту своеобразную многоголосицу, стремится уловить в семантических трансформациях, в исчезновении и возрождении слов те типичные тенденции, которые определяли общий процесс становления русского литературного языка.

В большинстве глав рецензируемой книги описываются особенности речи разных слоев общества, напр., дворянства, чиновников, мещан и пр. "Социальный принцип" описания языка Петербурга прерывают такие главы, в которых автор рассказывает о судьбе отдельных слов, употребление которых не закреплено за тем или другим социальным слоем, история которых однако заслуживает внимания. В этих главах, по существу в миниатюрных рассказах, говорится о "противоборстве" слов, как, напр., *калоши—галoши*, *буханка—булка*, *инфлуэнца—инфлюэнция—хрип—грипп*, о возникновении устойчивых словосочетаний, как, напр., *белые ночи*. В этих "новеллах" становится особенно очевидной способность автора к тончайшему семантическому анализу отдельных слов, с особой яркостью обнаруживаются здесь его огромные знания и, не в последнюю очередь, его чувство юмора. (К счастью, это его качество, его тонкая ирония проявляется и в других главах.) В главе "Женская речь" социальный принцип дополняется биологическим. Кстати, о речи петербургских женщин мы находим мало лестных слов. Они "обвиняются" в чрезмерном употреблении частиц, междометий, в злоупотреблении уменьшительно-ласкательными суффиксами, что мы не отрицаем; конечно, а скорее считаем и до сего дня актуальным. Однако в книге мы находим и более тяжкие обвинения...

Из небольших главок книги мы получаем очень важные и интересные сведения о специфике устной речи разных социальных групп. На наш взгляд, было бы более целесообразно, если бы этот термин употреблялся в книге более последовательно, и более

четко разграничивались термины "устная речь" и "разговорная речь". Дело в том, что с термином "разговорная речь" настолько сраслось определение Е.А. Земской, согласно которому разговорная речь — это неподготовленная, непринужденная речь носителей литературного языка, обнаруживающаяся в условиях непосредственного общения при неофициальных отношениях,² что употребление В.В. Колесовым термина "разговорная речь" в слишком широком плане, часто вместо термина "устная речь" (напр. с. 188–189), может привести к смешению терминов.

Внимание автора направлено главным образом на лексические особенности городской речи. Лексика же является наиболее изменчивым пластом национального языка. Заметим, что эти изменения более легко улавливаются исследователями прошлого, чем, напр., фонетические и синтаксические изменения устной речи. Особенности лексики посвящено немало работ. У одних авторов доминирует стилистический подход (Ю.А. Бельчиков, Е.Ф. Петрищева), у других — лингвострановедческий аспект (напр. А.А. Брагина), порой сугубо лингвистический (Е.А. Земская), другой раз выходят на первый план популяризаторские стремления, явно дидактические цели. (Мы имеем здесь в виду книги, занимающиеся вопросами культуры речи.) В числе этих работ новая книга В.В. Колесова, вышедшая в 1991 г., выделяется своим историческим аспектом, меткими лингво-социографическими рисунками, тонким анализом языковых явлений прошедших веков. Автор данной книги, опираясь на богатый лексический материал, взятый из старых мемуаров, писем, словарей и пр., создает не только пеструю картину петербургских "говоров", но мимоходом он рисует и быт, образ мышления простых и эрудированных людей. Перед нами книга, которая повествует не только о судьбе разнородных слов, но помимо этого и о "языковых нравах", короче, она знакомит нас с историей очень важного пласта русской культуры.

Хочется заметить, что в случае переиздания книги целесообразно было бы в последовательности глав придерживаться более строгого принципа и выделить в отдельную часть главы, где анализируются отдельные или противоборствующие друг с другом слова.

Рассматриваемая работа может представить интерес для всех, кто изучает лексический запас русского языка, историю литературного языка. Мы рекомендуем ее людям, интересующимся вопросами культуры речи, всем филологам-русистам, и поскольку

² См. подробнее в кн.: Е.А. Земская. Русская разговорная речь. М., "Наука", 1973, 5–17.

книга лишена всякого отвлеченного теоретизирования, книгу можно предложить вниманию любителей языковых тонкостей, ценителям экскурсов — порой забавных — в историю современного русского языка. Симпатию читателей должна вызвать эта книга не только своим содержанием, но и забавными рисунками, также удачно подобранными эпитафиями, расположенными под рисунками в начале каждой главы.

К. Куглер

Л.Л. Иомдин. Автоматическая обработка текста на естественном языке: модель согласования. М., "Наука", 1990, 168 с.

Рецензируемая монография, в которой предлагается формальное описание основных типов синтаксического согласования, действующих в современных текстах нейтрального стиля на русском языке (в первую очередь, в научно-технических текстах), состоит из введения и пяти глав. В конце книги даются еще условные обозначения, сокращения и использованная литература.

Во "Введении" Л.Л. Иомдин поясняет, что побудило его обратиться к традиционным проблемам согласования. Прежде чем приступить к формулировке правил этого явления, связанной с работой над синтаксическими компонентами систем машинного перевода, было необходимо сначала четко очертить круг релевантных фактов. Между тем составить перечень синтаксических конструкций, в которых имеет место согласование того или иного типа, не так просто, как это ожидается в случае, когда лингвист рассматривает традиционные и, казалось бы, достаточно изученные вопросы. Ведь вместе с синтаксическими конструкциями, в которых наличие и характер согласования не вызывают никаких сомнений, в языке существует много пограничных случаев, допускающих принципиально различные трактовки. Поэтому автор выбрал путь, суть которого заключается в том, чтобы наметить, хотя бы в общих чертах, теорию синтаксического согласования и только после этого переходить к разработке формального описания.

В рецензируемой книге используется ряд теоретических

принципов модели "Смысл \Leftrightarrow Текст".¹ В основе этой модели лежит представление о языке как о преобразователе смысла в текст(ы) и наоборот: текста в смысл(ы). Первый процесс именуется синтезом, второй же — анализом. Соответствие между смыслом и текстом устанавливается в несколько этапов. Промежуточными уровнями репрезентации смысла/текста являются синтаксический, морфологический и фонологический (первые два разделяются на глубинный и поверхностный подуровни).

Фундаментальные и важные для исследования согласования идеи и понятия названной модели коротко излагаются в первой главе "Основные элементы модели синтаксиса". Синтаксический (точнее поверхностно-синтаксический) компонент — это не что иное, как правила установления соответствия между поверхностно-синтаксическим представлением (ПСП) предложения и его глубоко-морфологическим представлением (ГМП). Такие бинарные правила в модели "Смысл \Leftrightarrow Текст" принято называть синтагмами. Что же касается ПСП и ГМП, которые могут быть преобразованы друг в друга при синтезе или анализе, то первое содержит поверхностно-синтаксическую структуру (ПСС) и сведения о кореферентности, "семантической" просодии, коммуникативной организации предложения, а второе — последовательность ГМП всех словоформ предложения и сведения о его просодии. В описании механизмов русского согласования, однако, приходится учитывать только ПСС, а также информацию о порядке ГМП словоформ предложения. Рассмотрим их несколько подробнее. ПСС представляет собой дерево зависимостей, в узлах которого стоят имена лексем (слов в одном их значениях), снабженные наборами семантически содержательных грамматических характеристик, а на ветвях — символы (поверхностно-)синтаксических отношений. Такое дерево конструируется следующим образом (с. 23):

- (1) Среди всех словоформ предложения выделяется одна словоформа — абсолютная вершина предложения.
- (2) На множестве словоформ определяется бинарное направленное (антисимметричное) отношение синтаксического подчинения.

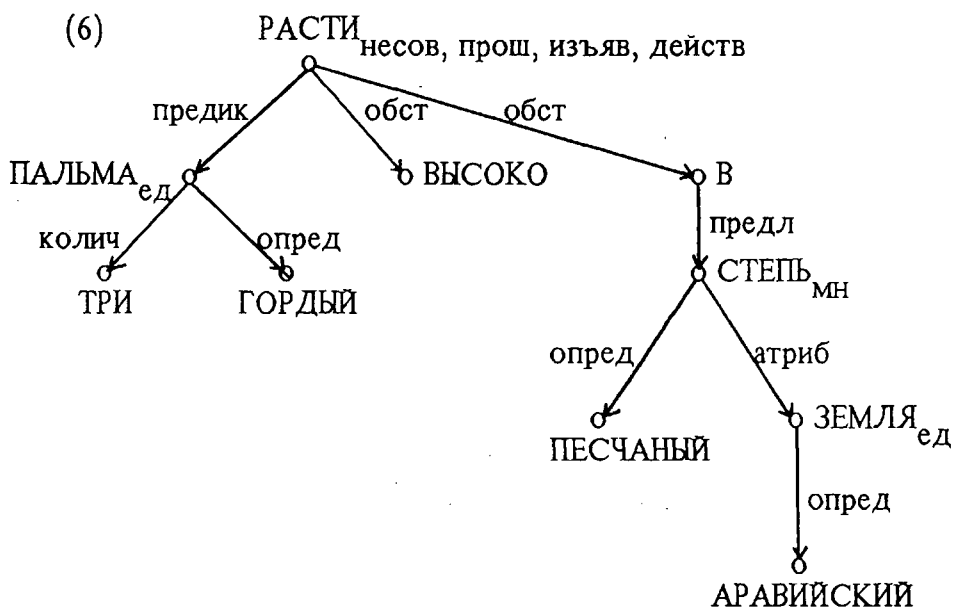
¹ Об этой модели см. И.А. Мельчук. Об одной лингвистической модели типа "Смысл \Leftrightarrow Текст". — Известия АН СССР. СЛЯ, 1974, No 5, с. 436—447.

Синтаксическое подчинение удовлетворяет двум условиям (с. 23):

- (3) Абсолютная вершина подчиняет себе (непосредственно или опосредованно) все прочие словоформы данного предложения.
- (4) Каждая словоформа, кроме вершины, непосредственно подчиняется некоторой другой словоформе, притом только одной.

Понятие ПСС иллюстрируется автором представлением в виде дерева зависимостей лермонтовских строк (с. 34):

- (5) В песчаных степях аравийской земли Три гордые пальмы высоко росли.



Перейдем к информации о порядке ГМП словоформ нашего примерного предложения: (7) показывает такое его изображение (с. 34).

- (7) В ПЕСЧАНЫЙ_{мн, предл} СТЕПЬ_{мн, предл}
АРАВИЙСКИЙ_{жен, ед, род} ЗЕМЛЯ_{ед, род} ТРИ_{им}

ГОРДЫЙ_{мн, им} ПАЛЬМА_{ед, род} ВЫСОКО

РАСТИ_{несов, прош, изъяв, действ, мн}

Как видим, вместо сведений о направлении и характере синтаксических связей, имеющих в ПСС, (7) содержит информацию о линейном порядке словоформ предложения. Кроме того, (7) по сравнению с (6) включает в себя полные наборы грамматических характеристик. Иными словами, в (7) к семантически обусловленным граммемам прибавлены синтаксически обусловленные, т.е. те граммемы, которые однозначно определяются синтаксическим контекстом. В скобках отметим, что в (7) некоторые менее важные граммемы прилагательных и наречия для простоты опущены.

Автор уделяет внимание также типам информации, характеризующей не словоформу, а лексему и вокабулу (множество лексем, между которыми усматривается полисемия). Они помещены в специально построенном словаре, согласованном с требованиями грамматики.² Из сведений, зафиксированных в ТКС, релевантны для формулировки правил согласования морфологические особенности, синтаксические признаки, модели управления и указание частей речи словарных единиц (с. 37).

Во второй главе "Понятие синтаксического согласования" автор сталкивается с проблемой порочного круга: сформулировать четкое определение согласования невозможно без представительной модели этого языкового явления, а создать такую модель невозможно без четкого определения. В качестве выхода из тупика предлагается различение научного и рабочего определений. От первого требуется, чтобы оно, с одной стороны, удовлетворяло логическим критериям, т.е. было исчерпывающим, избыточным и непротиворечивым, а, с другой, соответствовало как данным языка, так и другим научным понятиям. От последнего всего этого не ожидается: оно должно быть лишь более или менее адекватным. Располагая рабочей дефиницией понятия, исследователь может выделить круг релевантных фактов, построить соответствующую модель и на

² Относительно такого словаря (толково-комбинаторного — ТКС), см. Ю.Д. Апресян. Интегральное описание языка и толковый словарь. — ВЯ, 1986, № 2, с. 57–70; И.А. Мельчук, А.К. Жолковский. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Wien, 1984. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 14.)

ее основе изменить исходное понятие в сторону идеала.

Критикуя традиционное определение согласования³, Л.Л. Иомдин делает вывод, что этому определению можно придать статус рабочего только в том случае, если внести в него существенные исправления. Самую серьезную критику у автора вызывает основной тезис, согласно которому согласование является типом подчинительной синтаксической связи. Его возражения касаются трех моментов названного тезиса. Во-первых, хотя по дефиниции В.А. Белошапковой между согласующим (X) и согласуемым (Y) словами предполагается непосредственная подчинительная связь, наличие такой связи во многих случаях спорно. Ср.:

(8) (а) Все они [X] погибли совсем молодыми [Y].

(б) Мы считаем его выходку [X] возмутительной [Y].

Во-вторых, установление в предложении *Мальчик [X] быстро бежал [Y]* непосредственной подчинительной связи между X и Y приводит к нарушению свойств деревьев зависимостей. С одной стороны, нарушается второе требование к конструированию дерева: одно слово предложения подчиняет другое и одновременно подчиняется ему, т.е. глагольное сказуемое согласуется с существительным-подлежащим в числе и роде и вместе с тем управляет его именительным падежом. А с другой, в таком понимании синтаксическая структура предложения не обладает абсолютной вершиной (см. (1)).

В-третьих, самым важным представляется возражение, состоящее в том, что при трактовке согласования как типа (подчинительной) синтаксической связи понятие синтаксической структуры/конструкции⁴ становится производным от понятия согласования.

³ В качестве типичного примера автор приводит дефиницию В.А. Белошапковой (В.А. Белошапкова. Современный русский язык. Синтаксис. М., "Высшая школа", 1977, с. 32).

⁴ Ради удобства Л.Л. Иомдин оперирует вместо понятия "синтаксическая структура" близким к нему понятием "синтаксическая конструкция" (СК), считая для последнего достаточным интуитивное представление об СК как о типах элементарных словосочетаний, способных входить в состав предложения. К этому можно добавить, что употребление понятия СК является и более уместным, поскольку оно менее нагружено теоретическими предпосылками той или иной модели языка.

Конечно, одни случаи согласования элементарны, не зависят от тех конструкций, в которых *X* и *Y* встречаются (напр., согласование прилагательного с существительным в простых определительных конструкциях типа *красивый шар* и согласование глагола-сказуемого с существительным-подлежащим в конструкциях типа *мальчик бежал*). Другие разновидности согласования не могут быть выделены без предварительного указания СК, в которых они фигурируют. Иными словами, тип согласования зависит от конструкций, в пределах которых осуществляется согласование (напр., согласование прилагательного с существительным в количественно-определительных сочетаниях типа *четыре смертные ступени* и согласование глагола-сказуемого с существительным-подлежащим, имеющим при себе осложняющий количественный зависимый член: *На экзамен не явилось/явились пять студентов*). Таким образом, можно заключить, что ни одно из рассмотренных понятий не дается по единому "статичному" определению. Они должны определяться рекурсивно (о рекурсивном характере подробнее пишется на с. 56–58).

После критики традиционной дефиниции понятия согласования автор формулирует рабочее определение, которое сохраняет старую идею о совпадении одноименных грамматических категорий, но в котором устранены отмеченные недостатки. Без дальнейшего разъяснения процитируем общее рабочее определение (с. 59).

- (9) "Между двумя словоформами *P* и *Q*, входящими в определенную синтаксическую конструкцию, имеется синтаксическое согласование по некоторой совокупности общих для них грамматических категорий c_1, c_2, \dots, c_n , если либо 1) между *P* и *Q* выполняется стандартное синтаксическое согласование по этим категориям, либо 2) между *P* и *Q* имеется такое соответствие, которое получается из стандартного путем регулярных и простых преобразований."

В третьей главе "Дискуссионные вопросы русского согласования" на основе (9) производится предварительный отбор релевантных языковых фактов. К числу грамматических соответствий — т.е. тех синтагматических явлений в синтаксисе, которые невозможно определить однозначно ни как согласование, ни как управление — автор относит, среди прочего, соответствие грамм числительного и существительного в количественных группах. В числе спорных вопросов далее рассматривается именительный падеж именной части сказуемого. Автор приводит аргументы в пользу того, что эта словоформа появляется в результате способ-

ности *быть* управлять именительным падежом. Из состава синтаксического согласования также исключаются — по иным причинам — случаи, наблюдаемые в примерах (10) (а)—(г) (с. 74).

- (10) (а) Здесь работают замечательные писатель и врач.
(Два человека: замечательный писатель и замечательный врач.)
- (б) Здесь работают замечательный писатель и врач.
(Два человека: замечательный писатель и какой-то врач.)
- (в) Здесь работает замечательный писатель и врач.
(Два значения: i) 'один человек — замечательный писатель и притом замечательный врач' и ii) 'один человек — замечательный писатель и притом врач'.)
- (г) Здесь работают замечательные писатели и врачи.
(Четыре значения: i) 'две группы людей — замечательные писатели и замечательные врачи', ii) 'две группы людей — замечательные писатели и (какие-то) врачи', iii) 'замечательные писатели и они же замечательные врачи', iv) 'замечательные писатели и они же врачи'.)

Как видим, в этих предложениях число прилагательного, вместе с числом глагола, имеет нетривиальную семантическую нагрузку, т.е. перестает быть синтаксически обусловленной категорией. Информация, передаваемая такими грамматическими характеристиками, должна учитываться не на синтаксическом уровне, а на семантическом. В скобках отметим, что здесь и в дальнейшем автор ориентировался на соединительный тип сочинительных конструкций.

Среди проблем согласования уделяется внимание существительным так называемого общего рода. Наряду с подавляющим большинством случаев, не вызывающих трудностей при определении рода существительных, наблюдаются такие их классы, которые ведут себя особым образом. Основным из этих классов являются существительные "общего рода". Автор приводит доводы в пользу мнения, что в лексикографической трактовке им как вокабулам должны приписываться две лексемы (два значения), имеющие мужской и женский род соответственно. При этом нельзя упускать из виду, что связи между грамматическим родом и полом обозначенных лиц вовсе не прямолинейны, не одинаковы (ср. *сирота*, *зануда*, *староста*).

Думается, что даже частичный обзор спорных и трудных

явлений согласования, проанализированных в третьей главе, дает представление о тщательном и обстоятельном отборе автором существенных фактов для построения формальных правил модели синтаксического согласования.

В первом разделе четвертой главы "Формальная модель русского согласования" перечисляются основные типы согласования:

1. согласование глагола-сказуемого с существительным-подлежащим (*мальчик бежал*);
2. согласование адъектива (прилагательного и причастия) с существительным:
 - 2.1. согласование определения с определяемым словом (*красивый шар*),
 - 2.2. актантное согласование (*объявить собрание закрытым, ночь нежна*),
 - 2.3. дистантное согласование (*послать лучшего из студентов; мальчики, которых спросили*);
3. согласование двух существительных (*студента-медика*), характеристика которого не входит в задачи рецензируемой книги.

В соответствии с пунктами а) и б) рабочего определения синтаксического согласования для выделенных типов, кроме простых, стандартных разновидностей (см. примеры в предыдущем абзаце), отмечены также случаи осложненного согласования. Осложнения вызываются, в числе других, "необычными" существительными типа *большинство, врач, превосходительство*; существительными, имеющими при себе количественные, сочинительные или комитативные зависимые.

Во втором разделе четвертой главы вводится центральное для модели понятие оператора согласования. Особые механизмы русского синтаксиса, которые позволяют учитывать сведения о соответствии граммем членов различных СК, называются операторами согласования (с. 96). Каждый оператор соответствует одному типу согласования:

1. СОГЛ*А(S) — оператор согласования для предикативных конструкций (А — адъектив, S — существительное);
- 2.1. СОГЛ*V(S) — оператор согласования для определительных конструкций (V — глагол),
- 2.2. СОГЛ*act — оператор актантного согласования,
- 2.3. СОГЛ*dist — оператор дистантного согласования.

Они представляют собой множество формальных правил вида $X:Y|C$. В левой части правила указываются свойства согласующей словоформы (X), в правой его части — необходимые черты согласу-

емой словоформы (Y). За вертикальной линией задаются условия применимости правила: требования к древесному и глубинно-морфологическому контексту для пары словоформ, соответственно при синтезе и анализе. Итак, наличие согласования требуемого типа между двумя словоформами устанавливается в том случае, если выполняются все условия по крайней мере одного из правил данного оператора. В противном случае делается констатация об отсутствии согласования.

В остальных разделах этой главы приводятся основные правила, относящиеся к одному из четырех операторов согласования. (Следует добавить, что — как отмечено, например, на с. 118–119, 127–129 — несколько правил, обслуживающих периферийные случаи, опускаются.) При перечислении каждое правило сопровождается подробными неформальными пояснениями и иллюстрируется примерами.

Здесь мы не будем приводить перечня правил, охватывающих и стандартное согласование, и отклонение от него, а только упомянем, что оператор СОГЛ*V(S) по числу и роду включает в свой состав 14 основных правил, оператор СОГЛ*V(S) по лицу — 5, оператор СОГЛ*A(S) — 7, оператор СОГЛ*act — 6, а оператор СОГЛ*dist — всего 2.

В заключение обзора четвертой главы следует еще раз подчеркнуть, что здесь учитываются лишь синтаксически обусловленные грамматические характеристики. Если какая-либо категория становится в определенных контекстах семантически содержательной, то она не включается в модель синтаксического согласования. Однако, автор иногда (см. с. 100 и 112) позволяет себе отвлечься — по практическим причинам, связанным с автоматической обработкой текстов — от незначительных семантических различий между вариантами согласования.

В пятой главе "Синтаксис русских определительных конструкций" предлагается описание поверхностно-синтаксических правил — синтагм, обслуживаемых оператором СОГЛ*A(S); перечень этих синтагм дается с целью проиллюстрировать место операторов в общей системе автоматического синтаксического анализа и синтеза.

После краткого ознакомления читателя с результатами проведенного Л.Л. Йомдиным исследования мы хотим указать хотя бы на одно — однако важнейшее — его достоинство, а именно на **глубокий анализ** понятия согласования и круга релевантных фактов, без которого невозможно было бы построить формальную модель многократно изученного, но полностью не обработанного явления

— согласования. Последовательное различение случаев согласования и несогласования, синтаксического и несинтаксического согласования, стандартных и нестандартных разновидностей и удачную классификацию их типов можно считать значительными достижениями рецензируемой книги на пути создания модели согласования и вообще теории языка. Эти качества несомненно должны быть очевидны и для ученых, которым "не симпатична" концепция "Смысл \Leftrightarrow Текст", использованная при формулировке правил синтаксического согласования. Однако, понимание и усвоение названных достижений затрудняются расшифровками опечаток. К сожалению, их немало (см., напр., с. 25, 63, 65, 66, 73, 93, 97, 107, 144). А на с. 122 отсутствуют пояснения и примеры, относящиеся к первому правилу оператора СОГЛ*аст, и схема его второго правила.

Следует еще отметить, что — кроме оговоренного самим автором опущения тонких семантических различий вариантов и отсутствия приведения периферийных правил согласования — также представляют интерес как с практической точки зрения обучения русскому языку как иностранному, так и с теоретической точки зрения такие предложения, как, например, *Это были мои друзья, Учиться — полезно, В дверь постучали, Вечереет, С доски стерто*. Хорошо было бы получить ответ на вопросы, как и чем определяются словоформы *были, полезно, постучали, вечереет, стерто*. Конечно, это не входит в задачи книги, предлагающей — как компонент автоматической обработки текстов — формальное описание основных типов синтаксического согласования, действующих в современном научно-техническом стиле, тем не менее требуется дальнейшее исследование согласования и явлений, в какой-то мере сходных и/или смежных с согласованием.

Подведем итоги. Несмотря на наши критические замечания, касающиеся опущения определенных случаев согласования и опечаток, мы искренне можем рекомендовать рецензируемую монографию тем, кто интересуется и увлекается проблемами согласования, в том числе формальной моделью синтаксического согласования.

К. Бибок

Имре Тот. Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI—начале XII вв. София, Изд-во Болгарской академии наук, 1985, 358 с.

The work reviewed below can be considered a significant result in Hungarian Slav studies. For decades the author has been a well-known and highly acclaimed scholar of Old Russian (OR) and Old Church Slavonic (OCS) language monuments, both in Hungary and abroad. He can also be credited with both the discovery and initial description of several such monuments. This book can also be evaluated as a kind of synthesis of this work in this field.

The term "древнеболгарский" (Old Bulgarian, OB) is consistently used, not only in the title but also throughout the whole book, instead of the generally accepted "старославянский" (OCS). The revival of this term, based on the 19th century — mainly German — tradition, does not seem to be out of place at all in the given context, since the author is consistent in indicating the Bulgarian character of the protographs of the language monuments studied, making a subtle distinction even between their East and West Bulgarian dialectal features.

What is this book not about? Its thematic restrictions are fixed as early as the foreword: it is not about the origins of literary language or the historical grammar which marked different changes in the Russian language. The author's chief aim is to give a manysided analysis of the Russian 'recension' of OB language monuments and to show the process of their russification. For this purpose the material of 10 early, 11th c. manuscripts is used. Several of them were previously presented by the author in different publications, mainly in the periodicals *Studia Slavica* and *Dissertationes Slavicae* (Szeged). Although these monuments are relatively short in themselves, they nonetheless amount to a considerable corpus of 140 pages. The following manuscripts are included: the Sluck Psalter, the one-jer part of Antioch's Pandects, the Turov Gospel Folia, the Lives of Condrat and Thekla, the Dubrovskij Menology, the Byčkov Psalter, the Cyrillic part of the Reims Gospel, the second, evangelical part of the Savvina kniga. The voluminous bibliographies after reviews of the manuscripts, which cover every detail and are composed with great philological care, prove that each of them is of Bulgarian origin and each of them was copied in the second half of the 11th c. in the East Slavic language area. The author's attention is turned towards the russianisms which gradually replaced and ousted OB features. These

are different and well-known phonetic and morphological points (17 altogether), here we mention only some of them: *ъ, ѡ* replaced by *ов* and *а* reflecting denasalisation; Common Slavic (CS) **dj, *tj* → OR *ж, в*; the phenomenon called 'full vocalism', the problem of 'nasal' *ѣ*, the *-змѣ/-ѣмѣ* endings of the Instr. sing. masc. and neutr., the contracted forms of imperfect, etc. Reading the criteria of russification one can put, however, some questions deriving from a certain feeling of incompleteness. First of all, no comment — not even a remark of refusal to accept the obligation — is made on the lack of lexical and syntactic research. One can only guess the reason (apart from the technical details of a restricted number of pages of any book): copying strictly ecclesiastical and canonized texts meant that the scribes could not (and were not allowed to) deviate too much from the original exactly on these levels. This is why the lexical and syntactic isoglosses, taking shape, by the way, more slowly and later than others, could hardly leak through. Further on: some additional morphological criteria can also be recommended for consideration. Such points are meant as, e.g., the supremacy of the secondary (or *och*) aorist forms or the abundance of the old *ŷ*-stem endings — not only in the Instr. sing. masc. and neutr., which may be, too, indicative of a certain extent of russification.¹

Apart from these linguistic criteria the first place in the analysis, however, is occupied by the thorough graphic and orthographic description of the manuscripts, the chapter entitled "От графики к орфографии", covering over 130 pages. The author's investigations have their antecedents here, too, from the classics of Slavic studies (Jagič, Sreznevskij, Šachmatov) through Durnovo up to the English Slavist H.G. Lunt and further on (the bibliography goes up to 1980, but some fresher works are not excluded either). In our view, however, I. H. Tóth has been able to do the work of a pioneer even in this field with his systematic method of investigation that has

¹ Although this is undoubtedly true, the paradigm of the *ŷ*-stems and their influence on other stems was much more of CS character in the 11th c. (cf. Ф.П. Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., "Наука", 1972, с. 366 и след.) than later, when, e.g., the *-ови*-type forms of Dat. sing. moved gradually to the West. According to a short statistical survey compiled by the author of this review, in the Codex Marianus there are 23 different nouns not belonging to the *ŷ*-stems that take the *-ови* ending in 101 cases (П. Лили. К вопросу о существительных с основой на -ŷ. — *Studia Slavica*. XIX. 1973, p. 204).

been carried out consequently for all the 10 manuscripts. One quality of the work lies in the many-sided study of the use of the *jes* letters and their mixing with the characters denoting 'clear' (de-nasalised) *u* and *a* sounds. Their etymological and inetymological occurrence is documented and supported by exact statistical data certifying the frequency of the use of one or the other of them in a given context of letters (— phonemes), taking into account even their morphemic placement. All these data contribute to a more exact chronologization and localization of the manuscripts studied and promote the definition of their possible protographs. Here, of course, there is no place to review every detail of this problem, but the statistics make it clear that the use of the letters mentioned above is much more frequently inetymological than correct.

What has been said above refers equally to the *jer*'s. The most important statement here seems to be that the manuscripts with one *jer* contain a relatively few number of russianisms and, consequently, one of the most important changes in the history of Russian spelling was the transition from the *one-jer* school to the *two-jer* one.

Concerning the use of the pre-iotated letters two groups are set up. In one of them (the Ostromir Gospel, the two Svjatoslav Collections) the stock is full. On the other hand, none of the 10 manuscripts studied have this feature, it is the letter *ѣ* that is most frequently dropped. The most consistent monument in this respect is the Reims Gospel eliminating even the characters *ю* and *ѣ* which are well preserved in the other 9 manuscripts. This seemingly radical orthographic reform of the Reims Gospel, however, may also have emerged under the influence of a very archaic protograph — as can be read on p. 170 — which may have lacked the whole stock of pre-iotated letters as the ancient version of the Cyrillic alphabet certainly did. The complicated nature of this question is underlined also by the fact that the Reims Gospel is archaic in its use of the *jer*'s but, nevertheless, contains several Russian linguistic features. So it is not an enviable situation to find oneself in wishing to define the relatively exact time and place that one or the other language monument was written or copied. I think that real linguistic (phonetic, morphological) data can render a more reliable source for this, simply because the special literature is much wider and voluminous in this field. Not too many scholars have taken the risk of dealing with the laborious tasks of palaeography.

The 3rd and 4th chapters of the book are made up of the analysis of the linguistic material rendered by the 11th century russianized OB manuscripts. Some of these phonetic and

morphological russianisms have already been mentioned above. Special attention should be paid to the author's statement, according to which the reduced vowels are present both in strong and weak positions. It is sometimes only diacritic signs that refer to the possible lack of the reduced vowels in the protographs, but the OR scribe felt 'obliged' to note their absence, since he used them in his vernacular in all positions (cf. м'норъ). This feature makes the 11th c. the most probable time of emergence of the manuscripts. The problem of the *tr̃rt* group is also closely connected with that of the reduced vowels. The majority of the manuscripts studied show the OB *tr̃rt* version, whereas the Life of Thekla, the Dubrovskij Menology and the Byčkov Psalter show the overwhelming or exclusive use of *tr̃rt* or even *tr̃rt̃*. *ѣ* is usually in its etymological place, though even at this early stage its mixing with *е* (especially in the Dat. sing. of personal pronouns, e.g. тѣѣ, and in the reflection of the CS group *tert*, cf. сѣѣ-) can be observed. Following Durnovo and Gerta Hüttl-Folter, I. H. Tóth uses the term 'full vocalism' not in its phonetic but rather in its lexicological sense. The ecclesiastic style and the OB protographs do not let the OR forms leak through. There are only two exceptions: the *верес* version of the preposition *врѣтъ* and the 'pseudo-full-vocalic' *серебро*.

To preserve conciseness, here we turn the reader's attention only to those phonetic and morphological points which are considered by the author to show an especially advanced stage of russification as, e.g., **dj* → *ж*, epenthetic *l*, the Instr. sing. -змь/-ѣмь ending, the -тъ ending in the 3rd pers. sing. and plur. of verbs, the contracted forms of the imperfect. It must be born in mind, however, that these features are characteristic of the manuscripts to a different extent. This is, perhaps, the basic thought of I. H. Tóth's work: some of the sporadic russianisms emerging; so to say, by chance in the first half of the 11th c. changed into a **norm** as time passed, their use became **systematic**, i.e. the way of OB language monuments led from "русский извод" (Russian recension) to "русская редакция" (Russian edition). I. H. Tóth is very convincing in proving this point, and it is this novelty that makes his work worthy of scientific recognition and acknowledgement.

СОДЕРЖАНИЕ

Е.Л. Бархударова.	Особенности позиционного варьирования русских согласных фонем на стыках словоформ	3
Е.М. Демянова.	Соотношение между временем сказуемого и временем атрибута-причастия с суффиксами -ущ-, -ющ-, -аш-, -ящ- на морфологическом уровне	11
И.А. Гончар.	Способы выражения зрительного восприятия в художественной публицистике (на материале экологических произведений В. Пескова)	19
Б.И. Осипов.	Заметки по поводу отражения табуированной лексики в бодуэновских изданиях "Толкового словаря живого великорусского языка" В.И. Даля	31
Й. Крекич.	Перформативные высказывания просьбы ...	51
И. Пете.	Употребление глаголов совершенного вида в болгарских и русских отрицательных побудительных предложениях	75
К. Fábriчz.	Capturing subjective meaning (A contrastive study of modal particles in Hungarian and Russian)	83
К. Куглер.	Устный перевод как средство интенсификации работы на занятиях по разговорной практике	101
Р. Павлова.	Петр Черноризец в древнеболгарской литературе	107

В.В. Иштугин.	Изуление и издание произведений Юрия Крижанича в Обществе истории и древностей российских при Московском университете (ОИДР) в 19 в.	113
Г. Балаж.	Проблема причинности в языковых изменениях	123
М. Кочиш.	К графико—орфографическому анализу церковнославянских рукописей	137
И. Х. Тот.	Фрагмент служебной минеи за месяц март	147
Рецензии		
И. Пете.	Ханну Томмола. Аспектуальность в финском и русском языках	179
К. Куглер.	В.В. Колесов. Язык города	182
К. Бибок.	Л.Л. Иомдин. Автоматическая обработка текста на естественном языке: модель согласования	185
Р. Lieli.	Имре Тот. Русская редакция древнеболгарского языка в конце XI—начале XII вв.	195
Содержание	199

Felelős kiadó a Bölcsészettudományi Kar Dékánja
Készült 200 példányban
A szövegszerkesztést Gy. Login Adrienne végezte
T³ szövegszerkesztő programmal
a JATE BTK Szláv Filológiai Tanszékén.



Készítette a JATEPress
6722 Szeged, Petőfi S. sgt. 30–34.

Felelős főszerkesztő: Szőnyi Etelka
Sokszorosító vezető: Szőgi Lászlóné
Méret: B/5